ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

№ 4 (72) 2025

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 4 (72) 2025

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Соучредители – Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Акшиков Александр Геннадьевич, секретарь ред. совета, канд. ист. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д-р филол. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачоньтомай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – зам. главного редактора, отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Молотова Тамара Лаврентьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багишевна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2025
© Авторы статей, 2025

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 4 (72) 2025

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Co-founders – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El "V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History",
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Mari State University"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Akshikov A.G. Candidate of History, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Deputy Editor, Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Penkova M.V., Executive Editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Molotova T.L., Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Nikitina T.B., Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Куцаева М.В. Марийцы и их язык за пределами Республики Марий Эл (по данным социолингвистических экспедиций 2024–2025 годов) 7

Сибатрова С.С. О семантике марийских имен прилагательных цвета в связи со словообразованием 37

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бояринова Г.Н. Виктория Матвееван лирике ойыртемже..... 67

Савицкая У.Н., Кудрявцева Р.А. Реминисценции в стихотворении Семёна Николаева «Айста-айста!» («Давайте-давайте!») 81

ИСТОРИЯ

Бахтин А.Г. Участие населения Марийского края в освобождении страны от польско-литовских интервентов в период Смуты начала XVII века 92

РЕЦЕНЗИИ

Бусыгина Л.В. Рец.: Орфографический словарь удмуртского языка с правилами орфографии и пунктуации: около 55 000 слов и словосочетаний / С.А. Максимов, Л.М. Ившин и др.; отв. ред. С.А. Максимов, Л.М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2025. 876 с. 119

Ласточкина Е.Г. Рец.: Михайлов В.Т. Марийская книга: к 250-летию первой марийской грамматики и 100-летию Марийского книжного издательства / В.Т. Михайлов. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2025. 274 с. 122

Текенова У.Н. Рец.: Литературы народов Урало-Поволжья: конвергенции и дивергенции (коллективная монография под ред. М.И. Ибрагимова). Казань: ИЯЛИ, 2025. 336 с. 127

ХРОНИКА

Кашкин Е.В. Международная научная конференция «Языки России в контакте с русским языком»..... 129

Соколова Е.Г. К 100-летию со дня рождения Андрея Эшпая: по итогам Всероссийской научно-практической конференции «А.Я. Эшпай и музыкальная культура XX–XXI веков» 135

Памяти Тамары Лаврентьевны Молотовой (1956–2025) 138

Хроника научных и культурных мероприятий финно-угорского мира за 2025 год..... 140

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Kutsaeva M.V. Mari people and their language beyond the Republic of Mari El (data from 2024–2025 sociolinguistic expeditions) 7

Sibatrova S.S. On semantics and word formation of adjectives denoting colours in Mari 37

LITERATURE STUDIES

Boyarinova G.N. The characteristics of Victoria Matveeva's poetry 67

Savitskaya U.N., Kudryavtseva R.A. Reminiscences in S. Nikolaev's poem "Aista-Aista!" ("Let's!") 81

HISTORY

Bakhtin A.G. Participation of the Population of the Mari region in the liberation of the country from Polish-Lithuanian invaders during the Time of Troubles in the early 17th century 92

BOOK REVIEWS

Busygina L.V. Review: Udmurt spelling dictionary with rules of writing and punctuation: about 55 000 words and phrases / S.A. Maksimov, L.M. Ivshin etc.; edited by S.A. Maksimov, L.M. Ivshin; Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Izhevsk, 2025. 876 p.... 119

Lastochkina E.G. Review: Mikhailov V.T. Mari book: on the 250th anniversary of the first Mari grammar and the 100th anniversary of the Mari book publishing house / V.T. Mikhailov. Yoshkar-Ola: Publishing house "Mari book publishing house", 2025. 274 p. 122

Tekenova U.N. Review: Literatures of the peoples of the Ural-Volga region: convergences and divergences (a collective monograph edited by M.I. Ibragimov). Kazan: Institute of Language, Literature and Art, 2025. 336 p. 127

CHRONICLE

Kashkin E.V. International Scientific Conference "Languages of Russia in Contact with the Russian Language" 129

Sokolova E.G. On the 100th anniversary of Andrei Eshpai: based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Andrei Ya. Eshpai and the Musical Culture of the 20th –21st centuries" 135

In memory of Tamara Lavrentyevna Molotova (1956–2025) 138

Chronicle of scientific and cultural events in the Finno-Ugric world for 2025 140

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81’ 27 + 811.511.151
DOI 10.51254/2312-0312-2025-4-72-7-36

МАРИЙЦЫ И ИХ ЯЗЫК ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 2024–2025 ГОДОВ)

© 2025 г. М.В. Куцаева

Введение. За пределами Республики Марий Эл проживает почти половина марийского населения Российской Федерации. Компактные и дисперсные группы марийцев расселены во многих регионах страны, включая Республики Башкортостан, Татарстан, Свердловскую и Кировскую области. **Цель статьи –** описать современное социолингвистическое состояние марийского языка в некоторых марийских сообществах Башкортостана, Татарстана, Свердловской и Кировской областей, определить перспективы сохранности языка. **Материалы и методы.** Материалами статьи послужили полевые данные, собранные автором в Башкортостане, Татарстане, Свердловской и Кировской областях в 2024–2025 годы. В исследовании применялся комплекс социолингвистических методов. **Результаты исследования, обсуждение.** В работе обсуждается общее состояние марийского языка в различных сферах (семья и сообщество, образование, средства массовой информации, культурно-досуговая сфера, художественная литература, религия и некоторые другие). Проводятся параллели между этнолокальными марийскими сообществами, выявляются общие проблемные места, а также различия и обуславливающие их факторы, предпринимается попытка описать языковые ситуации и определить степень сохранности марийского языка в исследуемых местах компактного проживания марийцев. **Заключение.** Автором делается вывод о более благополучной ситуации в марийских сообществах Башкортостана, относительно благоприятном состоянии в Татарстане. Ситуация с марийским языком в сообществах уральских марийцев представляется более тревожной, тогда как в сообществах кировских марийцев, по нашим оценкам, он находится в наиболее угрожающем

состоянии. В целом все марийские идиомы, бытующие в настоящее время в изучаемых регионах, так или иначе являются уязвимыми и требуют срочной документации.

Ключевые слова: марийский язык; социолингвистическое обследование; языковая ситуация; языковой сдвиг; сохранность языка; языковые идеологии; марийцы Башкортостана; марийцы Татарстана; уральские марийцы; кировские марийцы.

Введение

За пределами административно-территориальных границ Республики Марий Эл почти половина марийского населения проживает ныне компактными и дисперсными группами (см. Табл. 1). Места компактного расселения марийцев в Башкортостане, Татарстане, Кировской и Свердловской областях образовались вследствие исторических причин (об этом см.: [Сепеев, 1975, с. 21–45; 2006; Козлова, 1978, с. 230–339]), в результате сложились этнографические группы и диаспоры [Марийцы, 2018, с. 139–145].

Таблица 1

Численность марийского населения в некоторых регионах Российской Федерации [ВПН, 2020]

Регион	Городское и сельское население	Городское население	Сельское население
Республика Марий Эл	246 560	107 729	138 831
Республика Башкортостан	84 988	30 356	54 632
Республика Татарстан	15 666	9102	6564
Кировская область	18 766	5685	13 081
Свердловская область	13 995	6273	7722

Необходимо отметить, что вопросами изучения марийцев, проживающих в указанных регионах, и соответствующей *марийской* тематикой занимались археологи, историки, этнографы, лингвисты, социологи и др. (см.: [Марийцы, 2018]). Однако, несмотря на накопленные исторические, диалектологические, этнографические материалы, такой аспект, как функционирование марийского языка в местах компактного проживания марийцев за пределами Республики Марий Эл, ранее не выступал предметом отдельного исследования, что обуславливает научную новизну настоящей работы.

Вместе с тем нужно добавить, что численность марийского населения в этих регионах в целом неуклонно снижается (см. Табл. 2).

Долгое время марийское население в местах своего компактного проживания оставалось преимущественно сельским, однако в настоящем, ввиду

общемировых тенденций к глобализации и урбанизации, доля горожан неизменно увеличивается (ср. данные относительно городского и сельского *марийского* населения в Табл. 1). В условиях городской среды сохранность этнического языка находится под угрозой исчезновения уже во втором поколении (см.: [Куцаева, 2022]). Так, число лиц, указавших владение марийским языком и использование его в повседневной жизни, несколько различается в городской и сельской среде (см. Табл. 3).

Таблица 2

Динамика численности марийского населения в некоторых регионах Российской Федерации [Демоскоп; Сепеев, 2006, с. 180–185; ВПН, 2020]

Регион	1979	1989	2002	2010	2020
Республика Башкортостан (Башкирская АССР)	106 793	105 768	105 829	103 658	84 988
Республика Татарстан (Татарская АССР)	16 842	19 446	18 787	18 848	15 666
Кировская область	47 910	44 496	38 930	29 598	18 766
Свердловская область	26 757	31 297	27 863	23 801	13 995

Таблица 3

Владение марийским языком и его использование в некоторых регионах Российской Федерации [ВПН, 2020]

Регион	Городское население		Сельское население	
	Численность лиц, владеющих марийским языком	из них используют его в повседневной жизни	Численность лиц, владеющих марийским языком	из них используют его в повседневной жизни
Республика Башкортостан	14 917	12 932	47 218	44 775
Республика Татарстан	5066	3972	6322	5545
Кировская область	2135	1349	8568	7574
Свердловская область	2277	1449	5427	4917

Такое положение с этническим языком в марийских сообществах вызывает обеспокоенность и определяет актуальность текущего исследования.

Непосредственный интерес автора к тем или иным *марийским* районам и местам за пределами Республики Марий Эл обусловлен и тем, что они являются малой родиной для части марийцев, выступивших респондентами в рамках завершившегося проекта, посвященного функционированию марийского языка в московском регионе (об этом см.: [Куцаева, 2022]).

Цель статьи – описать современное социолингвистическое состояние марийского языка в некоторых марийских сообществах Башкортостана, Татарстана, Свердловской и Кировской областей, определить перспективы сохранности языка.

Материалы и методы

Материалами статьи послужили анкетные данные, собранные автором в местах компактного проживания марийцев в 2024–2025 годах. Исследованием были охвачены некоторые населенные пункты, расположенные в Мишкинском, Калтасинском, Шаранском районах Республики Башкортостан, Кукморском и Агрызском районах Республики Татарстан, Ачитском, Нижнесергинском, Красноуфимском и Артинском районах Свердловской области, Кикнурском, Уржумском, Яранском районах Кировской области. Совокупная выборка составила более 700 чел.

В отношении половозрастной структуры выборки необходимо отметить следующее. В кировской части выборки почти не представлены подростки. Это обусловлено тем, что в населенных пунктах, которые мы посетили в ходе полевой работы, наличное население – представители преимущественно старшего поколения, по их собственным словам, «доживающие и выживающие», а семьи с детьми отсутствуют ввиду тяжелого экономического положения на селе: школы закрыты вследствие *оптимизации* образования, фермерских хозяйств практически нет. Там, где функционируют школы, было нетрудно найти респондентов младших когорт (Башкортостан, Татарстан, Свердловская обл.). Кроме того, для всех сообществ (и выборок) характерно слабое присутствие мужчин трудоспособного возраста, что объясняется нехваткой рабочих мест на селе, а значит, необходимостью выезжать на заработки вахтовым методом. Так, в нашем *московском* изучении мы не столкнулись с подобной проблемой: в выборке были достаточно представлены мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, что обусловлено в том числе экономической притягательностью московского региона. В текущем исследовании женщины, особенно старше 55 лет, проявляли более живой интерес к обследованию, чем мужчины этих же когорт.

Респондентами выступили учащиеся и сотрудники школ, сельских домов культуры, администрации, локальных СМИ, участники творческих коллективов, представители марийской традиционной религии, языковые и этнические активисты, члены марийских национально-культурных автономий на местах, лица, занятые в сельском хозяйстве и на производстве, а также пенсионеры. Опрошенные идентифицируют себя в качестве марийцев. Важным штрихом к современному социолингвистическому портрету марийских сообществ стала серия интервью с представителями этнических групп, которые проживают в марийской среде или состоят с нашими респондентами в родственных или брачных отношениях и, следовательно, находятся с ними в постоянном контакте, – удмуртами, татарами, чувашами.

В изучении использовался следующий комплекс социолингвистических методов: наблюдение, анкета, глубинное и полуструктурированное интервью, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных. Интервью длительностью от 40 до 60 минут проводилось с каждым участником опроса индивидуально по вопросам специально разработанной анкеты. Анкета состоит из нескольких блоков: паспортный, языковые биографии, актуальное использование языков, бытование языка в этнической культуре, язык и этничность. (Подробнее о методологии см.: [Kutsaeva, 2021]).

Результаты исследования, обсуждение

В Республике Башкортостан проживает самая большая марийская диаспора, имеются несколько *марийских* районов с высокой плотностью марийского населения [Марийцы, 2018, с. 140]. Два из них – Мишкинский и Калтасинский – удалось посетить в ходе экспедиций. Шаранский район, в терминологии самих респондентов – как уроженцев района, так и мишкинских, калтасинских участников опроса – является скорее *татарским.* Родители большинства опрошенных в выборках – этнические марийцы; незначительное число респондентов родились в смешанных браках. Наметилась тенденция к росту межэтнических браков в поколении детей, внуков в семьях самых пожилых респондентов.

Марийский язык стабильно употребляется во внутрисемейном, дружеском общении в старших и средних когортах. Использование марийского языка в младших когортах зависит от величины населенного пункта. Так, в с. Мишкино на владение и использование марийского языка в повседневной жизни указали старшеклассники – уроженцы близлежащих марийских деревень (дер. Ирсаево, дер. Староваськино), проживающие ныне в селе, тогда как их сверстники, выходцы из с. Мишкино, заявили о том, что *понимают* марийский язык. Это же косвенно подтверждается и участниками опроса в средних когортах, проживающими в Мишкино: их дети, как правило, *понимают* свой родной язык, но предпочитают отвечать по-русски.

Функционально первым языком младших школьников и дошкольников, по нашим наблюдениям и общему мнению в сообществах башкирских марийцев, независимо от величины населенного пункта, в настоящее время является в основном русский язык. Речевые практики и первичные навыки социализации формируют окружающие ребенка взрослые, часть из них сознательно выбирает русский в качестве основного языка домашнего общения. Это обусловлено травмирующим опытом старшего и среднего поколений в прошлом: участники опроса неоднократно вспоминали о своих трудностях при поступлении в школу и необходимости освоения русского языка на уроках (об этом см. также: [Куцаева, 2023а, с. 60]). Определенное влияние на речевые практики младших детей оказывают старшие братья и сестры. В ситуации минори-

тарных языков именно старшие сиблинги заметно лучше владеют этническим языком. Наши респонденты, старшеклассники, также признали, что знают марийский язык лучше своих младших братьев и сестер. Сотрудники школьной столовой в одной из деревень обслуживают старшеклассников на марийском языке, а учащихся младших классов – на русском. Губительное влияние оказывают современные технологии: большинство детей, по признанию родителей и учителей, «проводят много времени в смартфонах», потребление медиа контента – скорее на русском языке.

Марийский язык не является языком воспитания в дошкольных учреждениях как в крупных селах (Мишкино, Калтасы), так и в небольших населенных пунктах. Ранее в ситуациях бытового общения в детском саду марийский язык, по свидетельству опрошенных, вполне допускался, однако эти речевые практики угасают в том числе ввиду отсутствия четко прописанного механизма реализации программы ФГОС на родном языке в примерной образовательной программе дошкольного образования (обзор общей ситуации в см.: [Исаев, 2019]). В этой связи сотрудникам ДОУ часто представляется, что директива использовать исключительно русский «спускается сверху», а родителям воспитанников детсада – что «в детском саду не говорят уже по-марийски». В итоге большинство детей поступают в детский сад *подготовленными:* первым языком для них является русский.

В Республике Башкортостан в местах компактного проживания марийцев ведется преподавание родного языка. Марийский язык изучается в небольших и средних населенных пунктах, а также на базе Полилингвальной многопрофильной школы в с. Мишкино[1]. В с. Калтасы марийский язык не изучается.

Учащиеся марийских классов единодушно отметили важность изучения марийского языка и литературы, желание «узнать больше о марийских писателях, поэтах и других знаменитых марийцах». Тем не менее количество часов, которое отводится на изучение родного языка и литературы, уменьшается и составляет в среднем по одному часу на каждый предмет, а в некоторых старших классах – по 0,5 часа. Программа неизбежно уплотняется и становится выборочной. В выпускных классах случается, что уроки марийского языка уступают место подготовке к ЕГЭ по русскому, по сообщению наших респон-

[1] Полилингвальная школа, одна из одиннадцати на территории Башкортостана, открыта в 2023 году. Из 429 учащихся разных национальностей 133 чел. изучают родной марийский язык и литературу с первого по одиннадцатый класс. Кроме того, в рамках урочной и внеурочной деятельности учащиеся некоторых классов (1-й, 2-й, 5-й, 6-й, литера А) изучают, по сообщению представителей администрации школы, несколько предметов на двух языках: ИЗО, биологию, географию, историю. В рамках курса «Литературная гостиная» углубленно изучаются марийский и английский языки, школа активно взаимодействует с марийским историко-культурным центром, Районной краеведческой библиотекой и РДК с. Мишкино.

дентов. Кроме того, количество марийских школ (с преподаванием марийского языка в качестве предмета изучения) неуклонно сокращается ввиду продолжающейся *оптимизации* образования и закрытия малокомплектных школ, в прошлом – национальных. Так, в Калтасинском районе несколько лет назад была закрыта *марийская* школа в дер. Кояново, в которой в свое время учились некоторые наши респонденты. В дер. Емметово Шаранского района школа с преподаванием марийского языка также была расформирована в 2015 году, как и во многих других марийских сообществах «здесь закончились дети». По данным Министерства просвещения и науки Республики Башкортостан, предоставленным нам в РМНКА «Эрвел Марий», в 2024/2025 учебном году родной марийский язык в Мишкинском районе изучают 1384 чел. в 23 школах, в Калтасинском районе – 182 чел. в пяти школах, в Шаранском районе – 104 чел. в четырех школах. Официальные отчеты по Мишкинскому и Шаранскому районам отличаются от сведений, полученных нами в самих сообществах (эти данные, несколько завышенные, мы приводили в [Куцаева, 2025а, с. 55]). Безусловно, воздействие среди прочего оказывает необходимость *выбирать* родной марийский язык. Выбор совершают родители (законные представители) учащихся, однако он не всегда совпадает с выбором ребенка, который, случается, проявляет неподдельный интерес к изучению марийского языка (ситуацию, описанную нами см. в: [Там же]).

Бедственным представляется и закрытие в 2015 году марийского отделения Благовещенского педагогического колледжа, готовившего с 1956 года педагогические кадры для марийских школ Башкортостана и других регионов.

В Башкортостане, в отличие от других регионов в нашем исследовании, марийский язык функционирует в сфере СМИ: в Нефтекамске издается республиканская газета «Чолман», в Мишкинском и Калтасинском районах выходят две районные газеты «Келшымаш» и «Калтаса ӱжара» соответственно. Несмотря на интерес к этим изданиям среди местного населения, тиражи стремительно падают. Ср. тиражи «Келшымаш»: 1500 экземпляров (2003) – 446 экз. (2023) – 370 экз. (2024) – 377 экз. (2025). Предварительно на 2026 год подписка оформлена на 382 экз., по сообщению редакции. Причины падения тиражей связаны, во-первых, с закрытием почтовых отделений в деревнях; во-вторых, общим старением читающего населения (фокус-группа марийских изданий – преимущественно пожилые люди); в-третьих, сокращением числа марийцев, обладающих навыками чтения на родном языке, что, в свою очередь, обусловлено закрытием школ с обучением на марийском языке и изучением марийского языка в качестве предмета. Электронная версия газеты «Келшымаш» поддерживается в минимальном объеме ввиду слабого финансирования, материалы размещаются в социальных сетях.

Указанные выше проблемы частично перекликаются со сферой библиотечно-информационного обслуживания марийского населения: читают на

марийском языке в основном люди старше 50 лет, для них *привычно читать на марийском языке*. Контакт с книгой на марийском языке поддерживают и те, чья профессиональная деятельность связана с марийской культурой и языком: педагоги, сотрудники библиотек, сельских домов культуры и др. Молодое поколение едва ли читает на марийском языке за пределами школы (результаты исследования о состоянии чтения на марийском языке в Мишкинском районе среди молодежи см.: [Ханнанова, 2020, с. 7]). Снабжение марийских библиотек марийскими изданиями и периодикой в настоящее время является скудным. В 2023 году в библиотеки поступило всего 413 экземпляров книг на марийском языке [Зайнитдинова, 2024, с. 28]. Основной канал поступления новых изданий – меценатство. Подписки на некоторые марийские издания из Йошкар-Олы сотрудники вынуждены оформлять самостоятельно – чтобы удовлетворить потребность в чтении среди старшего поколения. Популярными среди читателей остаются произведения марийской классики (эти издания, хотя и ветхие, хорошо представлены в библиотечных фондах – их не спешат списывать, поскольку вероятность получить новые в нынешних условиях не всегда высока), а также произведения (проза, поэзия) локальных марийских авторов (см. также: [Марийцы, 2018, с. 141]). Первая категория привлекает читателей тем, что это книги, знакомые со школьной скамьи: респондентам нравится сюжет, проблемы, затронутые в этих произведениях. Вторая категория близка читателям тем, что это книги о *своих* местах, земляках и написаны, в представлении респондентов, на *своем* марийском языке. Произведения современных марийских авторов респонденты также приобретают самостоятельно: привозят из Йошкар-Олы, обмениваются с другими. О состоянии чтения на марийском языке и оснащенности библиотек марийской литературой и периодикой – в том числе в Башкортостане – мы подробно рассказывали в [Куцаева, 2025а, с. 58; 2025б].

В марийских сообществах Башкортостана развита сеть художественных коллективов, их основной репертуар – марийский. По сообщению активистов на местах, в Мишкинском районе ведут работу 60 коллективов, примерно треть из них – детские, два коллектива в Шаранском, 11 – в Калтасинском (из них два детские танцевальные). Участниками являются представители разных возрастных групп, в средних и старших – преимущественно женщины. Активное участие в художественной самодеятельности принимают школьники. В с. Мишкино организован Марийский историко-культурный центр, на базе Мишкинской краеведческой библиотеки создан сектор по обслуживанию марийского населения Республики Башкортостан. Работники сельских библиотек ведут большую просветительскую работу среди всех групп марийского населения, в том числе среди подрастающего поколения (подробнее о работе сектора и краеведческой библиотеки см.: [Зайнитдино-

ва, 2024, с. 31–34]). Мероприятия с марийской тематикой проходят, однако, на двух языках – марийском и русском. В настоящее время это касается не только крупных сел – например, Мишкино, но и более мелких населенных пунктов: по сообщению сотрудников библиотек на местах, для младших школьников всегда предлагается перевод на русский язык – «чтобы понимали». Культурно-досуговые встречи лиц среднего и пожилого возраста проводятся на марийском языке.

Марийский язык активно используется в Башкортостане в сфере религии: проводятся моления, функционируют рощи, облагораживаются новые *кӱсото*. Респонденты в выборке охарактеризовали себя преимущественно как *марийцы, язычники, истинной веры* – а это значит, что и обрядовая жизнь для них реализуется также на марийском языке. Любопытно, что те немногие респонденты, назвавшие себя *крещеными*[2], тем не менее соблюдают основные принципы *ойӧрӧ* (об этом см.: [Абукаева, 2018]). Представление об этих табу старшеклассники в выборке получают от старших членов семьи, родственников или в самом сообществе, работа ведется в школе и сельских домах культуры. На вопрос о том, какие праздники являются для них самыми важными *марийскими*, башкирские марийцы назвали *Кугече* (Пасха) и *Семык* (Троица). В ходе интервью респонденты охотно рассказывали об основных ритуальных моментах этих праздников, а в дер. Бабаево Калтасинского района автору материалов удалось побывать на *Семык* и увидеть всё собственными глазами. Кроме того, отмечаются и отдельные локальные праздники – так, в дер. Емметово Шаранского района самым популярным является июльский *Дийын*[3], он же является и днем деревни.

Кроме того, марийский язык функционирует и в неформальном общении в сообществе – при обслуживании в магазине, на почте, а также используется в неофициальных коммуникативных ситуациях в трудовых коллективах.

Как видим, марийский язык активно и стабильно употребляется в марийских сообществах Башкортостана в различных сферах – его положение в целом представляется благополучным, особенно в сравнении с другими этнолокальными сообществами (см. ниже). Вместе с тем тревогу вызывает ситуация в среде младших школьников и дошкольников, проживающих не только в крупных селах, но и в деревнях. В этой когорте фиксируется языковой сдвиг – переход представителей сообщества с марийского языка на доминирующий русский. Пороговый возраст *говорящих* на марийском языке, по нашим оценкам, приближается к 15 годам. Учащиеся среднего звена школы понимают марийский

---

[2] Об истории распространения православия среди марийцев Бирского уезда Уфимской губернии см. [Садиков, 2016, с. 17–19].

[3] Об этом также см. [Фукс, 1840, с. 172–173]

язык, могут на нем изъясняться в быту, но предпочитают использовать более привычный для них (из медиа контента и школы) русский – особенно в общении со сверстниками. Респонденты средних и старших когорт неоднократно выражали тревогу относительно подобных речевых практик среди подрастающего поколения.

Состояние марийского языка в этнолокальных сообществах **Татарстана** кажется приблизительно схожим и, кроме того, более благополучным в сравнении с положением марийского языка в среде уральских или кировских мари. Марийский язык бытует в общении представителей средних и старших когорт, некоторой части школьников. Вместе с тем в младших когортах – вследствие роста межэтнических браков в поколении родителей, миграций в города (часть респондентов в выборке родились в городской среде, ныне проживают в марийском сообществе) – языком общения становится русский.

Марийский язык используется в сообществе в дружеской коммуникации, при неформальном общении в сфере торговли, сельского хозяйства, при обслуживании на почте или в ФАПе.

Марийский язык является предметом изучения в школах; однако проблемы, касающиеся сферы преподавания родного марийского языка в Башкортостане, являются по сути общими. В Кукморском районе в с. Починок-Кучук функционирует одна средняя школа с преподаванием марийского языка, начальная школа в дер. Княгор (национальная марийская) была закрыта по причине ее малокомплектности в 2017 году [Куцаева, 2025в, с. 106]. В Агрызском районе самым крупным *марийским* населенным пунктом является с. Бима. «Это поселение, где проживают только одни марийцы. Разговариваем мы на марийском языке, сохраняем традиции, обычаи, обряды наших предков» [ПМА, Агрызский район]. Родной марийский язык преподается в Бимской средней школе. В с. Бима обучаются дети и подростки из семи окрестных марийских деревень. В восьмом *марийском* населенном пункте с. Кадряково, расположенном поодаль от остального марийского кластера (*мари кокла),* средняя школа была *оптимизирована* и переведена в Татарскую Шаршаду в 2019 году, учитель марийского языка *последовал* за своими учениками (см. ситуацию в уральской выборке ниже). Начальная школа действует в Кулегаше и Кадряково. Учащиеся марийских классов участвуют в ежегодных олимпиадах, некоторые сдают ОГЭ по марийскому языку. В Татарстане на изучение марийского языка с пятого по одиннадцатый класс отводится два часа на язык, один час на литературу [ПМА, Агрызский район].

Вместе с тем педагоги марийского языка отмечают, что ныне ученики поступают в пятый класс с разным уровнем марийского языка. Некоторые пятиклассники не хотят изучать марийский язык, мотивируя это отсутствием практической пользы, родители учащихся также, случается, выражают недо-

вольство – однако большинство *выбирают* изучение родного марийского языка. По свидетельству педагогов, тенденция к снижению уровня владения марийским языком наблюдается с 2020 г.: дети, рожденные в марийских семьях, предпочитают говорить по-русски. «Из садика прямо приходят уже и разговаривают на русском языке. Из садика» [ПМА, Агрызский район]. «Если в пятый класс сейчас приходят, некоторые даже разговорным марийским не владеют» [ПМА, Агрызский район]. Учащиеся средних классов, принявшие участие в опросе, сообщили, что им проще говорить в компании ровесников на русском, но они *могут говорить* по-марийски дома, см. также «больше мы общаемся (в компании. – *Прим. М.К.*) на русском, и нам всем комфортно» [Куцаева, 2025г, с. 590]. Пороговый возраст говорящих на марийском в сообществе, по оценкам педагогов, следующий: «В седьмом классе и старше все разговаривают на марийском, несколько человек говорят на русском, так как мамы русские. В пятом и шестом классах уже больше половины – на русском, а в первом и втором классах уже почти все говорят на русском» [ПМА, Агрызский район].

Марийский язык не функционирует в сфере СМИ, однако активисты Кукморского района на момент исследования задумались о том, чтобы выделенную в районной газете полосу «Кна вел» «поставить на новые рельсы» и печатать материалы о марийцах на марийском языке, планировали составить обращение в редакцию «Трудовой славы» с соответствующим запросом [Куцаева, 2025в, с. 350]. В марийских сообществах Татарстана имеются локальные авторы, издаются книги, в которых «проскальзывают диалекты, местные слова», но авторы «упорно учатся литературному», обращаются к экспертам марийского языка в сообществе (педагогам) (для ознакомления с общим положением марийского языка в сфере библиотечно-информационного обслуживания в этих сообществах см.: [Куцаева, 2025б, с. 114–115]).

Сохранению, развитию, популяризации этнолокальных традиций, поддержанию этнической идентичности способствует деятельность коллективов художественной самодеятельности. В Кукморском и Агрызском районах ведут работу танцевальные и вокальные коллективы, некоторые из них имеют звание народных. «Наш ансамбль “Кадрек сем” – с 1992 года. Тогда еще участвовали женщины 36-го, 38-го года рождения. Вот с этими бабушками я смогла поработать, успела. Потому что в детстве слышала эти песни, спрашивала у матери, бабушки – у меня все были вовлечены в творчество. И уже в ансамбле, когда в деревню шла к бабушкам, дедушкам, записывала что-то. Всё в диктофон писала: песни, традиции какие, сорок дней как отмечают, например» [ПМА, Агрызский район].

В сельских домах культуры осуществляются постановки театрализованных представлений на марийском языке в рамках концертов, посвященных праздникам и памятным датам [Куцаева, 2025в, с. 349]. Небольшие сценки

также представляют на школьных концертах учащиеся марийских классов. «У нас еще кружок есть по этнографии мари. Вначале изучали песни, предания, легенды. А потом просили уже: “Театр, театр, театр!” На марийском. Мы как раз начали изучать Шорыкйол. Ну, давай, мол, сценку поставим. И всё на это ушло. Но зато республиканский выиграли» [ПМА, Агрызский район]. В 2025 году учащиеся из с. Бимы, д. Кулегаш и с. Кадряково участвовали в республиканском фестивале детских и юношеских театров «Сайяр» с программой на марийском языке в категориях: дошкольники, начальные, средние и старшие классы. Э.Н. Ильина, учитель марийского языка Бимской средней школы, подготовила два коллектива. Группа старшеклассников одержала победу на муниципальном этапе и представляла свою школу и марийцев Агрызского района на региональном этапе в Набережных Челнах. Участие в деятельности художественных коллективов, несомненно, создает дополнительную среду для поддержания марийского языка среди подрастающего поколения и приобщения школьников к традициям своего народа.

Респонденты в татарстанской части выборки используют марийский язык в обрядово-религиозной сфере. На территории Кукморского района действует священная роща *Кугусий* близ дер. Княгор (о культовых местах в марийских сообществах Кукморского района см.: [Молотова, 2019], о культовых практиках данной этнолокальной группы см.: [Молотова, 2020]). В Агрызском районе в каждой из восьми марийских деревень имеются *карты* и *учо* (ученики картов). В Кукморском районе самыми почитаемыми марийскими праздниками в выборке признают *Кугече* (Пасха), *Семык* (Троица), *Шыже пайрем* (День осеннего поминовения) [Куцаева, 2025в, с. 349]. В Агрызском районе опрошенные отмечают *Кугече сорта, Семык сорта, колышым сийлымаш (*осеннее поминовение усопших). Последнее поминовение, как правило, отмечают в течение примерно месяца по четвергам до наступления *Миколо кече* (Дня святителя Николая Чудотворца) 19 декабря. Но в последнее время, по сообщению респондентов, «не особо смотрят на четверг, а проводят, как только выпадет снег». Большинство опрошенных в выборках принадлежат марийской традиционной религии, однако не все – по разным обстоятельствам – посещают *кумалтыш*. Те, кто назвали себя православными, так же, как и в башкирской части выборки, соблюдают марийские обряды, хотя и не обязательно посещают молельные рощи. «Мы больше почитаем мертвых. Три раза в год их *угощаем*: два раза Сорта (с самодельными свечами. – *Прим. М.К.*), а вот осенью-зимой без свечей. Но баня обязательно, суп с мясом и крупой, блины, выпечки. Раньше *Сорта* был большой праздник. Когда маленькая была, помню, собирались всей родней – *тукым, каманда* называли. Сначала все в своих домах у себя *угощали*, потом собирались в крайнем доме деревни и *провожали* их *домой*: выносили во двор всё угощение и выливали, высыпали на определенное мес-

то на землю, *шужо* говорили, как бы земля доводит до усопших. Так ходили по домам, *провожали*» [ПМА, Агрызский район] (об особенностях традиционного праздника *Семык* и локальных традициях агрызских марийцев см.: [Ипакова, Пенькова, 2021]).

В Свердловской области были исследованы все четыре района с компактным проживанием марийцев: Артинский, Ачитский, Красноуфимский, Нижнесергинский. В изучаемых сообществах марийцы проживают в тесном соседстве с русскими, татарами и удмуртами (Красноуфимский район).

Марийский язык функционирует во внутрисемейном, дружеском общении (старшие и средние когорты), изредка используется в неформальных ситуациях в рабочих коллективах.

Языковая ситуация в каждом сообществе уральских мари неоднородная. Среди прочего она определяется наличием или отсутствием преподавания марийского языка в школе. Так, в самом густонаселенном *марийском* районе области (Красноуфимском) марийский язык в настоящее время не является предметом изучения в школах[4], тогда как в трех других он преподается. Изучение марийского языка сохранилось в четырех школах Свердловской области. «В сфере образования в нашей области всё зависело в основном от позиции директора школы. В некоторых школах язык не потерян, поскольку среди педагогических работников есть люди с активной гражданской позицией, которые свою точку зрения доводят до родителей. Доказывают необходимость изучения родного марийского языка, объясняют это родителям и, соответственно, они коллегиально принимают решение, и родной язык у них в школе живет. В Сарсинской средней школе директора были в основном русские или русскоговорящие. Я стал директором школы сильно молодой, но у меня тогда было какое-то желание, и мы все-таки факультативно марийский язык начали преподавать. Благо в коллективе была педагог, которая в Йошкар-Оле училась, был у нее опыт – тогда еще не такие строгие требования по сертификации учителей были по предметам. Поэтому она преподавала марийский язык в начальной школе. Следующий директор была категорически против изучения марийского языка, она сделала всё, чтобы марийский язык в школе не преподавался. Директором она была лет десять. То есть, если директор захочет, он сделает всё, чтобы язык жил. Если директор не захочет – он сделает все, чтобы языка в школе не было» [ПМА, Красноуфимский район] (о попытках внедрения марийского языка в качестве факультатива в школах Красноуфимского района будет рассказано в отдельной работе, принятой в печать в 2026 году).

Ниже приводятся сведения относительно текущей ситуации с преподаванием марийского языка, любезно предоставленные М.Г. Егоровой, замести-

[4] Обзорные материалы об истории создания Урал-Мари педтехникума см.: [Куцаева, 2023б, с. 80–82].

телем председателя местной общественной организации «Национально-культурная автономия марийцев Ачитского муниципального округа Свердловской области». В Ачитском районе марийский язык является предметом изучения в Марикаршинской школе. С 2024 года разработан и реализуется проект «Школа – территория сохранения и развития языка и культуры народа мари». Марийский язык и литература ведутся с 1 по 9 класс – 3 часа в неделю, во внеурочной деятельности в 5–7 классах ведется курс «История и культура марийского народа», а также курс «Разговоры о важном» с элементами этнокультурного компонента. В программу дополнительного образования включены кружки «Краеведение» (5 класс), «Знатоки родного языка» (7 класс), «Волшебная иголка». В Артинском районе функционируют две школы с преподаванием марийского языка. В с. Малая Тавра марийский язык и литературу изучают учащиеся начальной школы, в пятом классе ведется факультативный курс «История и культура марийского народа». В Куркинской школе, где обучается 33 ученика, в рамках кружка «История марийского народа» ведется интересная краеведческая, исследовательская работа, учащиеся пишут проекты. В Нижнесергинском районе в с. Старобухарово марийский язык изучают в рамках курса «История и культура марийского народа» (о марийском компоненте в рамках уроков «Технологии» в этой школе мы подробно рассказывали в [Куцаева, 2023б, с. 74–78]).

В Свердловской области ежегодно проводится олимпиада по марийскому языку и литературе в рамках Всероссийской олимпиады школьников. По сообщению М.Г. Егоровой, в 2025 году в региональной олимпиаде по марийскому языку и литературе приняли участие восемь обучающихся из Марийских Каршей и Старобухарово, двое из них (учащиеся восьмого и девятого классов) одержали победу и отправились на межрегиональный этап в Йошкар-Олу.

Вопрос *оптимизации* малокомплектных школ коснулся и сообщества уральских марийцев. В 2014 году была закрыта школа с преподаванием марийского языка в д. Верхний Потам Ачитского района. Учащиеся были переведены в школу в Русский Потам. В Русскопотамской средней школе были организованы факультативные занятия по марийскому языку, которые продолжались в течение двух лет. Затем дети, адаптировавшись в новой школе, перестали посещать занятия родного языка, потеряли мотивацию к изучению языка (отчасти были и причины технического порядка – расписание движения школьного автобуса) (о перипетиях, связанных с Марикаршинской школой, подробнее см.: [Ласточкина, Пехметова, 2022]).

По мнению М.Г. Егоровой, в школе сейчас есть возможности, чтобы вести марийский язык и литературу, рассказывать об истории и культуре марийского народа, о традициях, вере, истории населенных пунктов, о людях края. «Проблема сейчас в другом: централизация системы образования и воспита-

ния, когда учителям предлагается уже готовый материал для проведения курса внеурочной деятельности “Разговоры о важном”, для воспитательной работы. Никто не запрещает включать местный материал, этнокультурный материал. Нужно только желание. Легче по готовым уже материалам провести и отчитаться на сайте или в социальной сети ВК».

Кроме того, острой проблемой является нехватка учебных пособий по марийскому языку, особенно учебников «Марий йылме» и «Марий литератур» (о положении с оснащенностью учебно-методической литературой по марийскому языку в 2023 году см.: [Куцаева, 2023б, с. 62–65]). В.А. Михайлов, директор Марикаршинской ООШ, прокомментировал актуальную ситуацию: «По моим опросам среди учителей родного языка в Свердловской области, а также по запросам регионов РФ в Издательство “Просвещение” “о возможности приобретения учебников «Марий йылме» для 5–9 классов”, можно сделать вывод, что учебные пособия по изучению марийского языка в сельских школах обновляются очень редко, либо школы используют устаревшие издания. А ведь это школы, которые находятся в местности, где компактно проживают марийцы. С вхождением учебников «Марий йылме» для 5–9 классов в Федеральный перечень учебников в 2025 году, многие школы хотели бы приобрести данные учебники. Но из-за того, что стоимость учебников зависит от количества экземпляров, печатаемых издательством, стоимость одного учебника высока. Многим школам не хватает собственных средств, чтобы обеспечить обучающихся даже учебниками. И так как это школы, расположенные в сельской местности, привлечение дополнительных средств почти неосуществимо. Пытаясь решить данную проблему, я – как директор школы – столкнулся в основном с финансовыми трудностями. Поскольку учебники дорогие, а собственных средств не хватает (необходимо обновлять и другие учебные пособия), их сложно приобрести, дополнительное же финансирование выделяют в основном на учебные пособия по адаптированной образовательной программе. Чтобы удешевить печатные издания издательством, необходимо увеличить количество печатаемых экземпляров, в границах даже нашего региона этого будет недостаточно. Возможно, в рамках Республики Марий Эл данная работа ведется вполне успешно, и все школы своевременно обеспечиваются учебными пособиями. Но для школ других регионов это очень трудная задача. В современном обществе, даже если родители являются носителями языка, дети уже не понимают и не разговаривают на родном языке. Отчасти эту проблему стараются решать бабушки и дедушки, которые стараются общаться с внуками только на родном языке. Основная же роль сохранения языка ложится на плечи школы. И очень важно, чтобы учебные пособия обновлялись хотя бы раз в 5–10 лет, была доступной не только учебная, но и художественная литература на марийском языке. Объекты культуры, библиотеки проводят мероприятия на

марийском языке, но все чаще приходится дублировать на русский язык, так как носителей языка становится все меньше, интерес к данным мероприятиям стремительно падает. Многие теряют свои корни, свое самосознание. Считаю, что сохранение национальной идентичности должно быть первостепенной нашей задачей. Школы должны давать обучающимся качественные знания. А проблемы, даже с учебными пособиями, должны решаться совместными усилиями, а не только внутри одной школы».

Марийский язык широко используется в сфере культуры в сообществах уральских марийцев. Клубными работниками ведется работа по сохранению локального песенного наследия. В Малой Тавре сотрудниками СДК издана книга – сборник песен уральских мари. «Потому что мы вплотную занялись фольклором. Началось с того, что мы с “Домом фольклора” областным очень контактировали – работали. Тут проходил семинар библиотекарей, приехал один научный работник, преподаватель. Он директор “Дома фольклора”. Мы всю культуру свою показали на этом семинаре библиотекарей. Он посмотрел и говорит: “Сохраняйте всё, что у вас есть”. Ему мы очень благодарны. Он научил нас работать. На наши мероприятия очень много бабушек приходят. Я дружила лично сама с бабушками. Они были 30-й, 28-й, 30-й, 35-й – вот таких лет (годов рождения. – *Прим. М.К.*). Мы общались с ними, приглашали в клуб на наши мероприятия. Даже бабушки две ходили долго, до 75 лет выступали на сцене. И у нас не хватало наших песен в репертуаре. Я все время искала. Потом к бабушкам обратилась, которые очень активные, говорю: “Вот вам тетрадь и ручка. Как вспомните – так и напишите”. И оставляла им дома. Очень большая благодарность нашим бабушкам. Не многие, но написали от корки до корки. Две тетради одна бабушка написала, она еще жива. Мы очень дружим с бабушками. Я их очень любила. И вот этот весь фольклор, все традиции мы перенимали, где-то записывали. Где-то что-то… И вот эти тетрадки я потом собирала. Потом мы с библиотекарем нашим пешком ходили в Багышково (соседняя деревня. – *Прим. М.К.*). В Багышково пришли – и там написали нам от корки до корки. Ну, не все, конечно, пишут. Вытягиваешь из них. Приходишь, и говорят: “Ой, я даже уже ничего не помню. Да зачем это вам старье?”. И я вот силой вытягивала у них. И потом опубликовали – но не по жанрам, по авторам. Авторы теряются, если жанры разделить. Я из этой книги до сих пор репертуар какой-то нахожу и что-то делаю. А потом у нас мысль появилась, что надо эти мелодии сохранить. Меня не будет – всё уйдёт. У нас сын пишет фонограммы. И я ему напела мелодию на диктофон, он уехал (живет в другом регионе. – *Прим. М.К.*). 21 мелодию он сделал. Редактировала его жена, дочь моя помогала тоже. Они все в культуре работают. И все-таки мы выпустили эту книжку. С нотами. Еще есть мелодии, которые не успели записать. Но я сыну напою, и он

опять может сделать. Таким образом мы хотим сохранить – чтобы какая-то память осталась, какие-то наши песни остались» (об этом см. также: [Шанчара, 2020, с. 294–295]).

Практически в каждом сообществе имеется марийский ансамбль. В марийских культурных программах принимают участие школьники – в рамках школьной или клубной деятельности. К примеру, на базе Малотавринского СДК функционируют два ансамбля: народный фольклорный «Чолга шӱдыр» для взрослых и детский «Изи шӱдыр». Общей проблемой для работников культуры в среде уральских мари является слабое владение подрастающим поколением марийским языком [Куцаева, 2025г, с. 590]. «Сейчас проблема какая? Насчет языка. То есть мы с ними уже общаемся всё на русском» [ПМА, Артинский район]. См. также: «И на марийском, и на русском приходится мне в ансамбле, потому что половина-то не знают марийский язык. Но они слова-то учат, всё поют. Но приходят, так и говорят: “Мы не понимаем. Я по-русски разговариваю”. Приходится им перевод делать, о чем они поют, – чтобы знали, чтобы эмоции какие-то были!» [ПМА, Ачитский район], [Куцаева, 2023б, с. 73]. В хореографических детских группах, нацеленных на то, чтобы «научить детей слышать и узнавать марийские мелодии, танцевать под них» [ПМА, Артинский район], также преимущественно используется русский язык, хотя, на наш взгляд, эта сфера недооценена в настоящее время с точки зрения возможностей поддержания языковой среды (наши попытки реализации программы «Мастер-ученик» на марийском хореографическом материале, см.: [Куцаева, 2025г, с. 591–594]). В Свердловской области марийский язык функционирует также в сфере художественной литературы.

Кроме того, марийский является языком религии: в Красноуфимском районе имеются две действующие рощи. Одна из них, близ с. Ювa, была восстановлена в 2020 году. В другой, расположенной между Сарсами-Первыми, Большой Таврой и Малой Таврой, молебны не прекращались. О функционировании марийского языка (в его локальном варианте) в сфере религии в регионе рассказал Л.И. Канакаев, Верховный карт марийской традиционной веры в Свердловской области. «В эту священную рощу раньше пожилые ходили. Мужчин пожилых было мало, больше женщин. Сейчас в основном приходят женщины, которые уже с собой приводят своих детей, ставших родителями. То есть в среднем составе от 30 до 50 лет. Уже мужчины приходят и молодежь от 12 лет. Совсем маленьких не приводят, потому что есть строгие требования. В нашей зоне остался один традиционный большой ежегодный молебен – летний *кӱсӱ кумалтыш,* куда собираются люди со всех окрестных деревень, приезжают с Екатеринбурга и Нижнего Тагила. Есть семьи, которые полностью пропитаны духом понимания близости к Богу, понимания силы марийской веры, которые к этому и детишек приучают. Приходят несколько семей практически в полном составе.

Молебен идет обязательно на марийском языке. Марийский молебен на русском языке я себе вообще не представляю. Как-то был случай, внештатная ситуация, за ребят попросили отслужить молебен. При этом сами они по-марийски не понимали – я попросил их тогда привести с собой друзей, знакомых марийцев, которые владеют языком и могут в полной и доступной мере перевести всё, что они услышат во время молебна.

Наши старшие карты, у которых я учился, молебен произносили на своеобразном языке, который не всегда был понятен. По крайне мере какие-то слова, какие-то термины, названия божеств были непонятны. Я сейчас в своих молениях стараюсь делать так, чтобы это было все понятно, доступно, используя местный диалектный марийский язык. Но опять же – частое посещение больших молебнов уже республиканского уровня в Республике Марий Эл, в Башкирии – они накладывают свой отпечаток. Мы участвуем там в совместных молениях – несколько картов. И там я уже пытаюсь использовать тот диалект местный, где это моление происходит, – соответственно, у меня уже идет диалектное смешение, и часто наши местные марийцы говорят, что я уже начинаю разговаривать, ну и молиться, на йошкар-олинском. Это никого не смущает, потому что здесь жестких установленных канонов по диалектности произношения молебнов нет. Имена божеств одинаково звучат и там, и здесь, а уже в оборотах, на которых мы к ним обращаемся, – я стараюсь все-таки использовать наш уральский марийский язык» (о функционировании локальных марийских идиомов в сфере религии см.: [Куцаева, 2023в, с. 335–336]).

В других сообществах *кӱсото* не функционируют, ср. ситуацию в Нижнесергинском районе: педагог внеурочной деятельности водит старших школьников «на экскурсию», на то место, где когда-то до войны проводились *кумалтыш* [Куцаева, 2023б, с. 77–78]. Опрошенные из населенных пунктов, где свои рощи угасли, выразили сожаление об этом. Некоторым доводилось посетить *кумалтыш* в Красноуфимском районе.

Во всех районах исследования марийский язык активно бытует в сфере религиозной обрядности (наиболее почитаемыми марийскими праздниками названы *Кугече* и *Семык*), несмотря на то что численность православных (среди них и номинально православные) в сообществах уральских марийцев выше, чем в башкирской и татарстанской выборках.

Следует отметить, что в уральской части выборки языковая ситуация с марийским представляется чуть более тревожной, чем в Башкортостане и Татарстане. По нашим оценкам, пороговый возраст говорящих приближается при самых оптимистичных оценках к 30–35 годам. Ситуация с владением родным языком среди подрастающего поколения стала стремительно ухудшаться примерно с 2015 года, считают педагоги. Одним из факторов является распространение новых технологий [Куцаева, 2023б, с. 67–68]. Определенное воздействие

в сообществе, по мнению ряда опрошенных, оказала практика воспитания детей-немарийцев в марийских семьях начиная с 1990-х годов (ср. с интересными данными нашего исследования [Там же, с. 72–73], а также в советский период – практика воспитания марийцев в интернатах в поселках. Кроме того, значительно число межэтнических браков, укоренилась практика миграции в крупные промышленные центры, следовательно – доминирование русского языка. Более детальный обзор текущей ситуации мы приводим в статье «Витальность этнического языка и культуры: по следам экспедиций к уральским марийцам» (находится в печати).

В Кировской области были изучены Кикнурский, Уржумский и Яранский районы. Языковая ситуация внутри региона в целом также представляется неоднородной, хотя и были выделены общие проблемные зоны.

Марийский язык бытует в семейном общении, однако это касается в основном пожилых представителей сообщества. В ходе исследования были опрошены главным образом лица старше 50 лет – наличное население в населенных пунктах с интересующим нас марийским населением.

Пороговый возраст говорящих на марийском языке преимущественно от 50–55 лет. Респонденты когорты 41–50 и младше имеют пассивные знания этнического языка, внутрисемейное общение в дошкольном и школьном возрасте было для них на русском языке вследствие распространения типичных языковых идеологий относительно *ненужности* марийского языка для *большой* жизни, возможных трудностей с поступлением в русскую школу с марийским родным, роста межэтнических браков с русскоязычными и, соответственно, воспитания детей на русском языке. Переход на русский коснулся и типично марийских семей. Так, опрошенный нами в Кикнурском районе респондент 1984 г.р., этнический язык «понимать-то понимает и частично разговаривает». В уржумской выборке респондент 1994 г.р. указал на важность для марийца знания марийского языка, который он сам «частично понимает». Уроженец Яранского района 1995 г.р. о своих навыках владения марийским языком заявил следующее: «*Изиш палем»* («чуть-чуть понимаю»).

По сообщению респондентов старших когорт, их взрослые дети, переехавшие в город, знают марийский язык (о речевых практиках марийского в городской среде см.: [Куцаева, 2022, с. 34–35]). Городские внуки респондентов, соответственно, марийский язык «не знают, но слышат». В основном – летом, когда приезжают в гости и взрослые не только по привычке используют марийский язык, но обсуждают что-то *важное, своё.* «Начинаем говорить по-марийски, чтобы они не поняли. И внучка однажды заявила, младшая: “Бабушка, а вы что, английский язык знаете?”» (ПМА, Кикнурский район]. Респондент 1954 г.р. несколько лет провел в Москве, «смотрел за внучкой». С дочерью он говорил по-марийски: «Внучка всё спрашивала, что это за язык. Английский,

говорю. А когда в школу пошла, стала учить английский, пришла и говорит: «Нет, дедушка, ты не по-английски разговариваешь» [ПМА, Яранский район]. Об удобстве употребления марийского в качестве тайного языка в городской среде мы писали неоднократно (например, см.: [Куцаева, 2022, с. 33].

Марийский язык используется в сообществе кикнурских марийцев крайне ограниченно – ввиду долгого и тесного соседства с русскими (об этом см.: [Козлова, 1978, с. 286–312]). Опрошенные являются уроженцами деревень и сел со смешанным марийским и русским населением. Учитывая тяжелое экономическое положение (отсутствие базовых объектов социальной инфраструктуры – магазин, почта, ФАП, детский сад, школа, дом культуры), *чисто марийские* деревни в Кикнурском районе продолжают исчезать, хотя, по замечанию респондентов, не с такой скоростью как *чисто русские*: «русские-то уезжают, а мы, марийцы, еще держимся» [ПМА, Кикнурский район]. Действительно, многие респонденты являются выходцами из небольших населенных пунктов, но предпочли переехать в село. В селах используется в основном русский язык. В Яранском районе в с. Никулята обслуживание в магазине, на почте и в сельсовете осуществляется только на русском языке: «там же одни русские» [ПМА, Яранский район], хотя, кажется, среди сотрудников имеются и марийцы. В изученных пунктах проживают также марийцы, которые долгое время находились вне малой родины и используют преимущественно привычный им теперь русский язык даже в общении с другими марийцами.

Среди жителей сел во всех трех исследованных районах бытует устойчивое мнение о том, что марийский язык, хотя и находится в уязвимом положении на селе, сохранится в марийских деревнях в округе: «В Большом Рое, в селе, у нас больше русских же, всё почти по-русски, а вот в Тюм-Тюме все говорят по-марийски» [ПМА, Уржумский район]. В представлении деревенских жителей, особенно старшего поколения, витальность языка часто и довольно четко коррелирует с жизнеспособностью самой деревни: «умрем мы, умрет деревня, и язык умрет», тогда как опрошенные в средних когортах полагают, что марийский язык в деревне не исчезнет (о механизмах языкового сдвига и некоторых следствиях этого процесса интересные наблюдения см.: [Вахтин, 2001, с. 260–262]). В терминологии многих опрошенных *их* марийский язык является *не вполне чистым*, *не очень развит,* а сами они – будто и не вполне марийцы, *обрусевшие, руссковатые* (об особенностях идиомов см.: [Иванов, Тужаров, 1970; Марийцы, 2018, с. 115–116]).

Марийский язык выступал языком обучения и предметом изучения в школах Кировской области фрагментарно, с большими перерывами. В Уржумском районе в дер. Тюм-Тюм, по сообщению местного краеведа и активиста А.Ф. Петрушина, «с 1925 года и до войны в школе с первого по третий классы все предметы вели на марийском языке, в четвертом и пятом классах – как пред-

мет» [ПМА, Уржумский район]. В Кикнурском районе обучение на марийском языке зафиксировано нами при составлении семейной языковой биографии одного из респондентов в выборке: «У нас на нашем диалекте были учебники. И моя мама (1922 г.р. – *Прим. М.К.*) училась марийскому языку на нашем диалекте. Это начало 30-х годов, наверное. Преподавали здесь у нас наш диалект – не йошкар-олинский, не горномарийский, а наш. Учебники специально были. Вот в ЗАГСе я поглядел, и за 1928 год на нашем диалекте документы государственные писали: на русском языке графа и на марийском языке, на нашем диалекте» [ПМА, Кикнурский район]. В Яранском районе обучение на марийском языке реализовывалось в национальных школах (например, дер. Маловитлино) еще в 1940-х гг.: респондентка 1932 г.р., поступившая в школу в 9-летнем возрасте, получила четырехклассное образование на марийском языке. Респонденты 1950–1970-х гг. рождения в школе марийский как предмет не изучали, однако он являлся для них негласно вспомогательным языком обучения, особенно в первый год обучения: учитель-мари при необходимости переводил учебный материал с русского на марийский учащимся, для которых функционально первым языком выступал марийский. Практика использования марийского языка при объяснении нового материала бытовала и в других регионах с компактным проживанием марийцев (например, см.: [Коведяева, Николаева, 2001, с. 275; Куцаева, 2023а, с. 60]). Эта практика едва ли имела широкое хождение в 1980-е годы в Кикнурском районе, поскольку «все понимали по-русски» [ПМА, Кикнурский район], однако в яранской части выборки для некоторых опрошенных, уроженцев марийских деревень, родившихся во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов, в начальной школе еще требовался перевод на русский язык. Тех из них, кто плохо усваивал материал при поступлении в основную (сельскую) школу, случалось, принудительно отправляли в интернаты или коррекционные школы. Преподавание марийского языка было возобновлено в 1990-е годы на волне «парада суверенитетов», во многом благодаря деятельности местных активистов, делегатов Всемарийских съездов. Марийский язык был внедрен в качестве факультативов и даже – как, например, в Никулятской школе Яранского района – в качестве предмета в основное расписание. Однако спустя время преподавание марийского языка прекратилось. Среди факторов были указаны кадровые вопросы, отсутствие мотивации среди обучающихся и их родителей, а также учебные пособия, нерелевантные бытовавшему локальному идиому, особенно в Кикнурском районе и частично – в Уржумском: по сообщению респондентов, «это был не наш язык».

Что касается практики чтения на марийском языке, необходимо указать следующее. Во-первых, марийские фонды в сельских библиотеках оснащены слабо. Случается, что эти книги размещены на нижних полках стеллажей и их не сразу удается заметить пользователям библиотеки, особенно пожилым.

Имеющиеся в наличии марийские книги были изданы еще в XX веке, новых поступлений почти нет. Кроме того, поскольку респонденты не изучали марийский язык в школе (а если и изучали, то в форме факультатива), они не считают возможным для себя чтение больших и серьезных произведений на марийском языке. Во-вторых, во всех трех районах Кировской области распространяется журнал «Марий сандалык». «Мне редактор давал 60 штук этих журналов, две пачки. Бесплатно, для распространения. Я первую пачку в Уржумском районе распространял. Оставляю в районной библиотеке. Они отсылают по деревням, где есть марийское население. 7 журналов. Остальные по частным лицам. Потом вторую пачку я распространял в Малмыжском районе. Часть отдавал в районную библиотеку в Малмыже, а часть тоже там распространяется по людям» [ПМА, Уржумский район]. Однако в последнее время периодика поступает нерегулярно и в ограниченном количестве. В Яранском районе выпуски этого журнала также предлагались заинтересованным читателям – многие наши респонденты бережно их хранят. За 2024–2025 гг. поставок почти не было. И если в Кикнурском и Уржумском районах, по замечанию опрошенных, они «листают, смотрят, а что понятно – то читают», то в Яранском районе трудностей с восприятием текста потенциальные читатели не испытывают. В-третьих, иная периодика – газеты и журналы по подписке из Йошкар-Олы – почти не функционирует в данных сообществах. В детстве родители, по воспоминаниям респондентов старших когорт, выписывали отдельные издания, однако эта практика в дальнейшем не получила распространения.

Радио и телевизионное вещание на марийском языке функционирует в Яранском районе (о работе МЭТР см.: [Фоминых, 2024]). Однако размещение на местности оборудования операторов сотовой связи, а также в отдельных домах – демонтаж стандартных ТВ-антенн и установка спутниковых привело к тому, что возможность для некоторых марийцев района «смотреть и слушать Йошкар-Олу» была утрачена: «Теперь только Киров показывает», «В комнате у нас Киров показывает, а на кухне радио Марий Эл играет» [ПМА, Яранский район]. В прошлом, в 1970-е годы, по воспоминанию участников опроса, ТВ-сигнал из Йошкар-Олы «принимал» и в Кикнурском районе.

Марийский язык функционирует в сфере культуры. В каждом интересующем нас районе Кировской области действуют марийские коллективы, состав участников – в основном женщины старше 50 лет. В условиях значительного языкового сдвига в некоторых районах Кировской области деятельность сотрудников сельских домов культуры представляется крайне важной для поддержания этнической культуры кировских марийцев и их идентичности. Повторим, локальные СДК подчас являются последними очагами самобытной марийской культуры. В качестве примера рассмотрим *марийские* мероприя-

тия, организованные в Кикнурском районе. По сообщению директора МБУК «Кикнурская централизованная клубная система» Н.В. Соколовой, с 1993 года в с. Цекеево проводится межрегиональный фестиваль «СЯРЕМ», с 2025 года фестиваль сменил название («РОДЭвий») и перенесен в п. Кикнур. Ежегодно на фестиваль съезжаются творческие коллективы из Республики Марий Эл, Нижегородской и Кировской областей. Фестиваль направлен на сохранение национальных традиций марийцев, песенного наследия, народного костюма, языка, приобщение молодого поколения к изучению исторических, культурных, нравственных традиций марийцев. Проект стал символом межнациональной дружбы и любви к малой родине. В с. Шапта на базе местного СДК под рук. М.Н. Беловой создан самодеятельный марийский коллектив «ЮЛАВИЙ», организовано онлайн-изучение родного языка, материалы выкладываются в социальной сети ВКонтакте. Занятия проводятся в игровой форме с участием кукол. По замыслу создателя проекта М.Н. Беловой, задача состоит в том, чтобы познакомить зрителя с особенностями северо-западного наречия. Проект был тепло принят аудиторией, записано более 15 видео-уроков, в творческих планах создателей – продолжить начатое.

Завершая обзор языковой ситуации в некоторых марийских сообществах Кировской области, отметим, что респонденты в кировской выборке практически все назвали себя крещеными, православными (о распространении православия в этом регионе см.: [Смирнов, 2014, с. 73–82]), о сохранившихся в отдельных селениях последователях марийской традиционной религии отзываются как о *чимари, старообрядцах* [ПМА, Яранский район]. На вопрос о том, какие локальные праздники являются для них самыми важными *марийскими,* в основном называли церковные, православные, престольные. Марийские поминальные традиции (об этом см.: [Марийцы, 2018, с. 252]) в целом хорошо сохраняются в Яранском и Уржумском районах, согласно результатам обследования участники опроса довольно подробно рассказывали о них. В Кикнурском районе в выборке зафиксировано наибольшее число последователей православия. Среди респондентов средних когорт (де-факто самых младших в кировской выборке) едва ли кто-то обращается к предкам, силам природы на марийском языке (и даже на русском), некоторые никогда не слышали о *шужо* (об этом см.: [Яковлев, 1887, с. 69–74]): ср. ситуацию в другом сообществе. «На Петров день ездим поминать предков. На русском. Вообще-то еще и *шужо* говорим» [ПМА, Яранский район, респ. 1995 г.р.]. Церковные службы на марийском языке в обследуемых районах ныне не проводятся. В Кикнурском районе инициатива прихожан в одном из храмов внедрить частично марийский язык в воскресное богослужение не получила одобрения у местного представителя РПЦ («батюшка был русский»), в Яранском районе в церкви Казанской иконы Божьей матери (с. Никулята) приблизительно

в 2018–2019 годах в течение непродолжительного времени проводились службы с использованием марийского языка: «Отче наш», «Богородица» исполнялись на марийском языке («батюшка был мариец»).

Необходимо отметить, что здесь представлен лишь самый общий обзор текущих языковых ситуаций в локальных марийских сообществах, однако в каждом из них, безусловно, есть нюансы, заслуживающие отдельного внимания. Эти и другие аспекты будут подробно освещены в наших дальнейших исследованиях. Автором планируется подготовить материалы по языковой ситуации в каждом из изученных регионов.

Заключение

В 2024–2025 годах автором были проведены исбследования в некоторых районах Башкортостана, Татарстана, Кировской и Свердловской областей с компактным проживанием марийского населения. В фокусе нашей работы – языковые ситуации в марийских сообществах этих регионов. В изучаемых сообществах констатируется языковой сдвиг – постепенная утрата этнического языка и переход на доминирующий русский язык.

Наиболее благополучной является языковая ситуация в Башкортостане, хотя фиксируется начальная стадия языкового сдвига. Пороговый возраст говорящих приблизительно от 15 лет. В Татарстане, с одной стороны, ситуация чуть менее благополучная, чем в Башкортостане; с другой стороны, чуть более позитивная в отношении сохранности марийского языка, чем в Свердловской области. В Свердловской области пороговый возраст свободно изъясняющихся на родном марийском языке приближается к 30–35 годам. В Кировской области языковой сдвиг начался с 1980-х годов и в настоящее время охватил не только младшее, но и среднее поколение. Пороговый возраст владеющих марийским языком – старше 50–55 лет. Среди факторов, обусловивших более ранний переход кировских марийцев (в сравнении с другими сообществами) на русский, следует признать массовую принудительную христианизацию, чересполосное проживание с русским населением с XVII века, увеличение числа смешанных браков, проникновение элементов русской культуры и языка в марийские. В советский период для Кировской и Свердловской областей была характерна практика интернатов, отток трудоспособного населения в крупные промышленные центры и на север.

В настоящее время существенное влияние на степень сохранности языков во всех сообществах оказывают урбанизация, глобализация, социальные и политические факторы, языковая политика, языковые идеологии и установки. В сельских марийских районах ситуация усугубляется крайне тяжелым, особенно в Кировской области, экономическим положением, закрытием школ, миграцией семей с детьми в города, опустением деревень и, таким образом, прерыванием межпоколенческой передачи этнического языка. Марийские

идиомы, бытующие в Кировской области, находятся в наиболее угрожаемом состоянии.

На наш взгляд, марийские идиомы во всех четырех регионах так или иначе представляются уязвимыми и требуют срочной документации.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПМА – полевые материалы автора

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаева Л.А. Запреты в системе воззрений мари. Йошкар-Ола: МарГУ, 2018. 204 с.

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

ВПН 2020 – Всероссийская перепись населения 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. (дата обращения: 11.11.2025).

Демоскоп – *Демоскоп weekly.* Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php (дата обращения: 10.09.2025).

Зайнитдинова О.М. Работа сектора по обслуживанию этнической группы мари Республики Башкортостан по сохранению родного марийского языка // «Сохраняя языки – формируем будущее: роль библиотек по сохранению языков народов России и популяризация чтения на родных языках»: сб. материалов Межрегион. телемоста, 29 нояб. 2024 г. Н.В. Парфенова (сост.). Екатеринбург: СОМБ, 2024. С. 28–34.

Иванов И.Г., Тужаров Г.М. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. 225 с.

Ипакова М.Т., Пенькова М.В. Национальный праздник «Семык» агрызских мари // Калейдоскоп культур: сб. материалов по результатам науч. экспедиций по изучению культуры народов Респ. Татарстан. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 94–100.

Исаев Ю.Н. Обеспечение условий для изучения и использования языков Российской Федерации в образовательных организациях Чувашской Республики // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур. Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 2019). Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2020. С. 227–229.

Коведяева Е.И., Николаева И.А. Марийский луговосточный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х т. Т. II. М., 2001. С. 274–283.

Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., Изд-во Моск. ун-та, 1978. 354 с.

Куцаева М.В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры // Финно-угроведение. 2022. № 63. С. 30–44.

Куцаева М.В. Из старой диаспоры в новую: к вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев (на материале социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона) // Урало-алтайские исследования. № 4 (51), 2023а. С. 54–79.

Куцаева М.В. Сохранность этнического языка у уральских марийцев // Родной язык. Лингвистический журнал, 2023б, № 1. С. 44–89.

Куцаева М.В. «Вера и язык – это наш генный код»: сакральная функция марийского в условиях внутренней диаспоры // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023в, Том 17. Вып. 3. С. 331–342.

Куцаева М.В. Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах Башкортостана (по материалам полевых экспедиций 2024 г.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2025а. Вып. 1 (47). С. 50–63.

Куцаева М.В. Сохранение и популяризация марийского языка и культуры: о работе сельских библиотек в старых диаспорах // Родной язык. Лингвистический журнал, 2025б, № 1. С. 99–126.

Куцаева М.В. Функционирование марийского языка в Кукморском районе Татарстана // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 19. № 3. 2025в. С. 347–356.

Куцаева М. В. Петь, танцевать и говорить по-марийски: к вопросу о ревитализации этнического языка в диаспоре // Вестник угроведения. 2025г. Т. 15. № 3 (62). С. 588–597.

Ласточкина Г., Пехметова С. Уралыштат – марий йылме, йӱла, тӱвыра верч [И на Урале – за марийский язык, традиции и культуру] // Марий Эл. 2022. 9 сент.

Марийцы. Историко-этнографические очерки. Изд. 3-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 482 с.

Молотова Т.Л. Особенности современной культовой практики марийцев Татарстана // Национальная культура в социальном пространстве и времени: материалы V Межрегион. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш» (Йошкар-Ола, 31 марта 2017 г.): Мин-во культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. С. 323–328.

Молотова Т.Л. Традиции культовой практики марийцев Кукморского района Татарстана // Финно-угроведение, 2020. № 61. С. 174–176.

Садиков Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография) // Уфа, Ин-т этнологических исслед. им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, 2016. 274 с.

Сепеев Г.А. Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 248 с.

Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 200 с.

Смирнов И.Н. Черемисы: ист.-этногр. очерк. Йошкар-Ола: Союз марийской молодежи «У вий (Молодая сила)», 2014. 304 с.

Фоминых И. Рост замечательный, широта необъятная // Марийский мир, 2024. № 1(60). С. 14–16.

Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, тип. Имп. Казанского ун-та, 1840. 329 с.

Ханнанова А.И. (сост.). Деятельность базовых библиотек Республики Башкортостан по обслуживанию этнических групп населения в 2020 году. Уфа, Мин-во культуры Республики Башкортостан, нац. б-ка им. Ахмет-Заки Валиди, 2021. 36 с.

Шанчара С. Марийцы на просторах России: книга очерков. Йошкар-Ола: Изд. дом «Марийское книжное издательство», 2020. 391 с.

Яковлев Г.Я. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887. 87 с.

Kutsaeva M.V. A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region // Strategies for Knowledge Elicitation. Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (eds.). Springer Nature Switzerland AG, 2021. p. 85–99.

Marina Kutsaeva

MARI PEOPLE AND THEIR LANGUAGE BEYOND THE REPUBLIC OF MARI EL (DATA FROM 2024–2025 SOCIOLINGUISTIC EXPEDITIONS)

Introduction. Almost half of the Mari population of the Russian Federation lives outside the Republic of Mari El. Compact and dispersed groups of Mari people are settled in many regions of the country, including the territories of Bashkortostan, Tatarstan, the Sverdlovsk and the Kirov regions. **The purpose** of the article is to describe the current sociolinguistic state of the Mari language in some Mari communities in Bashkortostan, Tatarstan, the Sverdlovsk and Kirov regions. **Materials and methods.** The article is based on field data collected by the author in Bashkortostan, Tatarstan, the Sverdlovsk Region, and the Kirov Region in 2024–2025. A set of sociolinguistic methods was implemented in the survey. **Research results, discussion.** The paper discusses the general state of Mari idioms in various domains (family and community; education, mass media, cultural and leisure activities, literature, religion, and others). It draws parallels between ethnolocal Mari communities, identifies common problems, as well as differences and the factors that cause them. The author equally attempts to describe language situations and determine the degree of preservation of Mari in the studied areas of compact Mari settlement. **Conclusion.** The author concludes that the language situation in the Mari communities of Bashkortostan is more favourable, whereas that in Tatarstan is only relatively favorable. The situation with Mari in the Ural Maris communities is more alarming, while the situation with Mari in the Kirov region is, according to our estimates, the most threatened. In general, all Mari idioms currently spoken in the studied regions are vulnerable in one way or another and require urgent documentation.

Keywords: the Mari language; sociolinguistic survey; language situation; language shift; language preservation; language ideologies; Mari people of Bashkortostan; Mari people of Tatarstan; Ural Maris; Kirov Maris.

REFERENCES

Abukaeva L.A. Zaprety v sisteme vozzrenij mari [Taboos in Maris' worldview system]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2018, 204 p. (In Russian).

Vahtin N.B. Jazyki narodov Severa v XX veke. Ocherki jazykovogo sdviga [Languages of the peoples of the North in the 20th century. Essays on language shift]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2001, 338 p. (In Russian).

Vserossijskaja perepis' naselenija 2020, available at https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx. (accessed 11 November 2025). (In Russian).

Demoscop – Demoskop weekly, available at https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php (accessed 10 September 2025). (In Russian).

Zajnitdinova O.M. Rabota sektora po obsluzhivaniju etnicheskoj gruppy mari Respubliki Bashkortostan po sohraneniju rodnogo marijskogo jazyka [The work of the Mari ethnic group service sector of the Republic of Bashkortostan in preserving the native Mari language]. *Sohranjaja jazyki – formiruem budushhee: rol' bibliotek po sohraneniju jazykov narodov Rossii i populjarizacija chtenija na rodnyh jazykah. Sbornik materialov Mezhregional'nogo telemosta.* 29 November. Ekaterinburg, Sverdlovskaja oblastnaja mezhnacional'naja biblioteka, 2024, pp. 28-34. (In Russian).

Ivanov I.G., Tuzharov G.M. Severo-zapadnoe narechie marijskogo jazyka [North-Western Dialect of the Mari Language]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1970, 225 p. (In Russian).

Ipakova M.T., Pen'kova M.V. Nacional'nyj prazdnik «Semyk» agryzskih mari [National holiday Semyk of Agryz Maris]. *Kalejdoskop kul'tur. Sbornik materialov po rezul'tatam nauchnyh ekspedicij po izucheniju kul'tury narodov Respubliki Tatarstan.* Kazan', Akademija nauk Respubliki Tatarstan, 2021, pp. 94-100. (In Russian).

Isaev Ju.N. Obespechenie uslovij dlja izuchenija i ispol'zovanija jazykov narodov Rossijskoj Federacii v obrazovatel'nyh organizacijah Chuvashskoj Respubliki [Providing conditions for the study and use of the languages of the peoples of the Russian Federation in educational institutions of the Chuvash Republic]. *Aktual'nye voprosy issledovanija i prepodavanija rodnyh jazykov i literatur. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Cheboksary, Izdatel'skij dom «Sreda», 2020, pp. 227-229. (In Russian).

Kovedjaeva E.I., Nikolaeva I.A. Marijskij lugovovostochnyj jazyk [Meadow-Eastern Mari language]. *Jazyki Rossijskoj Federacii i sosednih gosudarstv.* Moscow, Nauka, 2001, vol. II, pp. 274-283. (In Russian).

Kozlova K.I. Ocherki etnicheskoj istorii marijskogo naroda [Outlines of Mari People's Ethnic History]. Moscow, 1978, 354 p. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Marijskij v Moskve: k voprosu o sohrannosti etnicheskogo jazyka v uslovijah vnutrennej diaspory [The Mari language in Moscow: the problem of ethnic language preservation in the conditions of internal diaspora]. *Finno-ugrovedenie*, 2022, no. 63, pp. 30-44. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Iz staroj diaspory v novuju: k voprosu o sohrannosti jazyka i kul'tury bashkirskih marijcev (na materiale sociolingvisticheskogo obsledovanija v marijskoj diaspore moskovskogo regiona) [From the old diaspora to the new one: On Bashkir Maris' language and culture maintenance (results of a sociolinguistic survey in the Moscow region Mari diaspora)]. *Uralo-altajskie issledovanija*, 2023a, no. 4 (51), pp. 54-79. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Sohrannost' etnicheskogo jazyka u ural'skih marijcev [Ethnic language maintenance: The case of the Ural Maris]. *Rodnoj jazyk. Lingvisticheskij zhurnal*, 2023b, no. 1, pp. 44-89. (In Russian).

Kutsaeva M.V. «Vera i jazyk – eto nash gennyj kod»: sakral'naja funkcija marijskogo v uslovijah vnutrennej diaspory [«Faith and language are our genetic code»: A sacred function of Mari in the conditions of internal diaspora]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*, 2023v, vol. 17, no. 3, pp. 331-342. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Funkcionirovanie marijskih idiomov v staryh diasporah Bashkortostana (po materialam polevyh ekspedicij 2024 g.) [The function of Mari idioms in the old diaspora

of Bashkortostan (based on the field linguistic data from the year 2024)]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskih i antropologicheskih issledovanij*, 2025a, no. 1 (47), pp. 50-63. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Sohranenie i populjarizacija marijskogo jazyka i kul'tury: o rabote sel'skih bibliotek v staryh diasporah [Mari language and culture preservation and popularization: Rural libraries serving long-standing Mari diaspora communities]. *Rodnoj jazyk. Lingvisticheskij zhurnal*, 2025b, no. 1, pp. 99-126. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Funkcionirovanie marijskogo jazyka v Kukmorskom rajone Tatarstana [Functioning of the Mari language in the Kukmor district of Tatarstan]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*, 2025v, vol. 19, no. 3, pp. 347-356. (In Russian).

Kutsaeva M.V. Pet', tancevat' i govorit' po-marijski: k voprosu o revitalizacii etnicheskogo jazyka v diaspore [Singing, dancing and speaking in Mari: to the issue of revitalization of ethnic language in diaspora]. *Vestnik ugrovedenija*, 2025g, vol. 15, no. 3 (62), pp. 588-597. (In Russian).

Lastochkina G., Pehmetova S. Uralyshtat – marij jylme, jÿla, tÿvyra verch [The Urals are supportive of the Mari language, traditions and culture, too]. *Respublikanskaja gazeta «Marij El»*, 2022, 9 September. (In Mari).

Marijcy. Istoriko-ehtnograficheskie ocherki [Maris. Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2018, 482 p. (In Russian).

Molotova T.L. Osobennosti sovremennoj kul'tovoj praktiki marijcev Tatarstana [Peculiarities of current ritual practices of Maris of Tatarstan]. *Nacional'naja kul'tura v social'nom prostranstve i vremeni. Materialy V Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii «Jyvan Kyrla ludmash».* 31 March 2017. Yoshkar-Ola, 2019, pp. 323-328. (In Russian).

Molotova T.L. Tradicii kul'tovoj praktiki marijcev Kukmorskogo rajona Tatarstana [Traditions of cult practices of Maris in the Kurmor district in Tatarstan]. *Finno-ugrovedenie*, 2020, no. 61, pp. 174-176. (In Russian).

Sadikov R.R. Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istorija, kul'tura, demografija) [Finno-ugric peoples in the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa, Institut etnologicheskih issledovanij im. R.G. Kuzeeva Ural'skogo nauchnogo centra Rossijskoj Academii nauk, 2016, 274 p. (In Russian).

Sepeev G.A. Vostochnye marijcy: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noj kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.) [Eastern Maris: historical-ethnographic study of material culture (middle of XIX – beginning of XX centuries)]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975, 248 p. (In Russian).

Sepeev G.A. Istorija rasselenija marijcev [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2006, 200 p. (In Russian).

Smirnov I.N. Cheremisy: istoriko-etnograficheskij ocherk. [Tcheremis: historical-ethnographic essay]. Yoshkar-Ola, Sojuz marijskoj molodezhi «U vij» (Molodaja sila), 2014, 304 p. (In Russian).

Fominyh I. Rost zamechatel'nyj, shirota neob''jatnaja [The growth is steady, the breadth is immense]. *Marijskij mir*, 2024, no. 1(60), pp. 14-16. (In Russian).

Fuks A. Zapiski o chuvashah i cheremisah Kazanskoj gubernii [Notes on Chuvash and Tcheremiss of the Kazan province]. Kazan', tipografija Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1840, 329 p. (In Russian).

Khannanova A.I. Dejatel'nost' bazovyh bibliotek Respubliki Bashkortostan po obsluzhivaniju etnicheskih grupp naselenija v 2020 godu [Work of basic libraries of the Republic of Bashkortostan serving ethnic groups in 2020]. Ufa, 2021, 36 p. (In Russian).

Shanchara S. Marijcy na prostorah Rossii: kniga ocherkov [Maris across Russia: a collection of essays]. Yoshkar-Ola, Izdatel'skij dom «Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo», 2020, 391 p. (In Russian).

Jakovlev G.Ja. Religioznye obrjady cheremis [Religious rites of tcheremis]. Kazan', 1887, 87 p. (In Russian).

Kutsaeva M.V. A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region. Strategies for Knowledge Elicitation. Eds. Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva. Springer Nature Switzerland AG, 2021, pp. 85-99. (in English).

Куцаева Марина Васильевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
группы финно-угорских языков
отдела урало-алтайских языков
Институт языкознания РАН,
г. Москва
e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Marina Kutsaeva
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of Group for
Finno-Ugric Languages of the Department
of Ural-Altaic Languages,
Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow
e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

УДК 811.511.151
DOI 10.51254/2312-0312-2025-4-72-37-66

О СЕМАНТИКЕ МАРИЙСКИХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА В СВЯЗИ СО СЛОВООБРАЗОВАНИЕМ

© 2025 г. С.С. Сибатрова

Введение. Прилагательные цвета образуют одну из семантических групп качественных имен прилагательных, связанных со зрительным восприятием. Они отражают цветовое разнообразие мира, которое способен различать человек. В марийском языке существует не одна сотня прилагательных, передающих цвета и цветовые оттенки предметов. **Цель статьи** – провести систематизацию лексического состава марийских прилагательных цвета по их семантике и словообразованию. **Материалы и методы.** Исследование осуществлено на базе фактического материала по лугово-восточному марийскому литературному языку, представленного в орфографическом (2011) и многотомном (1990–2005; 2019) словарях, а также в электронном Корпусе марийского языка. В ходе анализа и изложения выявленных лексических единиц были использованы такие широко известные лингвистические методы, как семантического, компонентного, количественного анализов и описательный. **Результаты исследования, обсуждение.** Прилагательные цвета в марийском языке семантически делятся на две группы: 1) прилагательные, обозначающие какой-либо определенный цвет (ок. 30 ед.); 2) прилагательные, обозначающие оттенки цветов (более 270 ед.). Сами цвета передаются простыми прилагательными, главным образом непроизводными и некоторыми суффиксальными производными (с *-алге*). Такие названия составляют ядро лексического состава прилагательных цвета, на их базе пополняется и развивается в целом вся система адъективных слов цветообозначения. Другую многочисленную группу образуют сложные прилагательные сочинительно-подчинительного типа, состоящие из двух основ-прилагательных цвета (в иных случаях не цвета). Вторая основа обозначает сам цвет, а первая – оттенок этого цвета, в какой-то мере определяя второй компонент. Первый и второй компоненты имеют особенности выражения. **Заключение.** Марийский язык обладает в целом сложившейся четкой системой передачи цветов и цветовых оттенков предметов, которая отражает богатый опыт носителей в цветовосприятии и заслуживает многостороннего исследования.

Ключевые слова: марийский язык; имена прилагательные; качественные; цвет; оттенки цвета; простые прилагательные; сложные прилагательные.

Введение

В статье предпринята попытка описать марийские качественные имена прилагательные зрительного восприятия, обозначающие предметный признак по цвету. Крупных исследовательских работ о прилагательных, выражающих цвета и их многочисленные оттенки, в марийской лингвистике нет. Однако имеются отдельные публикации, рассматривающие данную тему. Это работы Е.Н. Мустаева «Марийские прилагательные, обозначающие цвета» [1974, с. 179–182], где сжато рассмотрена «богатая система» марийских прилагательных, «обозначающих цвета и их оттенки», и Э.С. Петровой «Цветообозначающие прилагательные в марийском языке» [2011, с. 69–70]. В 2008 году вышел «Словарь цветообозначающих слов современного марийского языка» З.С. Артюшкиной и И.Г. Иванова, в котором сделана «попытка создать систему цветообозначающих терминов для литературного языка» [2008, с. 24]. Он содержит три части: русско-марийский словарь названий цвета (включает ок. 280 единиц; приведены «примеры сочетаемости терминов», «краткие характеристики значений»), марийско-русский словарь названий цвета (310 единиц), марийско-русский словарь «Названия цветов в диалектах марийского языка» (более 500 единиц). Кроме того, книгу предваряет достаточно объемное предисловие («от составителей»), в котором изложены и объяснены наличие в марийском языке и его диалектах большого количества слов и выражений для обозначения цветов и их оттенков, но при этом имеющие место трудности в точном воспроизведении «цветовой гаммы окружающей природы на марийском языке». Примечательно, что избавиться от данного недостатка составители предлагают не путем «заимствования названий из русского языка», а творческим освоением «нетронутых диалектных богатств народного языка». (Материалы этого словаря использованы в настоящей работе весьма ограниченно, т.к. его составители в целях создания системы цветообозначающих терминов для литературного языка включили отобранные и приспособленные «диалектные варианты» «для выражения определенного конкретного цвета», к сожалению, без каких-либо помет; см.: [Там же. С. 24]). Несмотря на некоторые существующие работы, можно утверждать, что марийские прилагательные цвета до сих пор остаются без должного внимания со стороны специалистов.

Цель статьи – провести систематизацию выявленного лексического состава марийских прилагательных цвета по их семантике и словообразованию.

Материалы и методы

Исследование выполнено на основе обширного фактического материала по лугово-восточному марийскому литературному языку. Прилагательные

цвета (более 300 ед.) выписывались путем сплошной выборки из «Марий орфографий мутер» («Марийский орфографический словарь») [2011] и многотомного «Словаря марийского языка» [1990–2005; 2019]; также (в случаях недостаточности данных, в т.ч. иллюстративных, например, при определении или уточнении лексических значений и употребления слов) активно привлекались материалы электронного Корпуса марийского языка [https://corp.marnii.ru], объем которого – более 21 миллиона словоупотреблений. Лексические значения прилагательных (соответственно, и переводы) представлены в статье главным образом согласно «Словарю марийского языка», у многозначных прилагательных отражены только те значения, которые касаются цвета (при этом осталось за рамками настоящей работы такое вполне возможное значение у сложных прилагательных, как выражение сочетания двух отдельных цветов, т.е. типа *ош(о)-шем(е)* ‘белый и черный’, *йошкар(ге)-канде* ‘красный и синий, красный и голубой’, что требует специального контекстуального анализа). При систематизации прилагательные цвета и оттенков цветов (за исключением ок. 10 специальных названий мастей лошадей, которые здесь не нашли отражения; они, наименования мастей лошадей и окраса некоторых других животных должны стать объектом отдельного исследования) представлены с учетом алфавита и частотности их употребления в составе сложных прилагательных. При описании какого-либо прилагательного цвета как компонента сложного образования для полноты картины приведены все лексические единицы с ним, которые выявлены в источниках.

В ходе исследования и изложения марийских прилагательных цвета были применены такие широко известные лингвистические методы, как семантического, компонентного, количественного анализов и описательный.

Результаты исследования, обсуждение

Как известно, одну из семантических групп качественных имен прилагательных образуют слова, называющие цвет предмета. Марийские прилагательные цвета по семантике, в свою очередь, можно разделить на две группы: 1) прилагательные, обозначающие цвета (цвет – «световой тон чего-н., окраска» [Ожегов, 1983, с. 775]); 2) прилагательные, обозначающие оттенки цветов (оттенок – «разновидность одного и того же цвета» [Там же. С. 425]). Эти группы заметно отличаются друг от друга по своему образованию.

Сами цвета выражаются, как правило, простыми прилагательными. При этом простые прилагательные цвета по своей семантике и образованию (производности) также неоднородны. Одни из них, в целом непроизводные, обозначают главным образом определенные цвета. Они составляют относительно ограниченный, немногочисленный, круг слов (источники содержат более 20 единиц; ввиду представленности в них здесь приводятся по алфавиту и диалектные, и разговорные единицы, которых немного): *ал* ‘алый, кумачо-

вый, багровый’, *гӱл* диал. ‘голубой’, *йошкар(ге)* ‘красный; рыжий (о волосах, масти животных)’; *канде* ‘синий, голубой’, *кӱрен* ‘коричневый, карий (о глазах); бурый (о масти, шерсти)’, *кына* ‘розовый, алый’, *лудо* ‘серый’, *нарынче* ‘желтый’, *ола* ‘пестрый’, *олача* ‘пестрый’, *ош(о)* ‘белый; светлый, белокурый; бледный’, *ӧрза* разг. ‘синий’, *сандал* ‘розовый, алый’, *сар(е)* ‘желтый, оранжевый, кремовый, восковой, золотистый; русый, белокурый, светловолосый (о человеке); буланый, саврасый, соловый (о лошади), серый (о птицах)’, *симсе* ‘синий, голубой, сизый’, *сур* ‘серый; седой (о волосах), чалый (о лошади); сизый, голубовато-серый’, *тӱкӧ* ‘желтый’, *ужар(ге)* ‘зеленый’, *чалка* диал. ‘синий’, *чевер* ‘красный, алый, румяный’, *чолка* ‘светло-розовый’, *чувар* ‘пестрый’, *чулик* ‘ярко-розовый, светло-малиновый, розово-малиновый’, *шем(е)* ‘черный; темный; смуглый’, *шудыра* диал. ‘зеленый’. Эти слова (за исключением диалектных и разговорных), очевидно, являются ядром лексической системы имен прилагательных цвета, т.к. в целом на их основе пополняется и развивается описываемый словарный пласт.

К другой подгруппе простых прилагательных относятся единицы с суффиксами (главным образом) *-алге* и (в единичных случаях) *-ака, -ка*, соответствующими суффиксам *-оват/-еват* русского языка. В традиционной марийской грамматике данные суффиксы квалифицируются как «формы оценки качества имен прилагательных»; при этом отмечается, что «суффикс *-алге* присоединяется к основам имен прилагательных, обозначающих цвет, и придает им значение неполноты качества» (*ошо* ‘белый’ – *ошалге* ‘беловатый’) [Современный марийский язык…, 1961, с. 104–105; также Учаев, 1982, с. 115], а суффикс *-ка* – «к основам лишь нескольких имен прилагательных, имеет то же значение», что и суффикс *-алге* [Современный марийский язык…, 1961, с. 106; также Галкин, 1966, с. 57]. Согласно нашим источникам, такими являются прилагательные: с суффиксом *-алге* – *кандалге* ‘синеватый, голубоватый’ < *канде* ‘синий, голубой’, *кӱреналге* ‘коричневатый, светло-коричневый; светло-карий (о глазах); буроватый, светло-бурый’ < *кӱрен* ‘коричневый, карий (о глазах); бурый (о масти, шерсти)’, *кыналге* ‘розоватый, аловатый’ < *кына* ‘розовый, алый’, *лудалге* ‘сероватый’ < *лудо* ‘серый’, *нарынчалге* ‘оранжевый, желтоватый’ < *нарынче* ‘желтый’, кроме того, в настоящее время не разложимое на морфемы прилагательное *оралге* ‘желтый, пожелтевший – о листьях, растениях’ (судя по материалам этимологического словаря В.И. Вершинина, в данном слове на диахроническом уровне можно выделить суффикс *-алге,* ср. «яр. (*ораш*) пожелтеть, побелеть (листья)» [Вершинин 2018: 386]); с суффиксом *-ака* (в работе И.С. Галкина *-ка* [1966, с. 57]) – *лудака* ‘сероватый’. При диахронном подходе к последнему случаю можно отнести и некоторые другие прилагательные: *вудака* ‘туманный, неясный, нечеткий, тусклый, мутный’ – ср. подражательное слово *выде-вудо* ‘о чем-л. неясном, незаметном (о пло-

хой видимости, слышимости)’ [Словарь марийского языка, 1990, т. 1, с. 336]; *пальтка* ‘кипенный, очень белый (о снеге); бледный, бескровный, бесцветный, мертвенный’ (исходя из материалов этимологического словаря В.И. Вершинина, в *пальтка* может иметь место суффикс *-ка* – ср. *пальы* «тонш. мучная пыль». Правда, он же допускает связь со словами *валгыды, волгыдо* ‘светлый, свет’ [Вершинин, 2018, с. 386]); *шапка* ‘бледный, блеклый, тусклый, выцветший’ и *шопка* ‘бледный, бледноватый, тусклый, бесцветный, полинялый, выцветший’ (являются фонетическими вариантами одного и того же слова; исторически они, скорее всего, содержат суффикс *-ка* – ср. «*шапы* малм. бледный <…>, урж. *шапемдаш -ем* отбелить (холст)» [Там же. С. 644] и «*шопа* бир. <…> бледный» [Там же. С. 670], а также *шапалге* ‘бледный, блеклый, тусклый, неяркий’, *шапемаш* диал. ‘бледнеть, побледнеть; блекнуть, поблекнуть; тускнеть, потускнеть; выцветать, выцвести’ [Словарь марийского языка, 2004, т. 9, с. 31, 33]).

В рамках простых прилагательных цвета следует объединить в отдельную подгруппу адъективные единицы, образованные путем присоединения суффикса *-алге* к основам некоторых имен существительных: *рокалге* ‘землистый; серовато-бледный (о цвете лица)’ < *рок* ‘земля, почва’; *сиренялге* ‘сиреневатый’ < *сирень* ‘сирень’; *шиялге* ‘серебристый’ < *ший* ‘серебро’; *шӧртнялге* ‘золотистый, золотой’ < *шӧртньӧ* ‘золото’; *шуналге* ‘коричневатый, светло-коричневый, красноватый, красно-коричневый; цвета глины, глинистый, глиняный’ < *шун* ‘глина’; *шӱшталге* диал. ‘блестяще-черный (цвета кожи)’ < *шӱштӧ* ‘кожа (выделанная)’; *шыштalге* ‘восковой, цвета воска, кремовый, желтоватый’ < *шыште* ‘воск’. Понятно, они обозначают цвет, похожий на характерный окрас предмета, названного производящей основой, а суффикс *-алге* в этом случае играет словообразовательную роль. По деривационным особенностям к таким производным прилагательным цвета примыкают единичные адъективные слова с суффиксами: *-ешке – пунешке* ‘мышиный (о цвете); серый, светло-серый, саврасый (о масти)’ < *пун* ‘шерсть, пух, волос’; *шыштешке* ‘желтый, восковой’ < *шыште* ‘воск’; *-еч – шунеч* диал. ‘коричневый; глинистый, глиняный’ < *шун* ‘глина’. По мнению И.С. Галкина, адъективный суффикс *-ешке* (по происхождению сложный: «сложился из финно-угорского суффикса *-*sk* для отыменных транслативных глаголов и чувашского суффикса *-е* для отглагольных имен прилагательных») имеет значение «подобный тому, что обозначает корневое слово» [Галкин, 1966, с. 26, 64]. А суффикс *-еч,* безусловно, одного («финно-угорского») происхождения с аналогичным субстантивным суффиксом, выступающим в отадъективных кличках собак «*Шемеч* ‘Чернявка’» < *шем(е)* ‘черный’, «*Ошеч* ‘Белка’» < *ош(о)* ‘белый’ (см.: [Там же. С. 49–50]).

Среди простых прилагательных, семантически связанных с цветом, особо выделяются самостоятельно (т.е. не в составе сложных прилагательных)

используемые слова *волгыдо* ‘светлый, менее яркий по цвету’, *пич* ‘темный; более густой, насыщенный по цвету’, а также ряд единиц, сочетающихся с достаточно ограниченным кругом слов: *пуний* диал. ‘бледный; без здорового румянца’, *ракш* ‘русый (о волосах); гнедой (о масти лошади)’, *чакыр* диал. ‘карий (о цвете глаз)’, *чакыра* диал. ‘коричневатый’, *чал* ‘седой’, *шара* ‘светлый, белый’, кроме того, часто употребляемое многозначное прилагательное *яндар* ‘чистый; без примеси’.

Вторую весьма большую группу образуют прилагательные, которые обозначают оттенки цвета (иногда сочетание двух отдельных цветов, которое здесь не рассматривается). К ним относятся сложные прилагательные, состоящие в абсолютном большинстве случаев из двух основ-прилагательных цвета (в отдельных случаях не цвета), типа *шемалге-канде* ‘темно-синий, темно-голубой’, *ужар(ге)-нарынче* ‘зелено-желтый’. Их второй компонент передает сам цвет, а первый – оттенок данного цвета, поэтому выступает как определение ко второму «основному» и можно утверждать, что отношения между компонентами таких сложных прилагательных не чисто сочинительные, а сочинительно-подчинительные (они, как и в русском языке, пишутся через дефис; см.: [Марий орфографий мутер, 2011, с. 15]). В источниках выявлено более 270 таких прилагательных, которые ниже излагаются в аспекте выражения второго («основного») и первого («определяющего») компонентов.

Позицию «основного» **второго** составляющего в целом занимают единицы, которые представляют собой простые непроизводные прилагательные цвета. Причем по частотности своего употребления – образования лексических единиц – они проявляют себя не в равной мере. Судя по материалам источников, наиболее активно в образовании сложных прилагательных цвета в качестве их вторых компонентов участвуют (выявляются в 10 и более единицах; однако такие данные не всегда окончательные, т.к., можно предположить, что источники отражают не все возможные композиты):

-канде ‘-синий, -голубой’ (20 ед.): *волгыдо-канде* ‘светло-синий, светло-голубой’, *вудака-канде* ‘мутно-синий, мутно-голубой’, *йошкар(ге)-канде* ‘красно-синий, красно-голубой’, *кына-канде* ‘розово-синий, розово-голубой; ало-синий, ало-голубой’, *лудалге-канде* ‘серовато-синий, серо-синий; серовато-голубой, серо-голубой’, *нарынчалге-канде* ‘желтовато-синий, желто-синий; желтовато-голубой, желто-голубой’, *нарынче-канде* ‘желто-синий, желто-голубой’, *нугыдо-канде* ‘густо-синий, густо-голубой; насыщенно-синий, насыщенно-голубой’, *ныжсыл(ге)-канде* ‘нежно-синий, нежно-голубой’, *ошалге-канде* ‘светло-синий, светло-голубой’, *ош-канде* ‘светло-синий, светло-голубой; бело-синий, бело-голубой’, *пичалге-канде* ‘темно-синий, темно-голубой’, букв. ‘темновато-синий, темновато-голубой’, *суралге-канде* ‘серовато-синий, серо-синий; серовато-голубой, серо-голубой’, *сур-канде* ‘серо-синий, серо-

голубой’, *ужар(ге)-канде* ‘зелено-синий, зелено-голубой’, *шапалге-канде* ‘бледно-синий, бледно-голубой; блекло-синий, блекло-голубой; светло-синий, светло-голубой’, *шемалге-канде* ‘темно-синий, темно-голубой’, букв. ‘темновато-синий, темновато-голубой’, *шем-канде* ‘темно-синий, темно-голубой; черно-синий, черно-голубой’, *ший-канде* ‘серебристо-синий, серебристо-голубой’, *яндар-канде* ‘чисто-синий, чисто-голубой, ярко-синий, ярко-голубой’;

-йошкар(ге) ‘-красный’ (в источниках зафиксировано 19 ед.): *волгыдо-йошкар(ге)* ‘светло-красный’, *кандалге-йошкар(ге)* ‘синевато-красный, голубовато-красный, сине-красный, голубо-красный’, *канде-йошкар(ге)* ‘сине-красный, голубо-красный’, *кӱреналге-йошкар(ге)* ‘коричневато-красный, коричнево-красный, бордовый’, *кӱрен-йошкар(ге)* ‘коричнево-красный’, *кына-йошкар(ге)* ‘розово-красный, ало-красный’, *лудалге-йошкар(ге)* ‘серовато-красный, серо-красный’, *нарынчалге-йошкар(ге)* ‘желтовато-красный, желто-красный’, *нарынче-йошкар(ге)* ‘желто-красный’, *нугыдо-йошкар(ге)* ‘густо-красный, насыщенно-красный, багряный, багровый’, *ошалге-йошкар(ге)* ‘светло-красный, розовый’, *ош-йошкар(ге)* ‘светло-красный, светло-рыжий; бело-красный’, *сар-йошкар(ге)* ‘желто-красный, желтовато-красный’, *ужар(ге)-йошкар(ге)* ‘зелено-красный’, *чӱҥ-йошкар(ге)* ‘ярко-красный, ярко-рыжий’, *шапалге-йошкар(ге)* ‘бледно-красный, блекло-красный, светло-красный’, *шемалге-йошкар(ге)* ‘темно-красный; бордовый’, букв. ‘темновато-красный’, *шем-йошкар(ге)* ‘темно-красный; бордовый’, *яндар-йошкар(ге)* ‘чисто-красный, ярко-красный’;

-ужар(ге) ‘-зеленый’ (17 ед.): *волгыдо-ужар(ге)* ‘светло-зеленый’, *йошкар(ге)-ужар(ге)* ‘красно-зеленый’, *кандалге-ужар(ге)* ‘синевато-зеленый, голубовато-зеленый, сине-зеленый, голубо-зеленый’, *канде-ужар(ге)* ‘сине-зеленый, голубо-зеленый, синевато-зеленый, голубовато-зеленый’, *нарынчалге-ужар(ге)* ‘желтовато-зеленый, желто-зеленый’, *нарынче-ужар(ге)* ‘желто-зеленый, желтовато-зеленый’, *нугыдо-ужар(ге)* ‘густо-зеленый, насыщенно-зеленый’, *ошалге-ужар(ге)* ‘светло-зеленый, бледно-зеленый’, *ош-ужар(ге)* ‘светло-зеленый, бледно-зеленый; бело-зеленый’, *пелганде-ужар(ге)* ‘голубовато-зеленый, голубо-зеленый’, *саралге-ужар(ге)* ‘желтовато-зеленый, желто-зеленый’, *сар-ужар(ге)* ‘желто-зеленый, желтовато-зеленый’, *сураlге-ужар(ге)* ‘серовато-зеленый, серо-зеленый’, *шапалге-ужар(ге)* ‘бледно-зеленый, блекло-зеленый, светло-зеленый’, *шемалге-ужар(ге)* ‘темно-зеленый’, букв. ‘темновато-зеленый’, *шем-ужар(ге)* ‘темно-зеленый’, *яндар-ужар(ге)* ‘чисто-зеленый, ярко-зеленый’;

-кӱрен ‘-коричневый; -бурый (о масти, шерсти)’ (15 ед.): *волгыдо-кӱрен* ‘светло-коричневый’, *вудака-кӱрен* ‘бурый, серовато-коричневый’, букв. ‘мутно-коричневый’, *йошкар(ге)-кӱрен* ‘красно-коричневый, красно-бурый’,

нарынчалге-кӱрен ‘желтовато-коричневый, желто-коричневый’, *ошалге-кӱрен* ‘светло-коричневый’, *ош-кӱрен* ‘светло-коричневый; бело-коричневый’, *пелганде-кӱрен* ‘голубо-коричневый, голубовато-коричневый’, *рӱдаҥ-кӱрен* ‘ржаво-коричневый, ржаво-бурый’, *сур-кӱрен* ‘серо-коричневый’, *тӱкалге-кӱрен* желтовато-коричневый, желто-коричневый; желтовато-бурый, желто-бурый’, *шапалге-кӱрен* ‘бледно-бурый, блекло-бурый; светло-коричневый’, *шемалге-кӱрен* ‘темно-коричневый’, букв. ‘темновато-коричневый’, *шем-кӱрен* ‘темно-коричневый’, *шӧртнялге-кӱрен* ‘золотисто-коричневый, золотисто-бурый’, *яндар-кӱрен* ‘чисто-коричневый, чисто-бурый’;

-нарынче ‘-желтый’ (14 ед.): *волгыдо-нарынче* ‘светло-желтый’, *йошкар(ге)-нарынче* ‘красно-желтый’, *нугыдо-нарынче* ‘густо-желтый, насыщенно-желтый’, *ошалге-нарынче* ‘светло-желтый, бледно-желтый’, *ош-нарынче* ‘светло-желтый; бело-желтый’, *рӱдаҥ-нарынче* ‘ржаво-желтый’, *ужар(ге)-нарынче* ‘зелено-желтый’, *чевер-нарынче* ‘красновато-желтый, красно-желтый; ярко-желтый’, *шапалге-нарынче* ‘бледно-желтый, блекло-желтый, светло-желтый’, *шемалге-нарынче* ‘темно-желтый’, букв. ‘темновато-желтый’, *шем-нарынче* ‘темно-желтый’, *шӧртнялге-нарынче* ‘золотисто-желтый’, *шышталге-нарынче* ‘восково-желтый’, *яндар-нарынче* ‘чисто-желтый, ярко-желтый’;

-сар(е) ‘-желтый’ (14 ед.): *волгыдо-сар(е)* ‘светло-желтый’, *кӱреналге-сар(е)* ‘коричневато-желтый, коричнево-желтый’, *кӱрен-сар(е)* ‘коричнево-желтый’, *нугыдо-сар(е)* ‘густо-желтый, насыщенно-желтый’, *оралге-сар(е)* ‘оранжево-желтый’, букв. ‘желто-желтый’, *ошалге-сар(е)* ‘светло-желтый, бледно-желтый’, *ош-сар(е)* ‘светло-желтый, бледно-желтый; бело-желтый’, *рӱдаҥ-сар(е)* ‘ржаво-желтый’, *сап-сар(е)* диал. ‘совершенно, совсем желтый’, *ужар(ге)-сар(е)* ‘зелено-желтый’, *шем-сар(е)* ‘темно-желтый’, *шӧртнялге-сар(е)* ‘золотисто-желтый’, *шышталге-сар(е)* ‘восково-желтый’, *яндар-сар(е)* ‘чисто-желтый, ярко-желтый’;

-чевер (в значении) ‘-красный, -алый, -розовый, -румяный’ (14 ед.): *ал-чевер* ‘ярко-красный, багровый’, *волгыдо-чевер* ‘светло-красный’, *йошкар(ге)-чевер* ‘красный’, букв. ‘красно-красный, красно-румяный’, *кӱрен-чевер* ‘коричнево-румяный’, *кына-чевер* ‘розово-красный, ало-красный’, *нарынчалге-чевер* ‘желтовато-красный, желто-красный’, *ныжыл(ге)-чевер* ‘нежно-алый’, *ошалге-чевер* ‘светло-алый, светло-красный; светло-розовый, бледно-розовый’, *ош-чевер* ‘светло-алый, светло-красный; бело-алый, бело-красный’, *ужар(ге)-чевер* ‘зелено-красный’, *шемалге-чевер* ‘смугло-румяный’, букв. ‘смугловато-румяный, темновато-румяный’, *шем-чевер* ‘смугло-румяный’, *шапалге-чевер* ‘бледно-красный, блекло-красный, светло-красный’, *шӧртнялге-чевер* ‘золотисто-алый, золотисто-румяный’;

-сур ‘-серый; -седой (о волосах)’ (13 ед.): *волгыдо-сур* ‘светло-серый’, *кандалге-сур* ‘голубовато-серый, голубо-серый; синевато-серый, сине-серый’,

канде-сур ‘сине-серый, голубо-серый’, *кӱреналге-сур* ‘коричневато-серый, коричнево-серый’, *кӱрен-сур* ‘коричнево-серый, бурый’, *ошалге-сур* ‘светло-серый, бледно-серый’, *ош-сур* ‘светло-серый; бело-серый’, *пелганде-сур* ‘голубовато-серый, голубо-серый’, *тӱкалге-сур* ‘желтовато-серый, желто-серый’, *ужар(ге)-сур* ‘зелено-серый’, *шапалге-сур* ‘бледно-серый, блекло-серый, светло-серый’, *шемалге-сур* ‘темно-серый’, букв. ‘темновато-серый’, *шем-сур* ‘темно-серый, смурый; темно-седой’;

-ош(о) ‘-белый’ (11 ед.): *вудака-ош(о)* ‘мутно-белый, дымчатый, пепельный, светло-серый’, *лудалге-ош(о)* ‘серовато-белый, серо-белый’, *нарынчалге-ош(о)* ‘желтовато-белый, желто-белый’, *ныжыл(ге)-ош(о)* ‘нежно-белый’, *пелганде-ош(о)* ‘голубовато-белый, голубо-белый’, *суралге-ош(о)* ‘серовато-белый, серо-белый’, *тӱкалге-ош(о)* ‘желтовато-белый, желто-белый’, *шем-ош(о)* ‘черно-белый’, *шиялге-ош(о)* ‘серебристо-белый’, *шышталге-ош(о)* ‘восково-белый, светло-восковой’, *яндар-ош(о)* ‘чисто-белый, ярко-белый’;

-кына ‘-розовый, -алый’ (10 ед.): *волгыдо-кына* ‘светло-розовый, светло-алый’, *кандалге-кына* ‘синевато-розовый, сине-розовый, голубовато-розовый, голубо-розовый; синевато-алый, сине-алый, голубовато-алый, голубо-алый’, *канде-кына* ‘сине-розовый, голубо-розовый; сине-алый, голубо-алый ’, *нарынчалге-кына* ‘желтовато-розовый, желто-розовый; желтовато-алый, желто-алый’, *оралге-кына* ‘желто-розовый, желто-алый’, *ошалге-кына* ‘светло-розовый, бледновато-розовый, бледно-розовый; светло-алый, бледновато-алый, бледно-алый’, *ош-кына* ‘светло-розовый, бледно-розовый, бело-розовый; светло-алый, бледно-алый, бело-алый’, *ужар(ге)-кына* ‘зелено-розовый, зелено-алый’, *шемалге-кына* ‘темно-розовый, темно-алый, малиновый, вишневый’, букв. ‘темновато-розовый, темновато-алый’, *шем-кына* ‘темно-розовый, темно-алый, малиновый, вишневый’;

-шем(е) ‘-черный, -темный, -смуглый’ (10 ед.): *вудака-шем(е)* ‘серовато-черный, дымчато-черный’, букв. ‘мутно-черный, тускло-черный’, *йошкар(-ге)- шем(е)* ‘красно-черный’, *кандалге-шем(е)* ‘иссиня-черный, синевато-черный, голубовато-черный’, *канде-шем(е)* ‘иссиня-черный, сине-черный, голубовато-черный’, *кӱреналге-шем(е)* ‘коричневато-черный, коричнево-черный; темно-коричневатый; темно-карий (о глазах)’, *кӱрен-шем(е)* ‘коричнево-черный’, *лудалге-шем(е)* ‘серовато-черный, серовато-темный’, *нугыдо-шем(е)* ‘густо-черный, насыщенно-черный’, *суралге-шем(е)* ‘серовато-черный, серовато-темный’, *шеп-шем(е)* ‘очень черный, черный-пречерный’.

Примечательно, что в «основной» второй позиции некоторые из вышеприведенных прилагательных могут выступать с суффиксом *-алге*, как отмечено выше, придающим прилагательному значение неполноты качества (для русского языка в целом не характерно использование прилагательных цвета с соответствующим суффиксом *-оват, -еват* во второй части композитов).

Зафиксированы, главным образом в корпусе, немногочисленные или отдельные примеры следующих таких прилагательных:

-кандалге ‘-синий, -голубой’, букв. ‘-синеватый, -голубоватый’ (источники содержат 8 ед.): *вудака-кандалге* ‘мутно-синий, мутно-голубой’, букв. ‘мутно-синеватый, мутно-голубоватый’, *кына-кандалге* ‘розово-синий, розово-голубой; ало-синий, ало-голубой’, букв. ‘розово-синеватый, розово-голубоватый; ало-синеватый, ало-голубоватый’, *ныжыл(ге)-кандалге* ‘нежно-синий, нежно-голубой’, букв. ‘нежно-синеватый, нежно-голубоватый’, *ошалге-кандалге* ‘светло-синий, светло-голубой’, букв. ‘светло-синеватый, светло-голубоватый’, *сар-кандалге* ‘желто-синий, желто-голубой’, букв. ‘желто-синеватый, желто-голубоватый’, *сиренялге-кандалге* ‘сиренево-синий, сиренево-голубой’, букв. ‘сиреневато-синеватый, сиреневато-голубоватый’, *ужар(ге)-кандалге* ‘зелено-синий, зелено-голубой’, букв. ‘зелено-синеватый, зелено-голубоватый’, *ший-кандалге* ‘серебристо-синий, серебристо-голубой’, букв. ‘серебристо-синеватый, серебристо-голубоватый’;

-ошалге ‘-белый’, букв. ‘-беловатый’ (7 ед.): *кӱреналге-ошалге* ‘коричневато-белый, коричнево-белый’, букв. ‘коричневато-беловатый’, *нарынчалге-ошалге* ‘желтовато-белый, желто-белый’, букв. ‘желтовато-беловатый’, *тӱкалге-ошалге* ‘желтовато-белый, желто-белый’, букв. ‘желтовато-беловатый’, *йошкар(ге)-ошалге* ‘красно-белый’, букв. ‘красно-беловатый’, *шапалге-ошалге* ‘бледно-белый’, букв. ‘бледно-беловатый’, *шемалге-ошалге* ‘пестрый’, букв. ‘черновато-беловатый, темновато-беловатый’, *шем-ошалге* ‘белесый, тускло-белый’, букв. ‘черно-беловатый’;

-шемалге ‘-черный, -темный, -смуглый’, букв. ‘-черноватый, -темноватый, -смугловатый’ (6 ед.): *зӓнгӓр-шемалге* диал. ‘сине-черный’, букв. ‘сине-черноватый’, *кӱреналге-шемалге* ‘коричневато-черный’, букв. ‘коричневато-черноватый’, *ошалге-шемалге* ‘светло-черный’, букв. ‘светло-черноватый’, *сур-шемалге* ‘серо-черный’, букв. ‘серо-черноватый’, *ужар(ге)-шемалге* ‘зелено-черный’, букв. ‘зелено-черноватый’, *чевер-шемалге* ‘румяный, смуглый (о лице)’, букв. ‘румяно-смугловатый’;

-нарынчалге ‘-желтый’, букв. ‘-желтоватый’ (4 ед.): *лудо-нарынчалге* ‘серо-желтый’, букв. ‘серо-желтоватый’, *ошалге-нарынчалге* ‘светло-желтый’, букв. ‘светло-желтоватый’, *ужар(ге)-нарынчалге* ‘зелено-желтый’, букв. ‘зелено-желтоватый’, *чевер-нарынчалге* ‘красно-желтый, ярко-желтый’, букв. ‘красновато-желтоватый, ярко-желтоватый’;

-кӱреналге ‘-коричневый, бурый’, букв. ‘-коричневатый, -буроватый’ (3 ед.): *нарынче-кӱреналге* ‘желто-коричневый’, букв. ‘желто-коричневатый’, *шемалге-кӱреналге* ‘темно-коричневый’, букв. ‘темновато-коричневатый’, *шем-кӱреналге* ‘темно-коричневый’, букв. ‘темно-коричневатый’;

-саралге ‘-желтый’, букв. ‘-желтоватый’ (3 ед.): *йошкар(ге)-саралге* ‘красно-желтый’, букв. ‘красно-желтоватый’, *ошалге-саралге* ‘светло-желтый’,

букв. ‘светло-желтоватый’, *шемалге-саралге* ‘темно-желтый’, букв. ‘темновато-желтоватый’;

-суралге ‘-серый’, букв. ‘-сероватый’ (2 ед.): *ужар(ге)-суралге* ‘зелено-серый’, букв. ‘зелено-сероватый’, *ший-суралге* ‘серебристо-серый’, букв. ‘серебристо-сероватый’;

-кыналге ‘-розовый, -алый’, букв. ‘-розоватый, -аловатый’ (1 ед.): *ужар(ге)-кыналге* ‘зелено-розовый, зелено-алый’, букв. ‘зелено-розоватый, зелено-аловатый’.

Трудно объяснить, что при этом во второй части подобных сложных прилагательных, как и в самостоятельном употреблении и в первой позиции, не выявлены примеры с *-йошкаралге* букв. ‘-красноватый’, *-ужаралге* букв. ‘-зеленоватый’, а также *-чевералге* букв. ‘-красноватый, -ярковатый’. (Следует признать, что лексические значения каждого из таких сложных прилагательных заслуживают более глубокого изучения в контексте.)

Остальные прилагательные цвета выступают в качестве второго компонента сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета, достаточно ограниченно (их зафиксировано менее 10 единиц). Такими являются:

-ал ‘-алый’ (в источниках представлены 8 ед.): *канде-ал* ‘голубо-алый, сине-алый’, *йошкар(ге)-ал* ‘ало-красный’, букв. ‘красно-алый’, *кына-ал* ‘розово-алый’, *нарынче-ал* ‘желто-алый’, *ужар(ге)-ал* ‘зелено-алый’, *чевер-ал* ‘румяно-алый, ярко-алый’, *шемалге-ал* ‘темно-алый’, букв. ‘темновато-алый’, *шӧртнялге-ал* ‘золотисто-алый’;

-волгыдо (в значении) ‘-светлый’ (7 ед.): *вудака-волгыдо* ‘тускло-светлый’, *кандалге-волгыдо* ‘голубовато-светлый, синевато-светлый’, *канде-волгыдо* ‘голубо-светлый, сине-светлый’, *ош-волгыдо* ‘светлый’, букв. ‘бело-светлый, светло-светлый’, *шемалге-волгыдо* ‘русый, светло-коричневый (о цвете волос)’, букв. ‘темновато-светлый’, *шем-волгыдо* ‘темно-светлый’, букв. ‘черно-светлый’, *шӧртнялге-волгыдо* ‘светло-золотистый’, букв. ‘золотисто-светлый’;

-лудо ‘-серый’ (5 ед.): *кӱреналге-лудо* ‘коричневато-серый’, *ошалге-лудо* ‘светло-серый, бледно-серый’, *ош-лудо* ‘светло-серый; бело-серый’, *саралге-лудо* ‘желтовато-серый, желто-серый’, *шемалге-лудо* ‘темно-серый’, букв. ‘темновато-серый’;

-ола ‘-пестрый’ (4 ед.): *лудалге-ола* ‘серовато-пестрый, серо-пестрый’, *ош-ола* ‘светло-пегий; бело-пегий, бело-пестрый’, *ужар(ге)-ола* ‘зелено-пестрый’, *шем-ола* ‘черно-пестрый’;

-олача ‘-пестрый’ (4 ед.): *кӱреналге-олача* ‘коричневато-пестрый, коричнево-пестрый’, *ош-олача* ‘бело-пестрый, светло-пестрый’, *ужар(ге)-олача* ‘зелено-пестрый’, *шем-олача* ‘черно-пестрый’;

-симсе ‘-синий, -голубой’ (4 ед.): *кандалге-симсе* ‘синевато-голубой, сине-голубой; голубовато-синий, голубо-синий’, *шапалге-симсе* ‘бледно-синий,

бледно-голубой; светло-синий, светло-голубой’, *ошалге-симсе* ‘светло-голубой, светло-синий; бледно-голубой, бледно-синий’, *ош-симсе* ‘светло-синий, светло-голубой; бело-синий, бело-голубой’;

-тӱкӧ ‘-желтый’ (4 ед.): *кӱреналге-тӱкӧ* ‘коричневато-желтый, коричнево-желтый’, *сур-тӱкӧ* ‘серо-желтый, серовато-желтый’, *чевер-тӱкӧ* ‘ярко-желтый, красно-желтый’, *яндар-тӱкӧ* ‘чисто-желтый, ярко-желтый’;

-чалка диал. ‘-синий’ (4 ед.): *кандалге-чалка* ‘голубовато-синий’, *канде-чалка* ‘синий, голубо-синий, сине-фиолетовый’, *чевер-чалка* ‘ярко-синий’, красно-синий’, *шем-чалка* ‘темно-синий’;

-гӱл диал. ‘-голубой’ (3 ед.): *ал-гӱл* ‘разноцветный, пестрый’, букв. ‘ало-голубой’, *канде-гӱл* ‘сине-голубой’, *ош-гӱл* ‘светло-голубой; бело-голубой’;

-ӧрза разг. ‘-синий’ (3 ед.): *ошалге-ӧрза* ‘светло-синий, бледно-синий’, *ош-ӧрза* ‘светло-синий; бело-синий’, *яндар-ӧрза* ‘чисто-синий, ярко-синий’;

-пальтка ‘-бледный, -белый’ (2 ед.): *ошалге-пальтка* ‘бледный (о лице)’, букв. ‘светло-бледный, беловато-бледный, беловато-белый, бледновато-бледный’; *ош-пальтка* ‘бледный’, букв. ‘бело-бледный, бело-белый, бледно-бледный (о лице)’;

-чолка ‘-розовый’ (1 ед.): *чевер-чолка* ‘ярко-розовый, красно-розовый’;

-чулик ‘-розовый, -малиновый’ (1 ед.): *чевер-чулик* ‘красно-розовый, ярко-розовый; красно-малиновый, ярко-малиновый’.

Нужно заметить, что не наблюдаются во второй части сложных адъективных единиц цвета прилагательные *сандал* ‘розовый, алый’ (очевидно, как малоупотребительное и имеющее синонимичные соответствия в языке, ср. *кына* ‘розовый, алый’, также *чолка* ‘светло-розовый’, *чулик* ‘ярко-розовый, светло-малиновый, розово-малиновый’, *ал* ‘алый, кумачовый, багровый’, *чевер* ‘красный, алый, румяный’) и *шудыра* диал. ‘зеленый’ (по-видимому, как диалектное и имеющее в литературном языке широко распространенное синонимичное соответствие *ужар(ге)* ‘зеленый’).

Обращает внимание, что единственное сложное прилагательное подчинительного типа *пелганде* ‘голубой’ (< *пел* ‘половина’ + *канде* ‘голубой, синий’) в данном случае, как и в первой позиции, ведет себя как непроизводное название, легко вступая в словообразовательные связи с другими прилагательными цвета (6 ед.): *йошкар(ге)-пелганде* ‘красно-голубой’, *ныжыл(ге)-пелганде* ‘нежно-голубой’, *ош-пелганде* ‘светло-голубой; бело-голубой’, *шем-пелганде* ‘темно-голубой’, *ший-пелганде* ‘серебристо-голубой’, *яндар-пелганде* ‘чисто-голубой, ярко-голубой’.

Во второй позиции таких сложных адъективных слов цвета могут быть основы прилагательных, производных от имен существительных с помощью суффиксов *-алге* и (в единичных случаях) *-еч.* Их немного (в источниках представлены 4 ед.):

-шӧртнялге ‘-золотистый, -золотой’, букв. ‘-золотистоватый’ (5 ед.): *ошалге-шӧртнялге* ‘светло-золотистый, бледно-золотистый’, *ош-шӧртнялге* ‘светло-золотистый; бело-золотистый’, *ший-шӧртнялге* ‘серебристо-золотистый’, *шиялге-шӧртнялге* ‘серебристо-золотистый’, букв. ‘серебристовато-золотистоватый’, *шышталге-шӧртнялге* ‘золотисто-восковой, золотисто-желтый’, букв. ‘восковато-золотистоватый’;

-шуналге ‘-коричневатый, -глинистый, -глиняный’, букв. ‘-глинистоватый’ (2 ед.): *кӱреналге-шуналге* ‘коричневато-глиняный’, *ал-шуналге* ‘ало-глинистый, багрово-глинистый’;

-шышталге ‘-восковой, -кремовый’, букв. ‘-восковатый’ (2 ед.): *ош-шышталге* ‘светло-восковой, светло-кремовый; бело-восковой’, *шем-шышталге* ‘смугло-восковой, темно-восковой (о лице)’;

-шунеч диал. ‘-коричневый, -бурый, -глинистый, -глиняный’ (4 ед.): *волгыдо-шунеч* ‘светло-коричневый, светло-бурый’, *ошалге-шунеч* ‘светло-коричневый, светло-бурый, бледно-коричневый’, *суралге-шунеч* ‘серовато-коричневый, серо-коричневый’, *шем-шунеч* ‘темно-коричневый’.

Среди сложных наименований оттенков цвета имеются немногочисленные единицы (выявлено всего 22), в качестве второго компонента которых выступают имена существительные, выражающие неодушевленный предмет, часто металл, какого-либо определенного цвета (а в позиции первого – прилагательное цвета):

-той ‘-бронзовый; -латунный’, букв. ‘-бронза; -латунь’ (в источниках выявлено 6 ед.): *ал-той* ‘ало-бронзовый, багрово-бронзовый’, *йошкар(ге)-той* ‘красно-бронзовый’, *чевер-той* ‘ярко-бронзовый, красно-бронзовый’, *шемалге-той* ‘темно-бронзовый’, *шӧртнялге-той* ‘золотисто-бронзовый’, *шышталге-той* ‘восково-бронзовый’ (также ср.: *ший-той* ‘серебристо-бронзовый’, букв. ‘серебро-бронза’, *шӧртньӧ-той* ‘золотисто-бронзовый’, букв. ‘золото-бронза’; в этих двух названиях оба компонента выражены именами существительными, однако они в своем переносном значении, подобно другим вышеприведенным лексическим единицам, передают цвет);

-ший ‘-серебристый, -серебряный’, букв. ‘-серебро’ (3 ед.): *кандалге-ший* ‘голубовато-серебристый, синевато-серебристый’, *ош-ший* ‘бело-серебристый, светло-серебристый’, *шӧртнялге-ший* ‘золотисто-серебристый, золотисто-серебряный’ (также ср.: *той-ший* ‘латунно-серебристый, бронзово-серебристый’, букв. ‘бронза-серебро’, *шӧртньӧ-ший* ‘золотисто-серебристый, золотисто-серебряный’, букв. ‘золото-серебро’ – сложные имена существительные сочинительного типа, в своем переносном атрибутивном значении выражают цвет);

-шӧртньӧ ‘-золотистый, -золотой’, букв. ‘-золото’ (3 ед.): *йошкар(ге)-шӧртньӧ* ‘красно-золотистый, красно-золотой’, *нарынче-шӧртньӧ* ‘желто-зо-

лотистый, желто-золотой’, *шышталге-шӧртньӧ* ‘золотисто-восковой, золотисто-желтый’, букв. ‘восково-золотистый’ (также ср.: *той-шӧртньӧ* ‘бронзово-золотистый, бронзово-золотой’, букв. ‘бронза-золото’, *ший-шӧртньӧ* ‘серебристо-золотистый’, букв. ‘серебро-золото’; они образованы от основ существительных – названий металлов, однако нередко, употребляясь в переносном значении и определительной функции, обозначают цвет);

-вулно ‘-свинцовый; -оловянный’, букв. ‘-свинец; -олово’ (1 ед.): *кандалге-вулно* ‘сине-свинцовый, синевато-свинцовый; голубовато-свинцовый’;

-вурс ‘-стальной’, букв. ‘-сталь’ (1 ед.): *суралге-вурс* ‘серовато-стальной, серо-стальной, серебристо-серый’;

-вӱргене ‘-медный’, букв. ‘-медь’ (1 ед.): *шӧртнялге-вӱргене* ‘золотисто-медный’;

-лавыра ‘-грязный’, букв. ‘-грязь’ (3 ед.): *лудо-лавыра* ‘серо-грязный’, *нарынче-лавыра* ‘желто-грязный’, *ужар-лавыра* ‘зелено-грязный’;

-тарай ‘-кумачовый’, букв. ‘-кумач’ (1 ед.): *чевер-тарай* ‘ярко-кумачовый’;

-шикш ‘-дымчатый’, букв. ‘-дым’ (1 ед.): *сур-шикш* ‘светло-серый, дымчатый’, букв. ‘серо-дымчатый’;

-шоптыр ‘-смородиновый’, букв. ‘-смородина’ (1 ед.): *кӱреналге-шоптыр* ‘светло-карий’, букв. ‘коричневато-смородиновый’;

-шӧр ‘-молочный’, букв. ‘-молоко’ (1 ед.): *шышталге-шӧр* ‘молочно-восковой’, букв. ‘восково-молочный’.

Следует добавить, что на способность одного из компонентов сложных имен прилагательных цвета выражаться «другой частью речи» обращали внимание марийские языковеды и ранее [Учаев, 1982, с. 136; Сергеев, 1995, с. 71–72; Словарь цветообозначающих слов…, 2008, с. 20], при этом в иллюстрации они приводили примеры прилагательных, содержащих в своем составе основы-существительные (например, *йошкар-той* ‘красно-бронзовый’, *ший-кандалге* ‘серебристо-синий, серебристо-голубой’).

Несомненно, участие имен существительных типа *той* ‘бронза; латунь’, *ший* ‘серебро’, *шӧртньӧ* ‘золото’ и др. в таком словообразовании (как и их использование в первой части сложных прилагательных цвета; см. ниже) наравне с прилагательными цвета явно свидетельствует о взаимосвязанном параллельном развитии у них лексических значений и адъективных черт. Вполне возможно, это является лишним доказательством и того, что некоторые прилагательные цвета в марийском языке могли появиться на основе имен существительных, имеющих характерный цвет (и это требует специального исследования).

Большой интерес вызывает и **первый компонент** сложных прилагательных цвета. По своему значению он передает в абсолютном большинстве случаев оттенок цвета, выраженного во втором компоненте таких прилагатель-

ных. На основе источников по частотности употребления в данной позиции следует выделить прежде всего прилагательные (ниже приведены единицы, представленные в 10 и более сложных адъективных образованиях):

шем- ‘темно-, черно-’ (в источниках зафиксировано 22 ед.): *шем-волгыдо* ‘темно-светлый, темный и светлый’, *шем-йошкар(ге)* ‘темно-красный; бордовый’, *шем-кандалге* ‘темно-синий, темно-голубой’, букв. ‘темно-синеватый, темно-голубоватый’, *шем-канде* ‘темно-синий, темно-голубой’, *шем-кӱрен* ‘темно-коричневый’, *шем-кӱреналге* ‘темно-коричневый’, букв. ‘темно-коричневатый’, *шем-кына* ‘темно-розовый, темно-алый, малиновый, вишневый’, *шем-лудалге* ‘серовато-темный, серовато-черный’, букв. ‘темно-сероватый’, *шем-нарынче* ‘темно-желтый’, *шем-ола* ‘черно-пестрый; пестрый с черными пятнами, полосами’, *шем-олача* ‘черно-пестрый; пестрый с черными пятнами, полосами’, *шем-ош(о)* ‘черно-белый’, *шем-ошалге* ‘белесый, тускло-белый’, букв. ‘черно-беловатый, темно-беловатый’, *шем-пелганде* ‘темно-голубой’, *шем-сар(е)* ‘темно-желтый’, *шем-сур* ‘темно-серый; темно-седой’, *шем-ужар(ге)* ‘темно-зеленый’, *шем-чал* ‘темно-седой’, *шем-чалка* диал. ‘темно-синий’, *шем-чевер* ‘смугло-румяный (о лице)’, *шем-шунеч* диал. ‘темно-коричневый’, букв. ‘темно-глинистый’, *шем-шышталге* ‘цвета темного воска’, букв. ‘темно-восковатый’;

ош- ‘светло-; бело-’ (20 ед.): *ош-волгыдо* ‘светлый’, букв. ‘бело-светлый, светло-светлый’, *ош-вудака* ‘мутно-белый’, букв. ‘бело-мутный’, *ош-йошкар(ге)* ‘светло-красный, светло-рыжий; бело-красный’, *ош-канде* ‘светло-синий, светло-голубой; бело-синий, бело-голубой’, *ош-кӱрен* ‘светло-коричневый; бело-коричневый’, *ош-кына* ‘светло-розовый, бело-розовый, бледно-розовый; светло-алый, бело-алый, бледно-алый’, *ош-лудо* ‘светло-серый; бело-серый’, *ош-нарынче* ‘светло-желтый; бело-желтый’, *ош-ола* ‘светло-пегий; бело-пегий, бело-пестрый’, *ош-пальтка* ‘бледный’, букв. ‘бело-бледный, бело-белый, бледно-бледный (о лице)’, *ош-пелганде* ‘светло-голубой; бело-голубой’, *ош-сар(е)* ‘светло-желтый, бледно-желтый; бело-желтый’, *ош-симсе* ‘светло-синий, светло-голубой; бело-синий, бело-голубой’, *ош-сур* ‘светло-серый; бело-серый’, *ош-ужар(ге)* ‘светло-зеленый, бледно-зеленый; бело-зеленый’, *ош-чевер* ‘светло-алый, светло-красный; бело-алый, бело-красный’, *ош(о)-шем(е)* ‘бело-черный, черно-белый; пестрый’, *ош-шӧртнялге* ‘светло-золотистый; бело-золотистый’, *ош-шышталге* ‘светло-восковой, светло-кремовый; бело-восковой’, *ош-яндар* ‘белый и чистый, светлый и чистый’;

шемалге- ‘темно-’, букв. ‘темновато-’ (20 ед.): *шемалге-волгыдо* ‘русый, светло-коричневый (о цвете волос)’, букв. ‘темновато-светлый’, *шемалге-вудака* ‘туманный, тусклый’, букв. ‘темно-мутный’, *шемалге-зӓнгӓр* диал. ‘темно-синий’, *шемалге-йошкар(ге)* ‘темно-красный; бордовый’, *шемалге-кандалге* ‘темно-синий, темно-голубой’, букв. ‘темновато-синеватый, темновато-

голубоватый’, *шемалге-канде* ‘темно-синий, темно-голубой’, *шемалге-кӳрен* ‘темно-коричневый’, *шемалге-кӳреналге* ‘темно-коричневый’, букв. ‘темновато-коричневатый’, *шемалге-кына* ‘темно-розовый, темно-алый, малиновый, вишневый’, *шемалге-лудо* ‘темно-серый’, *шемалге-нарынче* ‘темно-желтый’, *шемалге-ош(о)* ‘темно-белый’, букв. ‘темновато-белый, черновато-белый’, *шемалге-ошалге* ‘пестрый’, букв. ‘черновато-беловатый’, *шемалге-ракш* ‘темно-русый (о волосах), темно-гнедой (о масти лошади)’, *шемалге-сар(е)* ‘темно-желтый’, *шемалге-сур* ‘темно-серый’, *шемалге-той* ‘темно-бронзовый’, *шемалге-ужар(ге)* ‘темно-зеленый’, *шемалге-чевер* ‘темно-румяный, темно-красный, смугло-румяный’(о лице), *шемалге-яндар* ‘смуглый; темноватого цвета (о коже лица, тела)’, букв. ‘темновато-чистый’;

ошалге- ‘светло-, бледновато-, бледно-’, букв. ‘беловато-’ (17 ед.): *ошалге-йошкар(ге)* ‘светло-красный, розовый’, *ошалге-кандалге* ‘светло-синий, светло-голубой’, букв. ‘светло-синеватый, светло-голубоватый’, *ошалге-канде* ‘светло-синий, светло-голубой’, *ошалге-кӳрен* ‘светло-коричневый’, *ошалге-кына* ‘светло-розовый, бледно-розовый; светло-алый, бледно-алый’, *ошалге-лудо* ‘светло-серый, бледно-серый’, *ошалге-нарынче* ‘светло-желтый бледно-желтый’, *ошалге-ӧрза* разг. ‘светло-синий, бледно-синий’, *ошалге-пальтка* ‘бледный (о лице)’, букв. ‘светло-бледный, беловато-бледный, беловато-белый, бледновато-бледный’; *ошалге-сар(е)* ‘светло-желтый, бледно-желтый’, *ошалге-симсе* ‘светло-голубой, светло-синий; бледно-голубой, бледно-синий’, *ошалге-сур* ‘светло-серый, бледно-серый’, *ошалге-ужар(ге)* ‘светло-зеленый, бледно-зеленый’, *ошалге-чевер* ‘светло-алый, светло-красный; светло-розовый, бледно-розовый’, *ошалге-шем(е)* ‘светло-черный’, *ошалге-шӧртнялге* ‘светло-золотистый, бледно-золотистый’, *ошалге-шунеч* ‘светло-коричневый, бледно-коричневый; цвета светлой глины’;

ужар(ге)- ‘зелено-’ (16 ед.): *ужар(ге)-йошкар(ге)* ‘зелено-красный’, *ужар(ге)-кандалге* ‘зелено-синий, зелено-голубой’, букв. ‘зелено-синеватый, зелено-голубоватый’, *ужар(ге)-канде* ‘зелено-синий, зелено-голубой’, *ужар(ге)-кӳрен* ‘зелено-коричневый’, *ужар(ге)-кына* ‘зелено-розовый, зелено-алый’, *ужар(ге)-кыналге* ‘зелено-розовый, зелено-алый’, букв. ‘зелено-розоватый, зелено-аловатый’, *ужар(ге)-нарынчалге* ‘зелено-желтый’, букв. ‘зелено-желтоватый’, *ужар(ге)-нарынче* ‘зелено-желтый’, *ужар(ге)-ола* ‘зелено-пестрый’, *ужар(ге)-олача* ‘зелено-пестрый’, *ужар(ге)-сар(е)* ‘зелено-желтый’, *ужар(ге)-сур* ‘зелено-серый’, *ужар(ге)-чал* ‘зелено-седой’, *ужар(ге)-чевер* ‘зелено-красный’, *ужар(ге)-шара* ‘зелено-серый’, *ужар(ге)-шем(е)* ‘зелено-черный’;

чевер- ‘ярко-, красно-’ (16 ед.): *чевер-ал* ‘ярко-алый’, *чевер-йошкар(ге)* ‘ярко-красный’, *чевер-канде* ‘ярко-синий, ярко-голубой’, *чевер-кӳрен* ‘ярко-коричневый’, *чевер-кына* ‘ярко-розовый, ярко-алый’, *чевер-нарынчалге* ‘ярко-желтый’, букв. ‘ярко-желтоватый’, *чевер-нарынче* ‘ярко-желтый; красно-жел-

тый, красновато-желтый', *чевер-пелганде* 'ярко-голубой', *чевер-тарай* 'ярко-кумачовый', *чевер-той* 'ярко-бронзовый, бронзово-красный', *чевер-тӱкалге* 'красно-желтый', букв. 'красно-желтоватый', *чевер-тӱкӧ* 'ярко-желтый, красно-желтый', *чевер-ужар(ге)* 'ярко-зеленый', *чевер-чалка* диал. 'ярко-фиолетовый', букв. 'ярко-синий', *чевер-чулик* 'ярко-розовый, красно-розовый, ярко-малиновый, красно-малиновый'; *чевер-чолка* 'ярко-розовый, красно-розовый';

кӱреналге- 'коричневато-, коричнево-' (15 ед.): *кӱреналге-йошкар(ге)* 'коричневато-красный, коричнево-красный, бордовый', *кӱреналге-лудо* 'коричневато-серый, коричнево-серый', *кӱреналге-нарынче* 'коричневато-желтый, коричнево-желтый', *кӱреналге-олача* 'коричневато-пестрый, коричнево-пестрый', *кӱреналге-ош(о)* 'коричневато-белый, коричнево-белый', *кӱреналге-ошалге* 'коричневато-белый, коричнево-белый', букв. 'коричневато-беловатый', *кӱреналге-сар(е)* 'коричневато-желтый, коричнево-желтый', *кӱреналге-сур* 'коричневато-серый, коричнево-серый', *кӱреналге-тӱкӧ* 'коричневато-желтый, коричнево-желтый', *кӱреналге-ужар(ге)* 'коричневато-зеленый, коричнево-зеленый', *кӱреналге-чевер* 'коричневато-красный, коричнево-красный', *кӱреналге-шем(е)* 'коричневато-черный, коричнево-черный, коричневато-темный; темно-коричневатый; темно-карий (о глазах)', *кӱреналге-шемалге* 'коричневато-черный, коричнево-черный, коричневато-темный; темно-коричневатый; темно-карий (о глазах)', букв. 'коричневато-черноватый', *кӱреналге-шоптыр* 'светло-карий (о глазах)', букв. 'коричневато-смородиновый', *кӱреналге-шуналге* 'коричневато-глиняный';

волгыдо- 'светло-' (13 ед.): *волгыдо-йошкар(ге)* 'светло-красный', *волгыдо-кандалге* 'светло-синий, светло-голубой', букв. 'светло-синеватый, светло-голубоватый', *волгыдо-канде* 'светло-синий, светло-голубой', *волгыдо-кӱрен* 'светло-коричневый', *волгыдо-кына* 'светло-розовый, светло-алый', *волгыдо-нарынче* 'светло-желтый', *волгыдо-ош(о)* 'светлый и белый', букв. 'светло-белый', *волгыдо-сар(е)* 'светло-желтый', *волгыдо-сур* 'светло-серый', *волгыдо-ужар(ге)* 'светло-зеленый', *волгыдо-чевер* 'светло-красный', *волгыдо-шунеч* 'светло-бурый, светло-коричневый', *волгыдо-яндар* 'светлый и чистый', букв. 'светло-чистый';

кандалге- 'голубовато-, голубо-, синевато-, сине-' (13 ед.): *кандалге-волгыдо* 'голубовато-светлый, синевато-светлый', *кандалге-вулно* 'голубовато-свинцовый, синевато-свинцовый, сине-свинцовый', *кандалге-йошкар(ге)* 'голубовато-красный, синевато-красный', *кандалге-кӱрен* 'голубовато-коричневый, синевато-коричневый', *кандалге-кына* 'голубовато-розовый, голубо-розовый, синевато-розовый, сине-розовый; голубовато-алый, голубо-алый, синевато-алый, сине-алый', *кандалге-нарынче* 'голубовато-желтый, голубо-желтый, синевато-желтый, сине-желтый', *кандалге-ош(о)* 'голубовато-белый, синевато-белый', *кандалге-симсе* 'голубовато-синий, голубо-синий; синевато-голу-

бой, сине-голубой’, *кандалге-сур* ‘голубовато-серый, голубо-серый, синевато-серый, сине-серый’, *кандалге-ужар(ге)* ‘голубовато-зеленый, синевато-зеленый’, *кандалге-чалка* ‘голубовато-синий’, *кандалге-шем(е)* ‘иссиня-черный, голубовато-черный, синевато-черный’, *кандалге-ший* ‘голубовато-серебристый, голубовато-серебряный, синевато-серебристый, синевато-серебряный’;

нарынчалге- ‘желтовато-, желто-’ (12 ед.): *нарынчалге-ал* ‘желтовато-алый, желто-алый’, *нарынчалге-йошкар(ге)* ‘желтовато-красный, желто-красный’, *нарынчалге-канде* ‘желтовато-голубой, желто-голубой; желтовато-синий, желто-синий’, *нарынчалге-кӳрен* ‘желтовато-коричневый, желто-коричневый’, *нарынчалге-кына* ‘желтовато-розовый, желто-розовый; желтовато-алый, желто-алый’, *нарынчалге-ош(о)* ‘желтовато-белый, желто-белый’, *нарынчалге-ошалге* ‘желтовато-белый, желто-белый’, букв. ‘желтовато-беловатый’, *нарынчалге-сур* ‘желтовато-серый, желто-серый’, *нарынчалге-ужар(ге)* ‘желтовато-зеленый, желто-зеленый’, *нарынчалге-чакыра* диал. ‘желтовато-коричневый, желто-коричневый’, *нарынчалге-чевер* ‘желтовато-красный, желто-красный’, *нарынчалге-шем* ‘желтовато-черный, желто-черный’;

канде- ‘сине-, голубо-’ (11 ед.): *канде-ал* ‘сине-алый, голубо-алый’, *канде-волгыдо* ‘светло-синий, светло-голубой’, букв. ‘сине-светлый, голубо-светлый’, *канде-гӳл* диал. ‘сине-голубой’, *канде-йошкар(ге)* ‘сине-красный’, *канде-кына* ‘сине-розовый, голубо-розовый; сине-алый, голубо-алый’, *канде-ош(о)* ‘сине-белый, голубо-белый’, *канде-сур* ‘сине-серый, голубо-серый’, *канде-ужар(ге)* ‘сине-зеленый, голубо-зеленый’, *канде-чалка* ‘голубо-синий, синий, сине-фиолетовый’, *канде-чевер* ‘сине-красный, голубо-красный’, *канде-шем(е)* ‘сине-черный, иссиня-черный, голубо-черный’;

йошкар(ге)- ‘красно-’ (10 ед.): *йошкар(ге)-ал* ‘ало-красный’, букв. ‘красно-алый’, *йошкар(ге)-канде* ‘красно-синий, красно-голубой’, *йошкар(ге)-кӳрен* ‘красно-коричневый, красно-бурый’, *йошкар(ге)-нарынче* ‘красно-желтый’, *йошкар(ге)-пелганде* ‘красно-голубой’, *йошкар(ге)-той* ‘красно-бронзовый’, *йошкар(ге)-ужар(ге)* ‘красно-зеленый’, *йошкар(ге)-чевер* ‘красный’, букв. ‘красно-красный, красно-румяный’, *йошкар(ге)-шем(е)* ‘красно-черный’, *йошкар(ге)-шӧртньӧ* ‘красно-золотистый, красно-золотой’;

нарынче- ‘желто-’ (10 ед.): *нарынче-ал* ‘желто-алый’, *нарынче-йошкар(ге)* ‘желто-красный’, *нарынче-канде* ‘желто-синий, желто-голубой’, *нарынче-кӳрен* ‘желто-коричневый’, *нарынче-кӳреналге* ‘желто-коричневый’, букв. ‘желто-коричневатый’, *нарынче-сар* ‘желтый’, букв. ‘желто-желтый’, *нарынче-сур* ‘желто-серый’, *нарынче-ужар(ге)* ‘желто-зеленый’, *нарынче-шем(е)* ‘желто-черный’, *нарынче-шӧртньӧ* ‘желто-золотистый, желто-золотой’;

шӧртнялге- ‘золотисто-’ (10 ед.): *шӧртнялге-ал* ‘золотисто-алый’, *шӧртнялге-волгыдо* ‘светло-золотистый’, букв. ‘золотисто-светлый’, *шӧртнялге-вӱргене* ‘золотисто-медный’, *шӧртнялге-йошкар(ге)* ‘золотисто-красный’,

шӧртнялге-кӱрен ‘золотисто-коричневый’, *шӧртнялге-нарынче* ‘золотисто-желтый’, *шӧртнялге-сар(е)* ‘золотисто-желтый’, *шӧртнялге-той* ‘золотисто-бронзовый’, *шӧртнялге-чевер* ‘золотисто-алый, золотисто-румяный’, *шӧртнялге-ший* ‘золотисто-серебристый, золотисто-серебряный’;

яндар- ‘чисто-, ярко-’ (10 ед.): *яндар-йошкар(ге)* ‘чисто-красный, ярко-красный’, *яндар-канде* ‘чисто-голубой, ярко-голубой; чисто-синий, ярко-синий’, *яндар-кӱрен* ‘чисто-коричневый, чисто-бурый’, *яндар-нарынче* ‘чисто-желтый, ярко-желтый’, *яндар-ош(о)* ‘чисто-белый, ярко-белый’, *яндар-ӧрза* разг. ‘чисто-синий, ярко-синий’, *яндар-пелганде* ‘чисто-голубой, ярко-голубой’, *яндар-сар(е)* ‘чисто-желтый, ярко-желтый’, *яндар-тӱкӧ* ‘чисто-желтый, ярко-желтый’, *яндар-ужар(ге)* ‘чисто-зеленый, ярко-зеленый’.

Другие обозначения цвета (в иных случаях и не цвета) употребляются в первой позиции сложных прилагательных для передачи оттенка заметно реже (зафиксированы с ними менее 10 слов или единичные образования):

суралге- ‘серовато-, серо-’ (в источниках выявлено 9 ед.): *суралге-вурс* ‘серовато-стальной, серо-стальной, серебристо-серый’, *суралге-кандалге* ‘серовато-голубой, серо-голубой; серовато-синий, серо-синий’, букв. ‘серовато-голубоватый, серовато-синеватый’, *суралге-канде* ‘серовато-голубой, серо-голубой; серовато-синий, серо-синий’, *суралге-кӱрен* ‘серовато-коричневый, серо-коричневый’, *суралге-нарынче* ‘серовато-желтый, серо-желтый’, *суралге-ош(о)* ‘серовато-белый, серо-белый’, *суралге-ужар(ге)* ‘серовато-зеленый, серо-зеленый’, *суралге-шем(е)* ‘серовато-черный, серо-черный’, *суралге-шунеч* диал. ‘серовато-коричневый, серо-коричневый’;

шапалге- ‘бледно-, блекло-, светло-’ (9 ед.): *шапалге-йошкар(ге)* ‘бледно-красный, блекло-красный, светло-красный’, *шапалге-канде* ‘бледно-голубой, блекло-голубой, светло-голубой; бледно-синий, блекло-синий, светло-синий’, *шапалге-кӱрен* ‘бледно-коричневый, блекло-коричневый, светло-коричневый; бледно-бурый, блекло-бурый’, *шапалге-нарынче* ‘бледно-желтый, блекло-желтый, светло-желтый’, *шапалге-ошалге* ‘бледный’, букв. ‘бледно-беловатый’ (о лице), *шапалге-симсе* ‘бледно-синий, блекло-синий, светло-синий; бледно-голубой, блекло-голубой, светло-голубой’, *шапалге-сур* ‘бледно-серый, блекло-серый, светло-серый’, *шапалге-ужар(ге)* ‘бледно-зеленый, блекло-зеленый, светло-зеленый’, *шапалге-чевер* ‘бледно-красный, блекло-красный, светло-красный’;

вудака- ‘мутно-, тускло-’ (8 ед.): *вудака-волгыдо* ‘тускло-светлый’, *вудака-кандалге* ‘мутно-голубой, мутно-синий’, букв. ‘мутно-голубоватый, мутно-синеватый’, *вудака-канде* ‘мутно-голубой, мутно-синий’, *вудака-кӱрен* ‘бурый, серовато-коричневый’, букв. ‘мутно-коричневый’, *вудака-ош(о)* ‘мутно-белый, дымчатый, пепельный, светло-серый’, *вудака-пелганде* ‘мутно-голубой’, *вудака-шем(е)* ‘серовато-черный, дымчато-черный’, букв. ‘мутно-черный’, *вудака-шиялге* ‘алюминиевый’, букв. ‘мутно-серебристый’;

нугыдо- ‘густо-, насыщенно-’ (8 ед.): *нугыдо-йошкар(ге)* ‘густо-красный, насыщенно-красный, багряный, багровый’, *нугыдо-канде* ‘густо-синий, густо-голубой; насыщенно-синий, насыщенно-голубой’, *нугыдо-кандалге* ‘густо-синий, густо-голубой; насыщенно-синий, насыщенно-голубой’, букв. ‘густо-синеватый, густо-голубоватый’, *нугыдо-нарынче* ‘густо-желтый, насыщенно-желтый’, *нугыдо-сар(е)* ‘густо-желтый, насыщенно-желтый’, *нугыдо-ужар(ге)* ‘густо-зеленый, насыщенно-зеленый’, *нугыдо-чевер* ‘густо-красный, насыщенно-красный’, *нугыдо-шем(е)* ‘густо-черный, насыщенно-черный’;

сур- ‘серо-’ (8 ед.): *сур-кандалге* ‘серо-голубой, серо-синий’, букв. ‘серо-голубоватый, серо-синеватый’, *сур-канде* ‘серо-голубой, серо-синий’, *сур-кӱрен* ‘серо-коричневый’, *сур-тӱкӧ* ‘серо-желтый’, *сур-ужар(ге)* ‘серо-зеленый’, *сур-шара* ‘светло-серый (о глазах)’, букв. ‘серо-светлый’, *сур-шемалге* ‘серо-черный’, букв. ‘серо-черноватый’, *сур-шикш* ‘светло-серый, дымчатый’, букв. ‘серо-дымчатый’;

шышталге- ‘восково-’, букв. ‘восковато-’ (7 ед.): *шышталге-нарынче* ‘восково-желтый’, *шышталге-ош(о)* ‘восково-белый, светло-восковой’, *шышталге-сар(е)* ‘восково-желтый’, *шышталге-той* ‘бронзово-восковой’, букв. ‘восково-бронзовый’, *шышталге-шӧр* ‘молочно-восковой’, букв. ‘восково-молочный’, *шышталге-шӧртньӧ* ‘золотисто-восковой, золотисто-желтый’, букв. ‘восково-золотой’, *шышталге-шӧртнялге* ‘золотисто-восковой, золотисто-желтый’, букв. ‘восково-золотистый’;

кына- ‘розово-, ало-’ (6 ед.): *кына-ал* ‘розово-алый’, *кына-йошкар(ге)* ‘розово-красный, ало-красный’, *кына-кандалге* ‘розово-синий, розово-голубой; ало-синий, ало-голубой’, букв. ‘розово-синеватый, розово-голубоватый; ало-синеватый, ало-голубоватый’, *кына-канде* ‘розово-синий, розово-голубой; ало-синий, ало-голубой’, *кына-ош(о)* ‘розово-белый, ало-белый’, *кына-чевер* ‘розово-красный, ало-красный’;

ший- ‘серебристо-’, букв. ‘серебро-’ (с данным существительным-компонентом выявлено 6 ед.): *ший-кандалге* ‘серебристо-голубой, серебристо-синий’, букв. ‘серебристо-голубоватый, серебристо-синеватый’, *ший-канде* ‘серебристо-голубой, серебристо-синий’, *ший-пелганде* ‘серебристо-голубой’, *ший-суралге* ‘серебристо-серый’, букв. ‘серебристо-сероватый’, *ший-ужар(ге)* ‘серебристо-зеленый’, *ший-шӧртнялге* ‘серебристо-золотистый’, букв. ‘серебристо-золотистоватый’ (также ср. *ший-той* ‘серебристо-бронзовый’, букв. ‘серебро-бронза’, *ший-шӧртньӧ* ‘серебристо-золотистый’, букв. ‘серебро-золото’, в которых оба компонента выражены именами существительными – названиями металлов с переносным значением цвета);

кӱрен- ‘коричнево-’ (5 ед.): *кӱрен-йошкар(ге)* ‘коричнево-красный’, *кӱрен-сар(е)* ‘коричнево-желтый’, *кӱрен-сур* ‘коричнево-серый, бурый ’, *кӱрен-чевер* ‘коричнево-румяный, коричнево-красный’, *кӱрен-шем(е)* ‘коричнево-черный’;

лудалге- ‘серовато-, серо-’ (5 ед.): *лудалге-йошкар(ге)* ‘серовато-красный, серо-красный’, *лудалге-канде* ‘серовато-голубой, серо-голубой; серовато-синий, серо-синий’, *лудалге-ола* ‘серовато-пестрый, серо-пестрый’, *лудалге-ош(о)* ‘серовато-белый, серо-белый’, *лудалге-шем(е)* ‘серовато-черный, серо-черный’;

ныжыл(ге)- ‘нежно-’ (5 ед.): *ныжыл(ге)-кандалге* ‘нежно-синий, нежно-голубой’, букв. ‘нежно-синеватый, нежно-голубоватый’, *ныжыл(ге)-канде* ‘нежно-синий, нежно-голубой’, *ныжыл(ге)-ош(о)* ‘нежно-белый’, *ныжыл(ге)-пелганде* ‘нежно-голубой’, *ныжыл(ге)-чевер* ‘нежно-алый, нежно-красный ’;

пич- ‘темно-’ (5 ед.): *пич-зӓнгӓр* диал. ‘темно-синий’, *пич-кандалге* ‘темно-синий, темно-голубой’, букв. ‘темно-синеватый, темно-голубоватый’, *пич-канде* ‘темно-синий, темно-голубой’, *пич-ужар(ге)* ‘темно-зеленый’, *пич-шем* ‘глухой (непроглядный) черный (о ночи)’, букв. ‘темно-черный’;

пелганде- ‘голубовато-, голубо-’ (4 ед.): *пелганде-кӱрен* ‘голубовато-коричневый, голубо-коричневый’, *пелганде-ош(о)* ‘голубовато-белый, голубо-белый’, *пелганде-сур* ‘голубовато-серый, голубо-серый’, *пелганде-ужар(ге)* ‘голубовато-зеленый, голубо-зеленый’;

тӱкалге- ‘желтовато-, желто-’ (4 ед.): *тӱкалге-кӱрен* ‘желтовато-коричневый, желто-коричневый, желтовато-бурый, желто-бурый’, *тӱкалге-ошалге* ‘желтовато-белый, желто-белый’, букв. ‘желтовато-беловатый’, *тӱкалге-ош(о)* ‘желтовато-белый, желто-белый’, *тӱкалге-сур* ‘желтовато-серый, желто-серый’;

ал- ‘ало-, багрово-’ (3 ед.): *ал-гӱл* диал. ‘разноцветный, пестрый’, букв. ‘ало-голубой’, *ал-йошкар(ге)* ‘ало-красный, багрово-красный’, *ал-чевер* ‘ярко-красный, багровый’, букв. ‘ало-красный, ало-яркий’;

рӱдаӊ- ‘ржаво-’, букв. ‘ржавчина’ (см. [Словарь марийского языка, 2001, т. 6, с. 85]) (3 ед.): *рӱдаӊ-кӱрен* ‘ржаво-коричневый, ржаво-бурый’, *рӱдаӊ-нарынче* ‘ржаво-желтый’, *рӱдаӊ-сар(е)* ‘ржаво-желтый’;

саралге- ‘желтовато-, желто-’ (3 ед.): *саралге-лудо* ‘желтовато-серый, желто-серый’, *саралге-сур* ‘желтовато-серый, желто-серый’, *саралге-ужар(ге)* ‘желтовато-зеленый, желто-зеленый’;

сар- ‘желто-’ (3 ед.): *сар-йошкар(ге)* ‘желто-красный’, *сар-кандалге* ‘желто-голубой, желто-синий’, букв. ‘желто-голубоватый, желто-синеватый’, *сар-ужар(ге)* ‘желто-зеленый’;

шиялге- ‘серебристо-’ (3 ед.): *шиялге-канде* ‘серебристо-голубой, серебристо-синий’, *шиялге-ош(о)* ‘серебристо-белый’, *шиялге-шӧртнялге* ‘серебристо-золотистый’;

лудо- ‘серо-’ (2 ед.): *лудо-лавыра* ‘серо-грязный’, букв. ‘серо-грязь’; *лудо-нарынчалге* ‘серо-желтый’, букв. ‘серо-желтоватый’;

ола- ‘пестро-’ (2 ед.): *ола-вула* ‘пятнистый, пестрый, разноцветный’ (*вула* самостоятельно, как отдельное слово, не употребляется), *ола-чувар* ‘пестрый’, букв. ‘пестро-пестрый, пестро-пятнистый’;

оралге- ‘желто-, желтовато-’ (2 ед.): *оралге-кына* ‘желто-розовый, желтовато-розовый’, *оралге-сар(е)* ‘оранжево-желтый’, букв. ‘желто-желтый’;

сап- диал. ‘совершенно, совсем’ (2 ед.): *сап-зӑнгӑр* ‘совершенно, совсем синий’, *сап-сар(е)* ‘совершенно, совсем желтый’ (оба слова являются заимствованиями из татарского языка; о *сап-сар(е)* см.: [Исанбаев, 1994, с. 129, также с. 44]);

чӳҥ- ‘ярко-, совершенно, очень’ (2 ед.): *чӳҥ-йошкар(ге)* ‘ярко-красный; ярко-рыжий’, *чӳҥ-шеме* ‘совершенно черный, очень черный, очень темный’ (как и *сап-, чӳҥ-* используется только в составе отдельных сложных прилагательных цвета);

кыналге- ‘розовато-, розово-, аловато-, ало-’ (1 ед.): *кыналге-йошкар(ге)* ‘розовато-красный, розово-красный; аловато-красный, ало-красный’;

олача- ‘пестро-’ (1 ед.): *олача-вулача* ‘пестрый, разноцветный, полосатый’ (*вулача* проявляет себя только в составе данного сложного прилагательного);

пичалге- ‘темно-’, букв. ‘темновато-’ (1 ед.): *пичалге-канде* ‘темно-синий, темно-голубой’, букв. ‘темновато-синий, темновато-голубой’;

сиренялге- ‘сиренево-’, букв. ‘сиреневато-’ (1 ед.): *сиренялге-кандалге* ‘сиренево-голубой, сиренево-синий’, букв. ‘сиреневато-голубоватый, сиреневато-синеватый’;

шеп- ‘совершенно, совсем, очень’ (1 ед.): *шеп-шем(е)* ‘очень черный, черный-пречерный’.

В вышеприведенном ряду обращает на себя внимание то, что в качестве первого компонента заметно чаще (чем второго) выступают прилагательные с суффиксом *-алге,* в т.ч. образованные от имен существительных: *шемалге-* ‘темно-’ (20 ед.), *ошалге-* ‘светло-, бледновато-, бледно-’ (17 ед.), *кӳреналге-* ‘коричневато-, коричнево-’ (15 ед.), *кандалге-* ‘голубовато-, голубо-; синевато-, сине-’ (13 ед.), *нарынчалге-* ‘желтовато-, желто-’ (12 ед.), *суралге-* ‘серовато-, серо-’ (9 ед.), *шапалге-* ‘бледно-, блекло-, светло-’ (9 ед.), *лудалге-* ‘серовато-, серо-’ (5 ед.), *тӳкалге-* ‘желтовато-, желто-’ (4 ед.), *саралге-* ‘желтовато-, желто-’ (3 ед.), *оралге-* ‘желто-, желтовато-’ (2 ед.), *кыналге-* ‘розовато-, розово-; аловато-, ало-’ (1 ед.), *пичалге-* ‘темновато-’ (1 ед.); (производные от существительных:) *шӧртнялге-* ‘золотисто-’ (10 ед.), *шыштalге-* ‘восково-’ (7 ед.), *шиялге-* ‘серебристо-’ (3 ед.), *сиренялге-* ‘сиренево-’ (1 ед.). Как видим, выявлено таких прилагательных в первой «определительной» позиции 17 ед. и производных с ними 132 ед. (ср.: во второй позиции подобных прилагательных – 10, а производных с ними – 40 ед.). Безусловно, данное обстоятельство объясняется тем, что именно прилагательные с *-алге* специализированы в выражении оттенка – неполноты качества цвета.

Помимо прилагательных с суффиксом *-алге,* в первой части сложных прилагательных цвета довольно часто употребляются прилагательные, выра-

жающие вовсе не цвет, а только цветовой оттенок (их зафиксировано 7 ед.): не темный, не насыщенный – *волгыдо-* ‘светло-’ (13 ед.), чистый, не имеющий примесей другого цвета – *яндар-* ‘чисто-, ярко-’ (10 ед.), потерявший яркость, поблекший, выцветший – *шапалге-* ‘бледно-, блекло-, светло-’ (9 ед.), неясный, неяркий, тусклый – *вудака-* ‘мутно-, тускло-’ (8 ед.), яркий, сочный, отличающийся концентрированностью – *нугыдо-* ‘густо-, насыщенно-’ (8 ед.), а также: не резкий, приятный для зрения – *ныжыл(ге)-* ‘нежно-’ (5 ед.), темный, очень насыщенный, густой – *пич-* ‘темно-’ (5 ед.). Кроме того, для выражения подобных оттенков в первой позиции используются некоторые прилагательные цвета: не насыщенного, не темного – *ошалге-* ‘светло-’ (наряду с обозначением цвета *беловато-, бело-*), более темного, насыщенного, густого – *шемалге-* ‘темно-’ (наряду с обозначением цвета *черновато-, черно-*), яркого, отчетливо выраженного – *чевер-* ‘ярко-’ (наряду с обозначением цвета *красно-, красновато-*).

В первой части сложных прилагательных цвета встречаются отдельные единицы, которые никак не представлены во второй. Это: *шапалге-* ‘бледно-, блекло-, светло-’ (9 ед.), *нугыдо-* ‘густо-, насыщенно-’ (8 ед.), *ныжыл(ге)-* ‘нежно-’ (5 ед.), *пич-* ‘темно-’ (5 ед.), *рӱдаҥ-* ‘ржаво-’ (3 ед.), *сап-* диал. ‘совершенно, совсем’ (2 ед.), *чӱҥ-* ‘ярко-, совершенно, очень’ (2 ед.), *пичалге-* ‘темно-’, букв. ‘темновато-’ (1 ед.), *шеп-* ‘совершенно, совсем, очень’ (1 ед.). Скорее всего, они в целом передают блеклые, несвежие (*шапалге-*), насыщенные (*нугыдо-*), не резкие (*ныжылге-*), темные (*пич-, пичалге-*), чистые, яркие, интенсивные (*сап-, чӱҥ-, шеп-*) и некоторые другие (*рӱдаҥ-*) оттенки цветов.

Первый компонент сложных прилагательных цвета отличается от второго также тем, что в его позиции зафиксированы только два существительных, выражающих предмет какого-либо цвета: ***ший-*** ‘серебристо-’, букв. ‘серебро-’ и ***рӱдаҥ-*** ‘ржаво-’, букв. ‘ржавчина’ (ср.: по материалам источников, вторая часть 22 сложных адъективных образований цвета содержит 11 существительных – см. выше).

В ряду прилагательных цвета имеют место единицы, выражающие неоднородность цвета – прежде всего пеструю окраску. Это простые прилагательные *ола* ‘пестрый’, *олача* ‘тж’ и сложные образования с ними главным образом во второй позиции (всего 8 ед.; см. выше) и лишь в единичных случаях – в первой (*ола-вула* ‘пятнистый, пестрый, разноцветный’, *ола-чувар* ‘пестрый’, букв. ‘пестро-пестрый’, *олача-вулача* ‘пестрый, разноцветный, полосатый’). Нужно заметить, что прилагательные *ола-вула* и *олача-вулача,* очевидно, являются словообразовательными вариантами одного и того же слова. Г.И. Лаврентьев, один из крупных специалистов по марийскому словообразованию, отнес их к группе «составных слов», «один из компонентов которых не наделен самостоятельным значением и, по-видимому, в языке никогда не употреблялся

самостоятельно; он представляет собой своеобразную имитацию («слово-эхо») другого самостоятельно употребляющегося компонента» [Лаврентьев, 1984, с. 162]. Некоторые прилагательные передают крапчатую (пятнистую) и «клетчатую» окраску: *пырте-пырте* ‘крапчатый, в крапинку, с крапинками’, *пырчан-пырчан* ‘крапчатый, с крапинками, в крапинках’, *пырче-пырче* ‘краповый, с крапинками, в крапинках’, *пыче-пычан* ‘с крапинками’ (скорее всего, они являются фонетическими и словообразовательными вариантами одного и того же слова со значением ‘зернышко, крупинка’) и *шакмакла* диал. ‘клетчатый, в клетку’ (тюркское заимствование, см.: [Исанбаев, 1994, с. 185]).

Привлекает внимание то, что оба компонента марийских сложных прилагательных цвета могут быть выражены единицами с суффиксом *-алге*. Источники содержат около 20 таких композитов (включая слова с *-алге* словообразовательной функции): *кӱреналге-ошалге* ‘коричневато-белый, коричнево-белый’, букв. ‘коричневато-беловатый’, *кӱреналге-шемалге* ‘коричневато-черный’, букв. ‘коричневато-черноватый’, *кӱреналге-шуналге* ‘коричневато-глиняный’, *нарынчалге-ошалге* ‘желтовато-белый, желто-белый’, букв. ‘желтовато-беловатый’, *ошалге-кандалге* ‘светло-синий, светло-голубой’, букв. ‘беловато-синеватый, беловато-голубоватый’, *ошалге-нарынчалге* ‘светло-желтый’, букв. ‘беловато-желтоватый’, *ошалге-саралге* ‘светло-желтый’, букв. ‘беловато-желтоватый’, *ошалге-шемалге* ‘светло-черный’, букв. ‘беловато-черноватый’, *ошалге-шӧртнялге* ‘светло-золотистый, бледно-золотистый’, букв. ‘беловато-золотистоватый’, *сиренялге-кандалге* ‘сиренево-голубой, сиренево-синий’, букв. ‘сиреневато-голубоватый, сиреневато-синеватый’, *суралге-кандалге* ‘серовато-голубой, серо-голубой; серовато-синий, серо-синий’, букв. ‘серовато-голубоватый, серовато-синеватый’, *тӱкалге-ошалге* ‘желтовато-белый, желто-белый’, букв. ‘желтовато-беловатый’, *шапалге-ошалге* ‘бледно-белый’, букв. ‘бледновато-беловатый’, *шемалге-кандалге* ‘темно-синий, темно-голубой’, букв. ‘черновато-синеватый, черновато-голубоватый’, *шемалге-кӱреналге* ‘темно-коричневый’, букв. ‘черновато-коричневатый’, *шемалге-ошалге* ‘пестрый’, букв. ‘черновато-беловатый, темновато-беловатый’, *шемалге-саралге* ‘темно-желтый’, букв. ‘черновато-желтоватый’, *шиялге-шӧртнялге* ‘серебристо-золотистый’, букв. ‘серебристовато-золотистоватый’, *шыштал-ге-шӧртнялге* ‘золотисто-восковой, золотисто-желтый’, букв. ‘восковато-золотистоватый’.

Представляет немалый интерес выражение компонентов некоторых сложных имен прилагательных синонимичными или близкими по значению основами. Правда, таких прилагательных немного: *ал-чевер* ‘ярко-красный, багровый’, букв. ‘ало-красный, ало-яркий’, *йошкар(ге)-чевер* ‘красный’, букв. ‘красно-красный, красно-румяный’, *канде-чалка* ‘синий, голубо-синий, сине-фиолетовый’, букв. также ‘сине-синий’, *канде-гӱл* диал. ‘сине-голубой’,

букв. также ‘голубо-голубой’, *кына-ал* ‘розово-алый’, букв. также ‘ало-алый’, *нарынче-сар* ‘желтый’, букв. ‘желто-желтый’, *оралге-сар(е)* ‘оранжево-желтый’, букв. ‘желто-желтый’, *ош-волгыдо* ‘светлый’, букв. ‘бело-светлый, светло-светлый’, *ошалге-пальтка* ‘бледный (о лице)’, букв. ‘светло-бледный, беловато-бледный, беловато-белый, бледновато-бледный’, *ош-пальтка* ‘бледный’, букв. ‘бело-бледный, бело-белый, бледно-бледный (о лице)’, *чевер-ал* ‘румяно-алый, ярко-алый’, а также *шӧртнялге-нарынче* ‘золотисто-желтый’, *шыштaлге-нарынче* ‘восково-желтый’ (они, как и синонимия имен прилагательных цвета в целом, могут быть предметом специального исследования). Известно, что для многих языков, в т.ч. для марийского, образование сложных слов (в данном случае прилагательных цветообозначения) сочинительного типа путем сочетания синонимов или близких по значению основ вполне характерно (см.: [Учаев, 1982, с. 136–137; Лаврентьев, 1984, с. 160–162; Сергеев, 1995, с. 71–72]).

Заключение

Таким образом, марийские прилагательные цвета по своей семантике делятся на две группы: 1) прилагательные, которые обозначают какой-либо определенный (чистый) цвет; 2) прилагательные, которые обозначают оттенки цветов.

Сами цвета передаются, как норма, простыми прилагательными, причем непроизводными (в источниках выявлено более 20 единиц, включая отдельные, зафиксированные в источниках, диалектные и разговорные) и производными, образованными главным образом с помощью суффикса *-алге* от некоторых имен существительных и обозначающими цвет, похожий на окрас выраженного производящей основой предмета. Такие прилагательные образуют ядро лексического состава марийских прилагательных цвета, т.к. именно они являются основной базой для пополнения и развития системы адъективных слов цветообозначения. Прилагательные первой группы обозначают следующие цвета: *алый, белый, голубой, желтый, зеленый, коричневый, красный, пестрый, розовый, серый, синий, черный*, а также (через отношение к предмету) *восковой, глинистый (глиняный), землистый, золотистый (золотой), серебристый, сиреневый* и некоторые другие.

Вторую весьма большую группу (в источниках более 270 единиц) образуют сложные прилагательные, состоящие из двух основ-прилагательных цвета (в иных случаях не цвета). При этом преимущественно вторая основа обозначает сам цвет, а первая – оттенок этого цвета и поэтому она как бы определяет вторую «основную». Во второй «основной» позиции наиболее активно проявляют себя (зафиксированы в 10 и более единицах): *-канде* ‘-синий, -голубой’ (20 ед.), *-йошкар(ге)* ‘-красный’ (19 ед.), *-ужар(ге)* ‘-зеленый’ (17 ед.), *-кӱрен* ‘-коричневый; -бурый’ (15 ед.), *-нарынче* ‘-желтый’ (14 ед.), *-сар(е)* ‘-желтый’

(14 ед.), *-чевер* ‘-красный, -алый, -розовый, -румяный’ (14 ед.), *-сур* ‘-серый; седой (о волосах)’ (13 ед.), *-ош(о)* ‘-белый’ (11 ед.), *-кына* ‘-розовый, -алый’ (10 ед.), *-шем(е)* ‘-черный, -темный, -смуглый’ (10 ед.). Из них компоненты *-канде, -ош(о), -шем(е), -нарынче, -кӳрен, -сар(е), -сур, -кына* иногда встречаются с суффиксом *-алге,* придающим прилагательному оттенок неполноты качества. Остальные прилагательные цвета выступают во второй части довольно редко. Среди последних следует отметить и немногочисленные прилагательные, образованные от имен существительных посредством суффиксов *-алге* (типа *-шӧртнялге* ‘-золотистый, -золотой’) и *-еч* (*-шунеч* диал. ‘-коричневый, -бурый, -глинистый, -глиняный’), а также имена существительные с переносным атрибутивно-адъективным значением цвета, обозначающие металл или другой неодушевленный предмет какой-либо определенной окраски (типа *-той* ‘-бронзовый; -латунный’, букв. ‘-бронза; -латунь’, *-ший* ‘-серебристый, -серебряный’, букв. ‘-серебро’).

Первый компонент сложных прилагательных цвета наиболее часто выражается следующими прилагательными: *шем-* ‘темно-, черно-’ (22 ед.), *ош-* ‘светло-; бело-’ (20 ед.), *шемалге-* ‘темно-’, букв. ‘темновато-’ (20 ед.), *ошалге-* ‘светло-, бледновато-, бледно-’, букв. ‘беловато-’ (17 ед.), *ужар(ге)-* ‘зелено-’ (16 ед.), *чевер-* ‘ярко-, красно-’ (16 ед.), *кӳреналге-* ‘коричневато-, коричнево-’ (15 ед.), *волгыдо-* ‘светло-’ (13 ед.), *кандалге-* ‘голубовато-, голубо-, синевато-, сине-’ (13 ед.), *нарынчалге-* ‘желтовато-, желто-’ (12 ед.), *канде-* ‘сине-, голубо-’ (11 ед.), *йошкар(ге)-* ‘красно-’ (10 ед.), *нарынче-* ‘желто-’ (10 ед.), *шӧртнялге-* ‘золотисто-’ (10 ед.), *яндар-* ‘чисто-, ярко-’ (10 ед.). Другие прилагательные цвета (в отдельных случаях не цвета) наблюдаются в первой позиции реже или единично. Отличительной чертой выражения первого компонента является то, что в качестве него заметно чаще, чем второго, употребляются прилагательные со «специализированным» суффиксом оттенка – неполноты качества цвета *-алге*, в их числе и образованные от имен существительных. Выявлено таких прилагательных 17 ед. и производных с ними 132 ед. (ср.: во второй позиции подобных прилагательных – 10 ед., а производных с ними – 40 ед.). Наряду с прилагательными цвета и также неполноты его качества (т.е. с *-алге*) первый компонент сложных прилагательных цвета нередко выражается адъективными словами, передающими лишь оттенок: не темный, светлый (*волгыдо-*), мутный, тусклый (*вудака-*), густой, насыщенный (*нугыдо-*), нежный, приятный для зрения (*ныжыл- / ныжылге-*), темный, очень насыщенный (*пич-*), бледный, поблекший (*шапалге-*), чистый, яркий, не имеющий примесей другого цвета (*яндар-*). Первую часть у некоторых (иногда единичных) сложных прилагательных цвета занимают адъективные и неадъективные основы, которые вовсе не встречаются во второй позиции: *нугыдо-* ‘густо-, насыщенно-’, *ныжыл(ге)-* ‘нежно-’, *пич-, пичалге-* ‘темно-’, *шапалге-* ‘бледно-, блекло-,

светло-’, а также *рӱдаҥ-* ‘ржаво-’, (основы, обозначающие интенсивность, или насыщенность, определенного цвета:) *сап-* диал. ‘совершенно, совсем’, *чӱҥ-* ‘ярко-, совершенно, очень’, *шеп-* ‘совершенно, совсем, очень’.

В ряду прилагательных цвета обеих групп имеет место несколько слов (более 10 ед.), передающих неоднородность цвета, а именно пеструю, крапчатую (пятнистую) и «клетчатую» окраску. Небольшое количество сложных прилагательных цвета (более 10 единиц) состоит из синонимичных или близких по значению основ, что не чуждо марийскому словосложению сочинительного типа в целом.

Итак, марийский язык предоставляет обширный материал по цветам, цветовым оттенкам предметов и их выражению, что отражает богатый опыт носителей в цветовосприятии и заслуживает дальнейшего всестороннего исследования.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

яр. – яранский говор марийского языка
тонш. – тоншаевский говор марийского языка
малм. – малмыжский говор марийского языка
бир. – бирский говор марийского языка

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Вершинин В.И. Происхождение слов марийского языка (Этимологический словарь): в 2-х т. Йошкар-Ола: Стринг, 2018. Т. 2: Н–Я. 741 с.

Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология: в 2-х ч. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. Ч. 2. 168 с.

Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2: Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994. 208 с.

Корпус марийского языка. URL: // https://corp.marnii.ru (дата обращения: 17.04.2025).

Лаврентьев Г.И. Состав слова и словообразование в современном марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 192 с.

Марий орфографий мутер = Марийский орфографический словарь / МарНИИЯЛИ; редкол.: И.Г. Иванов (отв. ред.) и др. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.

Мустаев Е.Н. Марийские прилагательные, обозначающие цвета // Советское финно-угроведение. 1974. № 3. С. 179–182.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 14-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1983. 816 с.

Петрова Э.С. Цветообозначающие прилагательные в марийском языке // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития): материалы VIII Междунар. симп. «Языковые контакты Поволжья» (Йошкар-Ола, 18–20 авг. 2011 г.) / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола: Тип. Вертикаль, 2011. С. 69–70.

Сергеев О.А. Марий йылме: Мут ышталтмаш = Марийский язык: Словообразование. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1995. 144 с.

Словарь марийского языка: в 10 т. / МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005.

Словарь марийского языка: в 10 т. / А.А. Абрамова, И.С. Галкин, А.С. Ефремов и др.; МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. Т. 1: А–З. 488 с.

Словарь марийского языка: в 10 т. / В.И. Вершинин, И.Г. Иванов, Н.И. Исанбаев; МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. Т. 6: Р–С. 368 с.

Словарь марийского языка: в 10 т. / А.А. Абрамова, Е.А. Черашова; МарНИИ яз., лит. и истории им. В. М. Васильева; редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. Т. 9: Ш, Щ. 520 с.

Словарь марийского языка: Дополнительный том / МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; гл. ред. С.С. Сибатрова. Йошкар-Ола, 2019. 560 с.

Словарь цветообозначающих слов современного марийского языка / сост.: З.С. Артюшкина, И.Г. Иванов; ред. М. Кузнецова. Szombathely, 2008. 96 с.

Современный марийский язык. Морфология / МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; редкол.: Н.Т. Пенгитов (отв. ред.) и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

Учаев З.В. Марий йылме: туныктышо-влаклан = Марийский язык: учителям. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 1-ше ужаш. 184 с.

Serafima Sibatrova

ON SEMANTICS AND WORD FORMATION OF ADJECTIVES DENOTING COLOURS IN MARI

Introduction. Adjectives for colours form one of the semantic groups of qualitative adjectives related to visual perception. They reflect the diversity of colours that people distinguish. The Mari language contains hundreds of adjectives that convey the colours and shades of objects. **The purpose** of the article is to systematize the lexical composition of Mari adjectives of colour according to their semantics and word formation. **Materials and methods.** The study was conducted using the material on the Meadow-Eastern Mari literary language. "Spelling Dictionary" (2011) and a multi-volume dictionary (1990–2005; 2019), as well as in the electronic corpus of the Mari language were used. Linguistic methods of descriptive, semantic, componential, and quantitative analysis were used to analyse the identified lexical units. **Research results, discussion.** Adjectives of colour in the Mari language are semantically divided into two groups: 1) adjectives denoting a specific colour (approximately 30 units); 2) adjectives denoting shades of colour (more than 270 units). The colours themselves are conveyed by simple adjectives, primarily non-derivatives and some suffixal derivatives (with *-alge*). They constitute the core of the lexical composition of colour adjectives. Moreover, the entire system

of adjectival words denoting colour is expanded and developed on their basis. Another large group is formed by compound adjectives of the coordinating-subordinate type, consisting of two stems-adjectives of colour (in other cases, not denoting colour). The second stem denotes the colour, and the first denotes the shade of the colour, to some extent determining the second component. The first and second components have distinctive expressive features. **Conclusion.** The Mari language has a well-established, clear system for conveying colours and shades of colour in objects, which reflects the rich experience of its speakers in colour perception and deserves comprehensive research.

Keywords: the Mari language; adjectives; qualitative; colour; shades of colour; simple adjectives; compound adjectives.

REFERENCES

Vershinin V.I. Proishozhdenie slov marijskogo jazyka (Etimologicheskij slovar'). Tom 2. N-Ja [The origin of the words of the Mari language (Etymological dictionary). Vol. 2. N-Ja]. Yoshkar-Ola, String, 2018, 741 p. (In Mari and Russian).

Galkin I.S. Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija [Historical Grammar of the Mari language. Morphology. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, part 2, 168 p. (In Russian).

Isanbaev N.I. Marijsko-tjurkskie jazykovye kontakty. Chast 2. Slovar' tatarskih i bashkirskih zaimstvovanij [Mari-Turkic Language Contacts. Part 2. Dictionary of Tatar and Bashkir Borrowings]. Yoshkar-Ola, 1994, 208 p. (In Mari and Russian).

Korpus marijskogo jazyka, available at: https://corp.marnii.ru (accessed 17 April 2025). (In Mari).

Lavrent'ev G.I. Sostav slova i slovoobrazovanie v sovremennom marijskom jazyke [Word-composition and word formation in the modern Mari language]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984, 192 p. (In Russian).

Marij orfografij muter [Mari Spelling Dictionary]. Ed. I.G. Ivanov. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2011, 368 p. (In Mari).

Mustaev E.N. Marijskie prilagatel'nye, oboznachajushhie cveta [Mari adjectives for colours]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 1974, no. 3, pp. 179-182. (In Russian).

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian Language]. 14nd ed. Ed. N.Ju. Shvedova. Moscow, Russkij jazyk, 1983, 816 p. (In Russian).

Petrova E.S. Cvetooboznachajushhie prilagatel'nye v marijskom jazyke [Adjectives denoting colour in the Mari language]. *Jazyki, literatura i kul'tura narodov polietnicheskogo Uralo-Povolzh'ja (sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija). Materialy VIII Mezhdunarodnogo simpoziuma «Jazykovye kontakty Povolzh'ja».* 18–20 August. Ed. R.A. Kudrjavceva. Yoshkar-Ola, tipografija Vertikal', 2011, pp. 69-70. (In Russian).

Sergeev O.A. Marij jylme: Mut yshtaltmash [The Mari language: word formation]. Yoshkar-Ola, Marij kniga savyktysh, 1995, 144 p. (In Mari).

Slovar' marijskogo jazyka [Dictionary of the Mari Language]. Ed. I.S. Galkin. Yoshkar-Ola, 1990-2005. (In Mari and Russian).

Slovar’ marijskogo jazyka. Tom 1. A-Z [Dictionary of the Mari Language Vol. 1. A-Z]. Ed. I.S. Galkin. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1990, 488 p. (In Mari and Russian).

Slovar’ marijskogo jazyka. Tom 6. R-S [Dictionary of the Mari Language in 10 Vol. Vol. 6. R-S]. Ed. I.S. Galkin. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 2001, 368 p. (In Mari and Russian).

Slovar’ marijskogo jazyka. Tom 9. Sh, Shh. [Dictionary of the Mari Language. Vol. 9. Sh, Shh]. Ed. I.S. Galkin. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel’skij institut jazyka, literatury i istorii, 2004, 520 p. (In Mari and Russian).

Slovar’ marijskogo jazyka. Dopolnitel’nyj tom [Dictionary of the Mari Language: Additional volume]. Ed. S.S. Sibatrova. Yoshkar-Ola, 2019, 560 p. (In Mari and Russian).

Slovar’ cvetooboznachajushhih slov sovremennogo marijskogo jazyka [Dictionary of color-signifying words of the modern Mari Language]. Ed. M. Kuznecova. Szombathely, 2008, 96 p. (In Mari and Russian).

Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija [The Modern Mari Language. Morphology]. Ed. N.T. Pengitov. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1961, 324 p. (In Russian).

Uchaev Z.V. Marij jylme: tunyktysho-vlaklan. 1-she uzhash [The Mari Language: for Teachers. P. 1]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1982, 184 p. (In Mari).

Сибатрова Серафима Сергеевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Serafima Sibatrova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.151.0
DOI 10.51254/2312-0312-2025-4-72-67-80

ВИКТОРИЯ МАТВЕЕВАН ЛИРИКЕ ОЙЫРТЕМЖЕ

© 2025 г. Г.Н. Бояринова

Введение. В марийском литературоведении лирика Виктории Матвеевой не была предметом научного исследования. В статье рассматривается своеобразие лирики молодой марийской поэтессы Виктории Матвеевой по двум ее поэтическим сборникам. Она пришла в поэзию недавно, сама по профессии – врач, а душа ее стремится к поиску поэтического образа, особого мировидения, выражения своего «я». Как и многие молодые поэты, В. Матвеева стоит на пороге жизни и открытия своего поэтического мира. Основные темы ее лирики – любовь и связанные с этим чувством переживания, родной дом и родимая сторона, марийская культура и традиции, язык родного народа, жизнь со всеми ее гранями. Чаще всего ее лирическая героиня – натура ищущая, страдающая, сопереживающая. Ее характер сформировался на традициях и культуре родного народа. Многие ее стихи звучат как обращение. Это диалог с любимым человеком, обращение к матери, отцу, к родному дому, Марийскому краю. Беспокойная душа лирического героя находит утешение в беседе с природными образами, в родном доме, деревенской тишине. Деревня для нее – источник сил и вдохновения. Молодая поэтесса глубоко задумывается о жизни, философские вопросы ставятся во многих ее произведениях, они пронизывают как любовную, так и пейзажную ее лирику. **Цель статьи** – выявление художественного своеобразия лирики Виктории Матвеевой на современном этапе развития марийской литературы. **Материалы и методы.** Материалами послужили поэтические произведения автора, изданные в двух сборниках, а также статьи о современной марийской поэзии. Основной метод исследования – структурно-семантический. **Результаты исследования, обсуждение.** В статье анализируются поэтические произведения В. Матвеевой, опубликованные в ее сборниках «Нангае мыйым, корно» («Веди меня, дорога», 2024) и «Эше йӱла окнаште тул» («Еще горит в окне свет», 2023),

изданный в Эстонии на двух языках: марийском и эстонском. Выводы по теме делаются на основе анализа конкретного текстового материла. Отмечены также стилистические приемы и сквозные образы, символические формы в ее лирике. У автора таким сквозным символическим образом является образ дороги. Это дорога к отчему дому, дорога в большой город, дорога-поиск самого себя и т.п. Делается вывод о том, что в марийскую лирику пришел автор со своим поэтическим словом, мыслью, видением жизни и философским кредо. **Заключение.** В статье рассматриваются произведения молодой марийской поэтессы Виктории Матвеевой. Делается вывод о том, что в марийскую поэзию она пришла со своим художественным слогом, нравственными критериями, философским воззрением. Вечные темы она пропускает через свое светлое мировидение, мыслит широко и глубоко. Ее волнует будущее родного народа, марийского языка и культуры. Истоки будущего В. Матвеева видит в опоре на мировоззрение предков, в гармонии человека и природы, человека и свободы его чувств. Любовь для нее – источник вдохновения, центр Вселенной, а родная земля, отчий дом – опора и надежда.

Ключевые слова: марийская поэзия; лирический герой; образ; тема; идея; мировоззрение; автор.

Ончылмут

Кызытсе марий поэзий – тӱрлӧ шӧрынан, лӱман, шукыжым ӱдырамаш чуриян, жанр ойыртеман кончыш. Тачысе жапыште марий лирикым пойдарыше-влакым кок тӱшкалан шелман. Тиде Совет пагытыште шочшо, шуаралтше ийготан серызе-влак да самырык тукым. Иктышт илыш опыт, возымо мастарлык шотышто кӱын шушо-влак улыт гын (А. Иванова, В. Изилянова, З. Дудина, А. Тимиркаев, А. Васильев, Г. Ояр да м.), весышт але шке поэзий йӱкыштым кычалаш гына тӱналыныт (Т. Соловьева, В. Комаров, Н. Эмыкан, А. Яковлева, В. Гордеева, И. Попов да м.).

Тачысе марий поэзий нерген шымлымаш паша-влак ятырак улыт. Эн ондак С.П. Манаева-Чеснокован «Художественный мир современной марийской поэзии» [2004] монографийжым палемдыман. Тудо тыгак икмыняр статьям возен [2000, 2009]. Тылеч посна ятыр статьям Г.Н Бояринова серен [2019, 2020, 2021а, 2021б, 2022, 2023а, 2023б, 2025а, 2025б]. Кызытсе марий поэзийым шымлымашке Р. Кудрявцеват шке надыржым пыштен [1996, 1998, 2006].

Чаманен каласыман, самырык-влакын возымыштым кумдан аклыме огыл. Тидын шотышто В. Матвееван творчествыж денат тыгак. Тиде чырым корандаш манын, статья возалтын.

Статьян цельже – самырык автор Виктория Матвееван лирике ойыртемжым лончылен лекташ, тематике, стилистике могыржым палемдаш, кучылтмо образ ден символикыжым ойыраш.

Материал ден йӧн-влак

Шымлымашын негызшылан поэтессын кок сборникыш чумырымо почеламутшо-влакым налме. Пашан тӱҥ методшо семын структур ден семантике йӧным шотлыман.

Шымлымашын лектышыже, канашымаш

Виктория Матвеева – самырык поэтессе. Морко районын шочшыжо лирикыш вучыдымын толын лектын. Профессийже дене врач, чонжо ден – мурызо. Тудо шӱм-чон денак марий ӱдыр, «Мый ошкыл колтынем марла» почеламутысо лирике геройжо шочмо йылмыж дене мутланынеже, «воштыл колтынеже», «ошкыл колтынеже», илыш ӱмыржым ача-аван пуымо йылме гоч шижын шогынеже, марла шонкалынеже, «чоным почын йӱлынеже»:

Марла пашам ворандынем,
Йолташ дек корнышко лекнем.
Вашлийын поро кумыл ден,
Марий шомак ден саламлен,
Марла мый ошкыл колтынем [Матвеева, 2024, с. 9].

Почеламут обращений семын возалтын, тидым «Марла! Колат – марла!» ой пенгыдемда. Тудо кычкырыме, ӱжмӧ сынан. Шижалтеш, авторым шочмо йылмынан илышыште могай верым налмыже чот тургыжландара. «Марла» манмыже 8 гана йонгалтеш, уэш-пачаш каласалтеш. Тидын гоч автор шочмо йылмын виян улмыжым пенгыдемда, тудын илыш негызшым ончыкта. Йылме ушо – калык ушо манме ойым тудо виянда, шке семын каласа. Марий улмыж дене кугешна.

Поэтессын лирике геройжо кажне айдемын шке илышыжлан мутым кучымыж нерген шонкала. Теве «Пӧрдеш тӱня йолошкылем йымалне…» почеламутшымак налаш. Тушто автор айдеме илышын кӱкшытшӧ шотышто мутым луктеш. Тидын нерген «йолошкыл», «кава кыдал», «тылзе» шомак-влак ойлат. Чумыр тӱня да тыглай айдеме шотышто шонкалымаш виянеш. Жап писын эртыме нерген ойлышыла, серызе айдеме илышыште ӱчашымаш, каргашымаш, осал шарлыме нерген чон вургыж воза, тыге арам илен толашымым тудо вурса. Айдеме илышыш тидлан толшаш огыл, манеш. Вара тудо тачысе илышын косаж шотышто шонкала да тыге ойла:

Тулнаже ынже йӱкшӧ, йӱштым ужын,
Кугезын вийже – нимучашдыме! [Матвеева, 2024, с. 10].

Ужына, В. Матвеева кугу ӱшаным калык вожыш энертымашлан куча, илышым ворандымаште кажне айдемын вержым ончыкта:

Мый пӧрдыктем тӱням илышем дене,
Шогалын кажне кечын корнышкем.
Вӱдшат уэш толеш гын серже деке,
Ала мыят куаным лишемдем [Матвеева, 2024, с. 10].

«Пеледалтме шуэш кажне шошым…» мурсаскасе лирике геройжо илышлан куанен илынеже, пӱртӱс кончыш вашталтышым семален вуча, сандене кажне шошым пеледалт шогалнеже, телым – ӧндал ырынеже, кенгежыш йомын шунгалтнеже, шыже деч у сыным йоднеже. Икманаш, чон йодмо почеш илынеже, куан шулдыран лийнеже, кушталтен, тавалтен колтынеже. Воктене улшо-влакымат пеленже тыгак ышташ ӱжеш: «Лек, йолташ, пеленем тавалташ» [Матвеева, 2024, с. 11].

Виктория Матвеева шке почеламут корнылаштыже шукыж годым лудшо деке ӱжмаш дене лектеш. «Вашлийза те, вашмийыза, кунам тендам вучат…» почеламутшымак налаш. Вуймутыштак ме ӱжмаш формым ужына. Умбакыже герой йынгыр гоч вашмутланаш, туран ончымо годым шомак дене вашешташ, торжалыкым кодаш, так арамак сырен кошташ огыл, шӱмын йодмыжым шукташ, чон шокшым, шӱм тулым чаманаш огыл, йыр ласкалыкым шарен шогаш йодеш. Тыглай шомак-влак шенгелне курымашлык йодыш шындаралтеш. Тыгодымак йӧратыше кок чон нерген возымо. Авторын шонымыж семын, айдеме шинчын кутырышаш, ужмышумо годым вашлиймашыш вашкышаш, чонышто мо улмым почын пуышаш. Почеламут философий йодышан, тыгакак йӧратымаш темым тарватыше.

Самырык поэтессе илыш нерген келгын шонкала, йӧратымаш йодышымат тудо тӱжвач ок онchykто. «Ала-молан гын шыргыжме шуэш…» мургорнысо лирике герой тидын шотышто шке ужмашыжым почеш. Тудо самырык мужырын пырля кид кучен ошкылмыжым куанен эскера, аван изи падырашыжым вӱден кайымым йывыртен онча, илалше мужырын икте-весылан энертен эртымым, чал куптыран, коштыргышо кидан улшо-влакын пырля ошкыл кайымым ончен ӧреш да йывырта.

Кажне айдемылан шочмо ял – чон шепка, тушко толын коштмо – чон пайрем. «Чонемым пуйто мамык ден леведыч…» почеламутышто В. Матвеева лач тидын нергенак шонкала. Ял – тиде эн ондак тышке кондышо, тышеч нангайыше корно, кумда пасу, пеледше олык, нӧргӧ самырык тукым, ужаргын шыргыжше урем, яндар энер, мотор ӱжара. Чыла тиде чоным вӱчка, капыш лывыргылыкым пурта.

Поэт илышлан куанаш, мо улмылан йывыртен илаш ӱжеш. Тыгодымак илышыште тӱрлӧ кӱкшытан, шонымашан, чонан-влак улмо шотышто азаплана:

Могай ме йӧршын тӱрлӧ улына.
Пуртен айдемынам шкенан тӱняшке,
Ок код яра кыша койде шӱмнаште.
Ала тыге ваш-ваш эмлалтына? [Матвеева, 2024, с. 15].

Лирике геройжо пиалан илышым илен лекнеже, куан дене авалтше лийнеже, тудо пеленже улшо-влакым тыгаяк кумылан лияш ӱжеш. Йӧратен, йӧратыме лийнеже. Тиде кумылым почаш манын, автор пӱртӱс образ-влакым

кучылтеш: кава, пыл, пасу, олык, памаш. Ужына, чон кумылым, шӱм шокшым, йӧратымашым серызе марий пӱртӱс, ял кумдык гоч почеш.

Виктория Матвееван ик стилистике ойыртемже – тиде лудшо дене мутланымаш, тыгодым автор глагол формылан энерташ кумылан. Налаш, мутлан, «Те паледа…» мутсаскажым. Тушто «паледа», «колыштыда» шомак-влак келыштаралтыныт. Юлын образшылан тӱткыш ышталтын. Энерын «ший толкынжо йӱклана», тыгодым серыште ончен шогаш «моткоч ласка». Ушыш кенеж сӱрет толын лектеш, чаманыме кумыл шочеш, вет «снеге дене темше олыкна ынде чара». Тунамак автор тыгай иктешлымашыш лектеш:

Но… тутло-шере лийме деч вара
Лач шадырге вет огыл мо
У тамым ешара? [Матвеева, 2024, с. 17].

Изи илыш сӱрет – кугу иктешлымаш, философий йогын.

«Тичмашым – кечым…» почеламутат илыш йогын нерген. Тудо келге шонымашан. Текстын рӱдыжым «тичмаш» ой ышта. Лирике геройлан тичмаш кече, йонгыдо кава, тудыжо южгунам «пыл коклаште кечкыжше» лиеш гынат, кӱлеш. Тыгак йодышлан «тичмаш вашмут», шинчаште чын кӱлыт. Тӱнжӧ – тичмаш чон лийшаш, эшеже – тӱнялан пуэн кертме сомыл. Мураш гын – тичмаш чоным почын, шӱлык авалтыме годым кумылым шылтыман огыл, нелытшым почаш тыршыман. Утыжым илыш деч тудо ынеж йод. Тунамак «тичмаш» умылымашым героиня «пеле» шоныш дене кылда:

Налам лач пелыжым –
Ом керт тичмашын,
Келгын да ласкан,
Утарынем гынат чеверлыкым [Матвеева, 2024, с. 18].

Тидыжым теве кузе умылыман: айдеме мужыр дене лийшаш, йӧратымаш кумыл – ик эн жаплыме, илыш негыз. Сандене лирике героине «пеле» – «тичмаш» умылымашым йӧратыме айдеме дене кылда да манеш:

Тичмашым тыйым
Омышкем налам.
Ала тыге почам шке четлыкемым? [Матвеева, 2024, с. 18].

Автор эпитетым кучылтеш: «йонгыдо» кава, «йӱран» игече, «мушкылтшо» окна, «тичмаш» вашмут, чон, муро. Нуно тӱн шонымашым келгемдаш полшат. «Кечкыжше» пыл, шоян «келгытше», шӱлыкын «нелытше», чеверлыкым «утарынем», четлыкым «почам» метафор-влак полшымо дене философий йодыш келгын почылтеш.

«Вашкаш…» почеламут тӱрлӧ глаголлан поян. Кажне строка мучаш лач тудын полшымо дене чумыралтеш, рифмыжат икгай: -аш, -яш. Автор чылажымат илышыште мучаш марте шукташ, илаш вашкаш, йӧратыше лияш ӱжеш. Илыш толкынын ярымже-влакым палемда: паша, каныш, корно, шочмо вер, шӱмбел йолташ, илышыште вер, шижмаш, куан, энертыш да м.

Пӱртӱс образше-влак шукыж годым илыш келгытым почын пуышо йӧныш савырнат: «Кеҥеж пытартыш йӱд ден шовырым рӱза»; «Окнаш ончалше пызле вожыл ӱжеш» [Матвеева, 2024, с. 20]; «Каваште кече шып модеш / Йолважым ӱмылыш пыштен»; «Капемже эрыкым муэш / Шаршудо теҥызеш шуйнен»; «Шижмемже койын вашталтеш / Кава пылвомышеш шулен» [Матвеева, 2024, с. 22]; «Пӧлек шотеш турийын семжым, / Ачай, тылат йонгалтарем» [Матвеева, 2024, с. 23]; «Поран денат кутыренам, / Вӱдшорланат куаненам» [Матвеева, 2024, с. 34]. Пӱнчын «ужар парчаже шӱвыр семын йонгын»; шып шона «эр кече волгыдым шупшалше ер» [Матвеева, 2024, с. 37]. Авторын пӱтынь мландыжат «йыргешкын кеча» [Матвеева, 2024, с. 39].

Поэтессе «ош» эпитетым яндарлык, чон арулык дене кылда. Теве пример шотеш «Оралгыше лышташ тӧшакым…» почеламутшым ончалына. Лирике герой шыжым лышташым иктыш удырен чумыра, тыге ош телым вашлийнеже, тек, лум шулымек, шошым, шинчам яндар урем куандара, манын шона. Вара шонымашыжым вес могырыш лупшалеш: илыш гыч лач тыге осалым луктын шуаш лийже ыле, манын азаплана. Йӱштӧ телын образше саде шонымашым келгемдаш полша. Телын тӱссӱретше оҥай почылтеш: ондак ош телым йӧратен илаш тептерна сита мо манын шонкалыме ой пуалтеш, вара «Мый мондынем эн йӱштӧ телым, / Чон шокшым / Лумыш чӱчыктен» [Матвеева, 2024, с. 25] манме. Ош теле – йӱштӧ теле вашталтеш. Ошыжо ласкалык, яндарлык дене кылдалтеш гын, йӱштыжӧ – чон йӱштӧ дене. Арам огыл героине тыге манеш:

Ом пыште вачыш йӧсым-нелым,
Мардежлан тудым кучыктем [Матвеева, 2024, с. 25].

Неле годым тудо шке «конга тулжым» ылыжтынеже. Тыгай годым пелен пенгыде туп-вачан йолташ кӱлеш: «Шинчасорташке ончалмеке, / Адак шижам тылат кӱлмем» [Матвеева, 2024, с. 25].

«А мыйым лум эрдене ӧрыктарыш…» сылнышомакат философий шӱлышан. Автор лумын образшым тӱҥыш луктеш. Текстын рӱдыжым лумын шке семын ойлымо-шонымо йодышан монологшо ышта:

А тый кертат мо улмым ончыде,
Сур лавырам, ӧпкем да воштылмашым,
Пустаҥше чоным да пасум чараҥшым,
Ӧндалын, пуйто поро суксо гай,
Кеч шулдыржат шкендетым ок наҥгай? [Матвеева, 2024, с. 26].

Лум шке ӧндалтышыж дене, ошыж дене тӱням авалта, йырым-ваш волгыдым шара, чыла лавырам петыра. Тудо, «шыма да ныжыл, кондышо куаным, / Кок еҥ коклаште мондышо осалым. / Кастен чӱкта шке тулжым мыланна» [Матвеева, 2024, с. 26], поро суксо гай чылажымат ошемда, илышыш шокшым пурта, еҥ коклам лишемда. Тыге, автор айдеме коклам, илышым лумын пашаж дене таҥастарен сӱретла.

Теле темым «Телын ош ужгаже велын…» почеламутышто умбакыже шуйымо. Вуймутышто метафор вигак шинчаш логалеш. Ужга ошо, верын-верын тудо тумышталтын. Рвезе лумжат «нӧргӧ капан», полмезе. Тудын велмыжым изижат-кугужат йывыртен ончат, «куат ден темыт». Геройын чонышкыжат тиде кончыш вашталтышым пурта: «Мыйынат чонем ырен / Киса кайык гай лум ден…» [Матвеева, 2024, с. 27].

«Илыш корным тошкымашке / Лач яндарым пуртынем» [Матвеева, 2024, с. 29], – манеш автор. Нине мут-влакым поэтессын илыш девизше семынат ончаш амал уло. Возымаштыже «чон», «кава», «ару», «яндар» шомак-влак чӱчкыдын йонгат. Кава – нимучашдыме вынем, тудым почаш ӱмырат ок сите, туге гынат айдеме шке илыш корныштыжо шке шӱдыржым мушаш. Тыгай шонымашым строка коклаште эскераш неле огыл.

Йылме йодыш, марий йӱлан пытен толмыжо авторым тургыжландара. «Уке тӱнян тӱҥалтыш, мучашат…» почеламут философий йодышан улмыжым вуймутшо гычак шижтара. Кокымшо корно денак автор тӱҥ шонымашым вигак луктын каласа: «Тӱням шке йырна шкеак почына» [Матвеева, 2024, с. 30]. Пеш чын ой. Лач мемнан дечак шога йырна мо ышталтме, мо шукталтме. Калыкна шке йӱкан, йӱлан улмыж дене поян. Автор чон кочо дене йӱланан тумышталтше улмыжым палемда, пӱртӱс лонгасе калыкым шке йогынжо деч корандаш лиеш мо, манын йодеш да манеш:

Яндар-яндарын йогышо вӱдеш
Марийын мурыжо возалт кодеш [Матвеева, 2024, с. 30].

Шочмо калыкна акрет годсек вӱдын вийжым аклен ила, тудлан кумалын пелешта, таушта, чон ден кап лавыражым вӱдшӧ почеш колта, эмлалтеш.

Калыкнан вийже – йӱлам шуктен шогымаште, пӱртӱс дене кылыште, икте-весылан энертен илымаште, пашаште, тӱвырам арален кодымаште, тыныслыкыште, моло калык дене тӧр ошкылмаште. Тыгай шонымашым В. Матвеева шуко почеламутышто шуйдара.

Ава темым «Ава кидеш кертеш вашталтын…» почеламутышто почын ончыктымо. Авторын шонымыж почеш, ава – йырым-йырысе сӱретым сай могырыш вашталтен кертше айдеме. Тудын кидыштыже «мондалтше, йомшо сур пӧртшат» илыше тӱсым налеш; йӱд омат тудын пелен ласка лиеш; кӱэштме киндыже эн тутло пушан; кошкышо садшат тудын кидеш илана; шошымсо южшат ошалгын, левын «муралта»; ава ондален ок мошто, тудын пелен чон-кумыл мура. Икманаш, ынде мыняре курым ава эреак икшыве верч ила да илаш тӱҥалеш. Тыглай шомак-влак полшымо дене автор ава тӱням шке семынже почеш.

Виктория Матвеева – ялыште шочын кушшо, тыште шинчымашым налше, марий тӱвыра дене таҥлалт шогышо, варажым кугу олалаште кӱшыл шинчымашым погышо, врач семын пашам ыштыше самырык марий ӱдыр. Возы-

мыжым аклен, лӱдде каласаш лиеш: илыш нерген келгын шонкала, айдеме чоным умылаш тырша, марий шӱлышан, калыкнан ончыкылыкшо шотышто тургызланыше поэтессе.

Лирикыштыже йошкар шӱртӧ семын корнын образше эрта. Тудо тӱрлӧ тӱсан, сынан. Тиде шочмо верыш корно, кугу олаш нангайыше корно, илыш корно, чоныш корно да м. Автор, иктешлен, ойжым тыгеат чумыра:

Лийже корнын кумылжо икгае –
Нӧлталатше, вургыжшо, юж гай [Матвеева, 2024, с. 36].

Йӧратымаш лирикыжат шкешотан. Чон кумыл шижмаш тӱҥ шотышто илыш нерген шонкалымаште почылтеш. Автор шӱм танҕым кече, чон пайрем, волгыдо сескем, аралтыш, йолташ семын ужеш. Танҕын йӧратымашыже лирике геройым ырыктышаш, шкенжым гына огыл, чумыр мландым; омышко тылзе семын шыматаш толшаш; ӱмбакыже йӱр семын вӱдыжгылыкым шавышаш. Романтике кумылан герой шке воктеныже тыгаяк илыш шижмашан айдемым ужнеже. «Шыма пеледыш мужыр кидыш возын – / Чыла сеҥа йӧратымашын вий!» [Матвеева, 2024, с. 37]. Лач тыге манме вес сылнышомакыште. Йӧратыше айдеме йӧратыме лишылжым чыла вере ужеш, шижеш:

Куш ом кай, ом мий,
Кеч тӱшка, кеч ий,
Йырымваш шарла
Кумылет пырля [Матвеева, 2024, с. 40].

Илыш пӧрдемыште йӧратымаш шижмаш шкеж нерген палым кодыде ок эрте. Тидын нергенак «Мардеж, молан гын, помыжалтын…» почеламут ойла. Тудо мардеж деке обращений семын почылтеш. Пӱртӱс кончышын образше илыше семын виктаралтеш: пуйто капкам почын пурен, йоча гай урвалтеш кержалтын, тӱгӧ ӱжын. Мардежын образше йӧратымаш темым почаш амал семын лиеш. Чаманен каласыман, шижмаш кумыл кӱрылтеш, тудо кок айдемым жаплан гына пырля ыштен. Туге гынат тиде шижмашын кышаже кодын: «Она код ончычсо гай коктынат» [Матвеева, 2024, с. 41].

Йӧратымаш нерген шуко почеламутшо шӱлык шӱлышан. Автор эртыше чон кумыл нерген ойла, тудым чамана:

Шукертсек ужын омыл шинчатым…
Мыйын велыш, палем, от ончал.
От ончал, от пӧлекле куатым.
Ом керт илышын ямжым коштал [Матвеева, 2024, с. 42].

Йӱд толкын деч «йомшаш ыле», «шылшаш ыле» тулото деч, пычкемыш йӱд гыч «куржшаш ыле», йӱкетым «колшаш ыле», эр кечым «ужшаш ыле», танҕын чон кумылжым «лудшаш ыле» манме «Йомшаш ыле йӱд толкын дечын…» мурорланҕыште.

«Тунам тый мыйым мондышыч, корандышыч…» почеламутыштат глагол озалана: кажне строка тудын дене мучашлалтеш. Текстым кок ужашлан ше-

лаш лиеш. Икымшыште чон сусырым пуртымо нерген ойлалтеш. Тиде «шыдешкыше шомак», «пустанҥше шыгыр сурт», волгыдым петырымаш. Чон ойгым эн лишыл айдеме ыштен: мут дене «эмгатен», «шалатен», «вашталтен», «шолыштын». Чыла тидым чытен илаш неле гынат, лирике героине тудым шӱмжӧ гыч ӱштын кудалта: «мондышым, корандышым», «шӱмемым угыч колтышым, утарышым», «йомшо корныш тулым чӱктышым, волгалтышым», «куаным чоныш пыштышым, ӱшанышым» [Матвеева, 2024, с. 44].

Кок айдеме коклам умылаш куштылго огыл, нуно шкештат шижмашыштым мучаш марте умылен огыт керт. Лач тидын нергенак «Коклаштынаже мо тетла…» сылнымут ойла. Чӱктымӧ сорташтат «йӱла орланышын», йӱран мардежшат эркын дене «йӱкша», «покшым кормыжеш» тул ломыж йӱлаш тӧча. А пӱртӱс шке илышыж дене ила: «Кастене кече олача, / Эрдене волгыдым шара» [Матвеева, 2024, с. 46]. Игече йывырта, «лышташ аршашым кучыкта» [Матвеева, 2024, с. 46]. Текстыште тӱс дене «модмо» оҥай. Тиде сорта тул, ужар куэр, ломыж тул, олача кече, волгыдылык. Нуно ӱшан дене кылдалтше улыт.

«Ужате тый мыйым, ужате…» почеламутысо героине танҥже деке лектын кутыра: ужаташ йодеш, «эр волгыдыш» вӱдалтен лукташ манеш, йолташыж деч поро мутым колнеже, сӧраса, манын ӱшана, шкет ынеж код, йӧраташ йодеш. Почеламутысо уэш-пачаш каласымаш – чоҥалтме тӱҥ йӧн. Сылнымут обращений семын возалтын. Тушто антитезат уло: эр волгыдо – йӱд. Тудын семантикыже идей дене кылдалтеш, ӱшан дене илымым пеҥгыдемда.

Лирике героиня йӧратымаш кумыллан ӱшанен ила, чонжо йӱла, каваш ончен, «пеледалт шогалше шӱдыр-влак коклаште» лач нунылан гына йӱлышӧ иктыжым, утыр чевергышыжым, кычалеш («Ужынам мо тыйым шошо ӱжараште…»). Пычкемыш – волгыдо, ошкыл – корно вашталарешлымашым «Ойлат мылам: «Вашталтынат…» сылнышомакыштыже вашлийына. Лирике герой йодышлан вашмутым кычалеш, эмганыше чонжым паремдаш шона, тудо ӱшана: у шижмаш чонжым авалтышаш.

«Лум, тый лум…» мурсаскаште автор лум деке обращений семын лектеш, чот лумаш йодеш, тек тудо йӱштӧ омымат шулыктарыже ыле, манын ойла. «Мый кайыкым кучем гын кидышкем…» почеламутысо лирике героине верыште шоген ок керт, чонжо йӱла, кайык дене мутланен, мурыж гоч чылажымат мондынеже. Тунамак пиал кайыкшым уэш кидыш налнеже, тыге чонышкыжо ласкалыкым пуртынеже. Икымше строфаште «ок керт» шомакым ныл гана уэш-пачаш келыштарыме, тудо тӱҥ нелытым ӱмбакыже налеш, «кертеш мо» йодышлан келыштаралтеш, чон пуламырым ончыкта: «чонем ырен» – «чонем йӱкшен» манме. Гипербол йӧн («мый теҥыз вӱдым ийынак лекнем») чоншижмашын пеҥгыдылыкшым ончыкташ кучылталтын.

Ошкыл, йолгорно, корно – чӱчкыдын йонгышо символ тӱсан образ, умылена: автор шкежат самырык, илышыштыжат шке вержым кычалеш, поэзий

аланышкат шке семын, шке йӱкшӧ дене пурынеже, шке кышан лийын коднеже. Эше ик образ – кайык, тудат тӱрлӧ семантикан, пӱртӱс кончыш кокла гыч мардежын, лумын, поранын, йӱрын тӱссӱретыштым шекланена.

Поэтын героиньыже йӧратымаш кумылым вучен ила, тудым кычалеш, йӧслана, омеш ужеш, уш дене покта, шӱм дене кычалеш («Йӱд толеш адакат…»). Автор мут дене вашешташ, вучымо годым ваш мияш, йынгырташ, шӱм-чонын шокшыжым, тулжым почаш йодеш да манеш:

Да кодыза торжалыкым,
молан арам сыраш,
Мыняр йӧратымашым йӧртен
умылыдымаш! [Матвеева, 2023, с. 12].

Пӱртӱс лирикыжат шижмашым почмо дене кылдалтше. Теве автор пистын образшым онай келыштара. Тенгече гына тудо ик тӱсан – шып шогышо, лышташдыме, вожылшо, ӧрмалгыше, шкенже нерген палдараш тыршыдыме – лийын гын, тачылан чот вашталтын:

А таче – пеледе, окнам гычын воштыл.
Пеледе лай писте, пеледе ӱпш ден [Матвеева, 2024, с. 47].

Саде кончыш илыш нерген шонкалымашыш кӱварым ышта: мо эртен, тудо пытен, у корно почылтын, маннеже поэт.

«Мом каласет мылам тый таче…» почеламутышто героине олык дене мутлана, нойышо кумылжым «вӱчкалташ» йодеш, мурым шуйдарем гын, тый «лий шиялтыш», «йӱкша мутем гын, лий аралтыш» манеш, кумылжат тудын «канде», кандывуй пеледыш гай канде-канде, олыкшат пелед шогалше, чоным лыпландарыше.

Садержат «ужарге лай», вӱд сержат «чарайолан», пушенге лышташыжат «шӱкалын шыгырым, тулйол дене модеш», йӱр йӱреш гын – «тынеш пурет», пӱтынь тӱняжат «икшырымын у толкыным налеш» [Матвеева, 2024, с. 76]. Авторлан идалыкын кажне пагытше шерге: шошым – пелед шогалаш, телым – ӧндал ыраш. Геройжо тыге манеш: «Ал кенгежыш йомнем шокшыж годым, / Шыже дечын у сыным йоднем» [Матвеева, 2023, с. 10]. Серызе пӱртӱс кончышым айдемын кумыл шижмашыж дене кылден ончыкта. Теве «Ала йонгалтше муро шӱлыклан оза…» почеламутыштыжо кенгежшат «пытартыш йӱд ден шовырым рӱза» [Матвеева, 2023, с. 26], окнаш ончалше пызлыжат вожылын ӱжеш, геройжат «юалге эр юж дене шыжышке» пура. Тӱҥ шонымаш тыгай корнылаш возын:

Ом кӱрл эрталше корным, кодо шенгелан.
Шижмашым, тамым, тӱсым чонышко пыштем [Матвеева, 2023, с. 26].

Иктешлымаш

Виктория Матвеева марий поэзийыш вучыдымын, шке йӱкшӧ, шонышыж дене толын; тудо курымашлык теме-влакым чон волгыдыж гоч почын пуаш

кумылан; моткоч марий чонан; калыкнан, йылмынан, тӱвыранан ончыкылыкшо шотышто тургыжланыше, азапланыше; илыш рӱдым кугезына-влакын ончалтышышт гоч ужшо; йӧратымаш кумылым илыш рӱдӧ семын шижше; шочмо мландым йӧратыше; ача-авам пагалыше, шочмо суртышто чон ласкалыкым мушо серызе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бояринова Г.Н., Александрова Х.Г. Вера Гордееван философий лирикыже // Марийское краеведение: опыт и перспективы развития: материалы XXV Межрегион. науч.-прак. конф. Йошкар-Ола: ГБУ ДПО Республики Марий Эл «Марийский институт образования», 2019. С. 11–13.

Бояринова Г.Н. Марийская поэзия: сверяя голос с правдой жизни: Край соловьиный: поэзия марийских авторов. Антология: в 2 т.: пер. с мар. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2020. С. 3–18.

Бояринова Г.Н. Н. Иванова-Ильинан философий лирикыже («Кидыштем – сирень пеледыш» сборникше почеш) // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе. Материалы VII Респуб. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш», посвящ. 100-летию Республики Марий Эл и Сернурского района (п. Сернур, 9 апр. 2021 г.) / отв. ред. С.К. Свечников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 261–270.

Бояринова Г.Н. Палитра современной марийской поэзии // Татарская поэзия и культура второй половины XX – начала XXI века: диалог с западными и восточными художественными традициями (к 80-летию татарского поэта Рената Хариса): материалы Междунар. науч.-прак. конф. (Казань, 26–28 апреля 2021 г.) / под ред. Ф С. Сайфулиной. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. С. 27–32.

Бояринова Г.Н. Геннадий Оярын лирикыже // Ончыко. 2023. № 3. С. 89–99.

Бояринова Г.Н. Истоки поэтики Геннадия Ояра: Припадаю к истокам. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2023. С. 388–404.

Бояринова Г.Н. Национальное мировидение в лирике Г. Ояра // Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья: сб. материалов XI Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Мар. гос. ун-та, 17–18 нояб. 2022 г. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2023. С. 159–163.

Бояринова Г.Н. Художественный мир лирики Г. Сабанцева-Ояра. Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России: сб. ст.: [Электрон. ресурс] / сост., науч. ред. С.Т. Аракеева, Т.И. Зайцева. Электрон. (символьное) изд. (3,7 Мб). Ижевск: Удмурт. ун-т, 2023. С. 47–60.

Бояринова Г.Н. «А мый пагалем сылне мутым, вет сылнын ойлат, чон гыч луктын…»: поэтессе Надежда Никитиналан – 50 ий // Ончыко. № 2. 2025. С. 23–32.

Бояринова Г.Н. Ирина Делянован лирикыже. Делянова И. / И.В. Овчинникова. Пеледыш шырча: почеламут ден муро-влак. Йошкар-Ола: «Марий книга савыктыш пӧрт», 2025. С. 107–115.

Кудрявцева Р.А. Кызытсе поэзий да почеламутым лончылымаш // Ончыко. 1996. № 1. С. 140–147.

Кудрявцева Р.А. Кызытсе марий лирикыште поэзий теме // Шочмо йылме ден литературым школышто туныктымаш: туныктышо-влаклан полыш. Йошкар-Ола: Марий туныктыш ин-т, 1998. С. 32–39.

Кудрявцева Р.А. Русская классика и современная марийская поэзия (к вопросу о диалогичности текстов) // М.П. Петров и литературный процесс XX века: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения классика удмурт. лит-ры: сб. ст. / Удм. гос. ун-т, Ижевск, 2006. С. 132–137.

Манаева-Чеснокова С.П. Художественный мир современной марийской поэзии. Моногр. Йошкар-Ола, 2004. 188 с.

Матвеева В.Л. Нангае мыйым, корно: почеламут-влак / В.Л. Матвеева. Йошкар-Ола: «Марий книга издательстве» савыктыш пӧрт, 2024. 82 с.

Матвеева В.Л. Эше йӱла окнаште тул: марла да эстонла. В. Матвеева. Kuullapuu Grupp Kirjastus, 2023. 87 с.

Чеснокова С.П. Своеобразие художественного мира поэзии В. Изиляновой // Марийцы: проблемы социального и национального культурного развития: материалы науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2000. С. 121–123.

Чеснокова С.П. «Аралыш Волгыдо Юмет…» Почешмут. А. Иванован «Суксо вачӱмбак вола». Почеламут ден поэме-влак. Йошкар-Ола: Издательский дом «Ото», 2009. С. 448–464.

Galina Boyarinova

THE CHARACTERISTICS OF VICTORIA MATVEEVA'S POETRY

Introduction. Victoria Matveeva's poetry has not been the subject of special study in Mari literary studies. The article examines the unique lyricism of the young Mari poet Victoria Matveeva and her poetry collections. Being a doctor by profession, she started writing poetry not long ago. Poetry is a powerful medium for exploring her deep emotional feelings and expressing the writer's worldview. Like many young poets, Matveeva is on the threshold of life, and she discovers her own poetic world. The main themes of her poetry are love and the emotions related with it, home and her native land, Mari culture and traditions, the mother tongue, and life in all its facets. Most of her lyrical heroines are understanding, compassionate and deeply empathetic. The poet's character is formed by Mari traditions and culture. Many of her poems sound like addresses – dialogues with a loved one, addresses to her mother, father, home, and the Mari region. The lyrical hero's restless soul finds solace in a dialogue with natural images, in her home, and in a quiet village which is the source of strength and inspiration for the writer. The young poet reflects deeply on life, and philosophical questions are posed in many of her works, permeating both her love and landscape poetry. **The purpose** of the article is to identify the artistic uniqueness of Victoria Matveeva's lyric poetry at the current stage of development of Mari literature. **Materials and methods.** The materials include the author's poems, which were published in two collections, and the articles on contemporary Mari poetry. Structural and semantic method is the main research method. **Research results, discussion.** The article analyzes the poetic works of V. Matveeva, published

in her collections “Take me with you, road” (2024) and “There’s a light that’s burning in the window” (2023), published in Estonia in Mari and Estonian. Conclusions are made based on the analysis of specific poems. Stylistic devices, images, symbolic forms in her lyrics are also analyzed. The image of a road is a symbolic image in V. Matveeva’s poems. This road leads her to her parental home, to the big city, and that is the road where she tries to find herself, etc. It is obvious that the author with her own poetic word, thought, vision of life and philosophical credo enters the Mari poetry environment. **Conclusion.** The article examines the poetic works of the young Mari poet Victoria Matveeva. It is concluded that Matveeva creates her own poetic style, moral standards, and philosophical outlook in Mari poetry. She channels eternal themes through her radiant worldview, thinking broadly and deeply. She is concerned with the future of the Mari, the language, and culture. V. Matveeva sees the sources of the future in the worldview of her ancestors, in the harmony between man and nature, man and the freedom of his/her emotions. For the poet, love is a source of inspiration, the center of the universe, and her native land is her support and hope.

Keywords: Mari poetry; lyrical hero; image; theme; idea; worldview; author.

REFERENCES

Bojarinova G.N. Marijskaja poezija: sverjaja golos s pravdoj zhizni: Kraj solov’inyj: pojezija marijskih avtorov. Antologija [Mari Poetry: Verifying the Voice with the Truth of Life: Land of Nightingales: Mari Poetry. Anthology: in 2 volumes: translated from Mari]. Yoshkar-Ola, Izdatel’skij dom «Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo», 2020, pp. 3-18. (In Russian).

Bojarinova G.N. «A myj pagalem sylne mutym, vet sylnyn ojlat, chon gych luktyn…»: poetesse Nadezhda Nikitinalan – 50 ij [But I respect emotive prose. They speak figuratively, from the heart]. *Onchyko*, 2025, no. 2, pp. 23-32. (In Mari).

Bojarinova G.N. Irina Deljanovan lirikyzhe [Irina Delyanova’s poerty]. Yoshkar-Ola, «Marij kniga savyktysh pört», 2025, pp. 107-115. (In Mari).

Bojarinova G.N. Gennadij Ojaryn lirikyzhe [Gennady Oyar’s poetry]. *Onchyko*, 2023, no. 3, pp. 89-99. (In Mari).

Bojarinova G.N. Istoki poetiki Gennadija Ojara Pripadaju k istokam [The origins of Gennady Oyar’s poetics. I fall back to the origins]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel’stvo, 2023, pp. 388-404. (In Russian).

Bojarinova G.N. Nacional’noe mirovidenie v lirike G. Ojara [National worldview in the poetry of G. Oyar]. *Problemy revitalizacii tradicionnoj kul’tury narodov Volgo-Kam’ja. Sbornik materialov VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 50-letiju Marijskogo gosudarstvennogo universiteta.* 17–18 November 2022. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2023, pp. 159-163. (In Russian).

Bojarinova G.N. Hudozhestvennyj mir liriki G. Sabanceva-Ojara [The artistic world of G. Sabantsev-Oyar’s poetry]. *Prosvetitel’stvo v istorii i sovremennom razvitii literatury, kul’tury i obrazovanija narodov Rossii. Sbornik statej.* Izhevsk, Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 2023, pp. 47-60. (In Russian).

Bojarinova G.N., Aleksandrova H.G. Vera Gordeevan filosofij lirikyzhe [Vera Gordeeva's philosophical poetry]. *Marijskoe kraevedenie: opyt i perspektivy razvitija. Materialy XXV Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Yoshkar-Ola, Marijskij institut obrazovanija, 2019, pp. 11-13. (In Mari).

Bojarinova G.N. Palitra sovremennoj marijskoj poezii [The palette of contemporary Mari poetry]. *Tatarskaja poezija i kul'tura vtoroj poloviny XX – nachala XXI veka: dialog s zapadnymi i vostochnymi hudozhestvennymi tradicijami (k 80-letiju tatarskogo poeta Renata Harisa). Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* 26-28 April. Ed. F.S. Sajfulinoj. Kazan', Kazanskij universitet, 2021, pp. 27-32. (In Russian).

Bojarinova G.N. N. Ivanova-Il'inan filosofij lirikyzhe («Kidyshtem – siren' peledysh» sbornikshe pochesh) [N. Ivanova-Ilyina's philosophical poetry in "I hold a lilac bouquet" collection of poems]. *Etnokul'turnye cennosti v sovremennom informacionnom obshhestve. Materialy VII Respublikanskoj nauchno-prakticheskoj konferensii «Jyvan Kyrla ludmash», posvjashhennoj 100-letiju Respubliki Marij Jel i Sernurskogo rajona.* Sernur, 9 April. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut jazyka, literatury i istorii, 2021, pp. 261-270. (In Mari).

Kudrjavceva R.A. Kyzytse poezij da pochelamutym lonchylymash [Analyzing modern Mari poetry and poems]. *Onchyko*, 1996, no. 1, pp. 140-147. (In Mari).

Kudrjavceva R.A. Kyzytse marij lirikyshte poezij teme [The theme of poetry in Mari lyrics]. *Shochmo jylme den literaturym shkolyshto tunyktymash: tunyktysho-vlaklan polysh.* Yoshkar-Ola, Marij tunyktysh institut, 1998, pp. 32-39. (In Mari).

Kudrjavceva R.A. Russkaja klassika i sovremennaja marijskaja poezija (k voprosu o dialogichnosti tekstov) [Russian classics and modern Mari poetry (on the issue of the dialogic nature of texts)]. *M.P. Petrov i literaturnyj process XX veka. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija klassika udmurtskoj literatury. Sbornik statej.* Izhevsk, Udmurtskij gosudarstvennuj universitet, 2006, pp. 132-137. (In Russian).

Manaeva-Chesnokova S.P. Hudozhestvennnyj mir sovremennoj marijskoj poezii [The artistic world of contemporary Mari poetry]. Yoshkar-Ola, 2004, 188 p. (In Russian).

Matveeva V.L. Naŋgae myjym, korno: pochelamut-vlak [Take me with you, road: poems]. Yoshkar-Ola, «Marij kniga izdatel'stve» savyktysh pört, 2024, 82 p. (In Mari).

Matveeva V.L. Eshe jÿla oknashte tul: marla da estonla [There's a light that's burning in the window]. Kuullapuu Grupp Kirjastus, 2023, 87 p. (In Mari).

Chesnokova S.P. Svoeobrazie hudozhestvennogo mira poezii V. Iziljanovoj [The uniqueness of the artistic world of V. Izilyanova's poetry]. *Marijcy: problemy social'nogo i nacional'nogo kul'turnogo razvitija. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii.* Yoshkar-Ola, 2000, pp. 121-123. (In Russian).

Chesnokova S.P «Aralysh Volgydo Jumet…» Pocheshmut. A. Ivanovan «Sukso vachÿmbak vola». Pochelamut den poeme-vlak ["The bright God saved..." Afterword. A. Ivanova's poetry collection "The Angel Sits on Shoulders"]. Yoshkar-Ola, Izdatel'skij dom «Oto», 2009, pp. 448-464. (In Mari).

Бояринова Галина Никитьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка
и литературы ФГБОУ ВО
«Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galnikbojar@ mail.ru

Galina Boyarinova
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of the Mari language and literature of the
Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: galnikbojar@ mail.ru

УДК 821.511.151.0
DOI 10.51254/2312-0312-2025-4-72-81-91

РЕМИНИСЦЕНЦИИ В СТИХОТВОРЕНИИ СЕМЁНА НИКОЛАЕВА «АЙСТА-АЙСТА!» («ДАВАЙТЕ-ДАВАЙТЕ!»)

© 2025 г. У.Н. Савицкая, Р.А. Кудрявцева

Введение. Объект исследования в данной статье – стихотворение марийского поэта Семёна Николаева «Айста-айста!» («Давайте-давайте!»), включённое им в сборник «Тӱнян тазалыкше» («Здоровье мира») (1990). **Цель статьи –** проанализировать данное стихотворение в рамках контекстуальной поэтики, определить место реминисценций из Булата Окуджавы, образующих в произведении интертекст и актуальный для марийского поэта литературный контекст. **Материалы и методы.** Материалом исследования являются стихотворные тексты Семёна Николаева и Булата Окуджавы; методы исследования – историко-генетический, сравнительно-типологический и структурно-семантический; в работе использован текстуальный, интертекстуальный и контекстуальный анализ художественных произведений. **Результаты исследования, обсуждение.** Выявлены и описаны конкретные источники интертекста стихотворения Семёна Николаева «Айста-айста!» («Давайте-давайте!»), проведён последовательный анализ его композиции, мотивной структуры и авторской концепции с учётом использованных автором реминисценций из стихотворений Булата Окуджавы «Давайте восклицать, друг другом восхищаться…» и ««Старинная студенческая песня». **Заключение.** Использование реминисценций семантически и композиционно обоснованно, оно связано с конкретными художественными задачами автора.

Ключевые слова: марийская поэзия; Семён Николаев; контекстуальная поэтика; реминисценция; Булат Окуджава; мотив; авторская концепция.

Введение

Реминисценция как неявная (скрытая) цитата (цитирование без кавычек), рассчитанная на читательскую ассоциацию с текстом, созданным ранее (своим или чужим), на воспоминание о нем, на сопоставление с ним, не имеет большого распространения в марийской поэзии, но даже немногочисленные случаи ее использования представляют безусловный интерес в рамках изучения контекстуальной поэтики национальной литературы.

Осознанна или не осознанна отсылка к другому тексту – по этому поводу нет единого мнения, что нашло отражение и в отечественной словарно-энциклопедической литературе. Одни исследователи считают, что термин «реминисценция» используется, как правило, для «обозначения моментов бессознательного подражания в творчестве поэта, отличаемого от заимствования – сознательного подражания» [Литературная энциклопедия, 2025], что реминисценция – это «результат невольного заимствования автором чужого образа, мотива, стилистического приема, интонационно-ритмического хода» [Большой энциклопедический словарь, 2025]. Для других исследователей вопрос об осознанности / неосознанности цитирования при реминисценции не имеет принципиального значения (реминисценция – это «сознательное или неосознанное воспроизведение писателем неполной цитаты, “осколка” чужой фразы» [Литература и язык, 2006]).

В любом случае реминисценция является одним из способов трансляции историко-культурного опыта. Одновременно «реминисценция выступает авторским средством создания нового художественного образа» [Багдасарова, 2011, с. 207].

Объект исследования в данной статье – стихотворение марийского поэта Семёна Васильевича Николаева (1936–2014) «Айста-айста!» («Давайте-давайте!»), которое было включено им в его сборник «Тӱнян тазалыкше» («Здоровье мира») (1990) [см.: Николаев, 1990, с. 58].

Цель статьи – проанализировать данное стихотворение в рамках контекстуальной поэтики, определить место реминисценций из лирики русского поэта-барда Булата Окуджавы, образующих в произведении интертекст и актуальный для марийского поэта литературный контекст.

Материалы и методы

Материалами исследования являются стихотворные тексты Семёна Николаева и Булата Окуджавы; методы исследования – историко-генетический, сравнительно-типологический и структурно-семантический; в работе использован текстуальный, интертекстуальный и контекстуальный анализ художественных произведений.

Результаты исследования, обсуждение

В стихотворении Николаева «Давайте-давайте!» реминисценции связаны, в первую очередь, со стихотворением (песней) Окуджавы «Давайте восклицать, друг другом восхищаться…» («Пожелание друзьям»), написанным в 1975 году (песня прозвучала в фильме «Ключ без права передачи» в 1976 году) и имеющим посвящение писателю-современнику Юрию Трифонову.

Марийский поэт не просто цитирует Окуджаву, а строит свой текст как творческое переписывание, используя близкий к тексту перевод на марийский язык, переделку и наращение смыслов.

Композиционно и по смыслу последовательно связаны со стихотворением Окуджавы «Давайте восклицать, друг другом восхищаться…» первая, вторая и пятая строфы стихотворения Николаева. При этом главной реминисценцией становится слово-рефрен «Айста» (в буквальном переводе с марийского «Давайте»), полностью соответствующее по смыслу аналогичной анафоре Окуджавы. Это обращение авторов не только к кругу своих единомышленников и к самому себе, но и к своему читателю, и ко всем людям, отчего стихотворения приобретают философский размах; это побуждение (призыв) к действиям (внешним и внутренним), обозначенным высоким человеческим содержанием.

Стихотворение Окуджавы в трёх своих частях-строфах последовательно представляет следующие призывы: призыв говорить друг другу приятные слова, призыв к откровенности в моменты грусти и призыв к пониманию. Такая композиция, реализующая мотив человеческих взаимоотношений, сохраняется и в стихотворении Николаева, вызывая соответствующий «поток» реминисценций, а «новый смысл появляется благодаря рекомбинации [перераспределения. – *У.С., Р.К.*] заимствованных из чужих произведений элементов» [Ранчин, 2025].

Сравним ***первую строфу*** стихотворения марийского автора и первую строфу песни Окуджавы:

Айста йывыртена, енлан куанена,
Она чамане моктымо-лай мутым!
Айста: «Чевер улат!» –
чеверлан манына, –
Айдеме курымат ок мондо ты минутым…
(Давайте порадуемся, восхитимся людьми
[*В исконно марийском смысле*: не собой, а другими людьми. – *У.С., Р.К.*],

Не пожалеем похвально-нежных слов!
Давайте красивому скажем «Ты красив!», –
Человек навеки не забудет эту минуту… [Подстрочный перевод
с марийского здесь и далее везде наш. – *У.С., Р.К.*]).
Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты –
Ведь это всё любви счастливые моменты [Окуджава].

Выделим реминисценции: *енлан куанена…* (друг другом восхищаться); *Она чамане моктымо-лай мутым!* (Высокопарных слов не стоит опасаться); *Айста: «Чевер улат!» – / чеверлан манына…* (Давайте говорить друг другу комплименты). Николаев не просто разделял скрыто цитируемые им мысли Окуджавы. Обращаясь к своим читателям-мари, он пытался освободить их от традиционного мышления и чувствования, во многом основанного на «ойӧрӧ»

(запретах народа мари) и зачастую мешающего полноценной коммуникации в современном мире. Традиционными чертами характера представителей народа мари часто называют практичность, рационалистичность, расчётливость [см., напр.: Никитина, 2025], что отражалось как в семейных, так и межличностных общественных отношениях. Марийский этнопсихолог Н.Г. Айварова отмечает: «В марийских семьях в процессе отношения родителей к детям характерна низкая позитивность как для матерей, так и для отцов. Это значит, что при воспитании детей родители мало уделяют внимания эмоциональному общению с детьми, редко поощряют успехи детей и обсуждают с ними их личностные проблемы, жизненные ситуации» [Айварова, 2001, с. 14].

В стихотворении Николаева речь идет об эмоциональной смелости, о необходимости вербального обозначения своих положительных эмоций, а также о важности уважения, искренности и открытости в человеческих отношениях, об умении без страха выражать их словами. Таким образом, окуджавовский призыв говорить друг другу приятные слова семантически усилен марийским поэтом благодаря этнопсихологическому контексту: *Айдеме курымат ок мондо ты минутым* (Человек навеки не забудет эту минуту). В то время как у Окуджавы мы наблюдаем общефилософский контекст, в котором главная мысль следующая: оправданные комплименты – это непременно слова любви («Ведь это все любви счастливые моменты»).

Этнопсихологический и философский контексты сохраняются и в следующей части стихотворений марийского и русского авторов. Сравним ***вторую строфу*** стихотворения Семёна Николаева и вторую строфу песни Окуджавы:

Айста ойгырена да йӱкын шортына –
Керек чылан пырля,
керек алмаш-алмашын.
Ен чоным почмыла
трук чыным почына:
Шинчавӱдат мемнам келандара улмашын

(Давайте горевать и громко [*букв.* звучно. – *У.С., Р.К.*] плакать –
Хоть все вместе, хоть попеременно.
Открывая душу человека,
вдруг открываем правду:
И слёзы нас радуют, оказывается).
Давайте горевать и плакать откровенно,
То вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не надо придавать значения злословью –
Поскольку грусть всегда соседствует с любовью [Окуджава].

Мы наблюдаем явные реминисценции, приращенные к рефрену «Айста»: *Айста ойгырена да йӱкын шортына (*Давайте горевать и плакать откровенно); *Керек чылан пырля, / керек алмаш-алмашын* (То вместе, то поврозь, а то

попеременно). Они вызваны общностью мотива грусти и авторского призыва к откровенности. Обосновывая свой призыв к откровенности в грусти, Окуджава в конце строфы переключает внимание читателя на философскую ее подоплеку (грусть – традиционная составляющая любви, именно поэтому не нужно ее бояться), Николаев же утверждает мысль о том, открытое выражение грусти – это открытие души, путь к правде, и в этом смысле слезы – это радость (основополагающим у марийского поэта становится оксюморон).

Пятая (последняя) строфа стихотворения Николаева и третья (последняя) строфа песни Окуджавы:

Айста умылена ме икте-весынам,
Титакнам касарен,
она лук у титакым.
Айста-ян илена,
тӱняште веселам
Тунаре кӱш нӧлтен, –
шӱм ынже пале акым!

(Давайте понимать друг друга,
Искупив вину,
предотвратим новую ошибку.
Давайте-ка жить,
на свете весёлость
[*синоним:* жизнерадостность. – *У.С., Р.К.*]
Настолько вверх поднимая, –
чтоб сердце не знало цены!)
Давайте понимать друг друга с полуслова,
Чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить во всем друг другу потакая,
Тем более что жизнь короткая такая [Окуджава].

Реминисценции, как и в предыдущих случаях, представлены в первой части строфы и реализуют мотивы понимания и предотвращения ошибок: *Айста умылена ме икте-весынам (*Давайте понимать друг друга с полуслова); *Титакнам касарен, / она лук у титакым* (Чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова). Продолжая этнопсихологический контекст, Николаев доводит свою мысль о раскрепощении мыслей и чувств до некоего апогея. Окуджавовское «Давайте жить» в этот раз звучит у него удивительно бодро – как «Айста-ян илена» (Давайте-ка жить»), а мотив понимания сменяется мотивом радости и веселья. Окуджава же обращает свой взор на понимание и взаимопомощь, столь важные в короткой человеческой жизни.

Таким образом, реминисценция – это «способ создать определенный контекст для восприятия произведения, подключить его к традиции и одновременно – средство продемонстрировать отличие, новизну создаваемого

произведения, вступить в диалог с традицией» [Федорова, 2001, стлб. 870]. В доказательство этого приведем еще одно обстоятельство. Несмотря на форму призыва-обращения, в стихотворении Окуджавы практически отсутствуют восклицательные предложения, а интонация стихотворения предельно спокойная и размеренная, напоминающая размышление в кругу понимающих людей, читателей, друзей. У Николаева же есть восклицания и за счет этого происходит усиление эмоциональной структуры лирической речи, что, очевидно, объясняется не только сильной заряженностью марийского автора привлекательными для него ценностными посылами и интенциями в тексте русского поэта, но и пониманием их актуальности для его этнических сородичей, его сильным желанием претворить их в марийскую повседневную жизнь, а также демонстрацией своей готовности к этому. Последнее, видимо, и определило усиление в последней строфе слова «Айста» с помощью суффикса «ян» (в русском переводе – «давайте-ка»), а в заглавии стихотворения – с помощью его повтора («Айста-айста!»).

Поэт-переводчик Герман Пирогов пишет о влиянии на автора стихотворения «Давайте-давайте!» другого текста Окуджавы. В своем посте, опубликованном в 2025 году в социальной сети «ВКонтакте», он заметил: «Стих Семёна Николаева «Айста, айста!» («Давайте!») удивительно созвучен тексту песни Окуджавы «Союз друзей» 1967 года. По охвату смыслов не уступает, а кое в чем превосходит. Завтра на заключительном вечере поэзии в проекте «Давай на равных говорить...» его представит актер театра русской драмы Дмитрий Воронцов» [Пирогов, 2025]. И приводит собственный перевод на русский язык двух первых строф николаевского стихотворения, которые, очевидно, на его взгляд, и перекликаются с песней Окуджавы «Старинная студенческая песня» (другие варианты названий: «Союз друзей», «Возьмемся за руки друзья») (имеет посвящение Ф. Светову, впоследствии стало гимном бардовского движения в СССР) и которые мы рассмотрели выше как реминисценции из стихотворения «Давайте восклицать, друг другом восхищаться…»:

Полюбим же радость, давай восхищаться друг другом,
Возвышенных вовсе при том не жалея речей!
«Прекрасен ты!» – скажем красивому сомкнутым кругом –
И он не забудет минуты влюблённых очей.
Давайте взгрустнём, погорюем и в голос поплачем,
Хоть вместе, хоть в очередь – тут не уместен он, торг,
И души откроем... Такие, как наши, тем паче,
Поскольку узнаем: и слёзы рождают восторг...» [Пирогов, 2025].

Безусловно, соглашаясь с мыслью Г. Пирогова о том, что существует связь между стихотворением Николаева и «Старинной студенческой песней» Окуджавы, отметим, что в плане реминисценций в наибольшей степени нам интересны не первые две строфы николаевского текста, а две последующие. При этом Николаев сохраняет их анафорический зачин («Айста» – «Давайте»),

обеспечивая таким способом единую стилистику с другими строфами своего стихотворения.

Третья строфа:

Айста ончалына шинчашке родынрак:
Йочаже улына чылан ик поро пӧртын.
Айста ойырлена эше кучалтынрак,
А кушко каена –
тушечын огыт пӧртыл.
(Давайте посмотрим в глаза породнее:
Мы все – дети одного доброго дома.
Давайте расставаться, еще чуть задержавшись,
А куда уйдем –
оттуда не возвращаются).

Четвёртая строфа:

Айста кида-кида чылан тарванена
Айдеме кумыл верч,
тӱнян ласкаже верчын.
Тек мланде кумдыкеш йоҥга ик мурына –
Саманым эрыкташ чылан да кажне кечын!
(Давайте рука об руку вместе двигаться
За человеческой радостью,
за нежностью мира.
Пусть на всей земле звучит одна наша песня –
Очищать землю всем вместе и каждый день!).

Марийский поэт обращается в этих строфах к сходным с Окуджавой мотивам духовного союза друзей, единства принципов и устремлений, взаимоподдержки: *Айста ончалына шинчашке родынрак: Йочаже улына чылан ик поро пӧртын*; *Тек мланде кумдыкеш йоҥга ик мурына.*

Именно в одну из этих строф (третью), созвучных стихотворению Окуджавы «Старинная студенческая песня», Николаев добавляет мотив кратковременности человеческого существования, который у Окуджавы был обозначен в стихотворении «Давайте восклицать, друг другом восхищаться…»:

Тем более что жизнь короткая такая (Окуджава).
Айста ойырлена эше кучалтынрак,
А кушко каена –
тушечын огыт пӧртыл
(Давайте расставаться, ещё чуть задержавшись,
А куда уйдем –
оттуда не возвращаются) (Николаев).

В таком контексте объединяющие авторов идеи истинной дружбы, духовного родства, мировоззренческой близости и взаимоподдержки у Николаева воспринимаются читателем ещё более значимыми и ценными.

Сходство текстов достигается с помощью реминисценции, в основе которой лейтмотивный (символический) образ Окуджавы, напрямую связанный с указанными выше мотивами и идеями и многократно повторяемый в «Союзе друзей»: «Возьмемся за руки, друзья…» (Окуджава) [Окуджава, 2025]. У Николаева: «Айста кида-кида чылан тарванена…» («Давайте рука об руку вместе двигаться»). Содержащийся в стихотворении Окуджавы призыв взяться за руки и сесть у костра приобретает философский смысл: помогать ближнему в беде, дорожить дружбой и быть открытыми друг другу – значит, избежать вражды в мире, разъединения людей на группы, партии, лагеря, классы; понимая, доверяя и помогая друг другу, можно выжить в любое историческое время, сохраняя человеческие качества.

Продолжая размышления русского поэта, Николаев призывает к идеальным отношениям и к идеальному миру; в стихотворении заложена важная для поэта-мари идея совместной каждодневной работы по «очищению земли» и коллективного творчества ради формирования новых взаимоотношений в марийском мире, в основе которых – радость человека и «нежность» мира.

Заключение

Если попытаться обобщить роль всех реминисценций из Окуджавы в стихотворении Николаева «Давайте-давайте!», то можно предположить, что их использование семантически и композиционно обоснованно, оно связано с конкретными художественными задачами автора. В авторской концепции и ее композиционном оформлении обнаруживается следующая художественная стратегия: открытость души и сердца – основа дружбы, духовного единства, взаимопонимания и взаимоподдержки, а это, в свою очередь, открывает возможность осуществления «высоких» планов, отчего стихотворение Николаева приобретает романтическую окраску. В реализации такого авторского замысла смысловая составляющая реминисценций из обоих рассмотренных нами стихотворений Окуджавы, их композиционное оформление и мотивная структура оказались импульсом и средством создания марийского художественного текста, имеющего не только философскую, как у русского поэта, но и этнокультурную направленность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айварова Н.Г. Этнопсихологические особенности самоотношения подростков в условиях семейного воспитания (на примере марийского этноса) / Ин-т сред. проф. образования РАО. Казань, 2001. 22 с.

Багдасарова И.Р. Термин «реминисценция» в искусствознании (теория вопроса) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. Вып. 130. С. 205–213.

Большой энциклопедический словарь // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/254062 (дата обращения: 01.11.2025).

Литература и язык. М.: Росмэн / под ред. проф. А.П. Горкина. 2006. URL: https://niv.ru/doc/dictionary/literature-and-language/fc/slovar-208-2.htm#zag-978 (дата обращения: 10.10.2025).

Литературная энциклопедия // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3964/Реминисценция (дата обращения: 01.11.2025).

Никитина Э.В. Этноменталитет марийцев // Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур / под ред. А.В. Павловской и Г.Ю. Канарша. URL: https://web.archive.org/web/20170830235655/http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_marijcev_e_v_nikitina (дата обращения: 20.10.2025).

Николаев С.В. Тӱнян тазалыкше: почеламут, муро, поэма. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1990. 192 с.

Окуджава Булат. Поэтический сборник // URL: https://lib.ru/KSP/okudzhava.txt (дата обращения: 01.09.2025).

Пирогов Герман // URL: https://vk.com/wall181310130_593 (дата обращения: 01.09.2025).

Ранчин А.М. «Скрипи, мое перо…»: реминисценции из стихотворений Пушкина и Ходасевича в поэзии Бродского // Иосиф Бродский и мировая культура. URL: https://brodsky.rhga.ru/upload/iblock/fb5/«Скрипи,%20мое%20перо…»%20реминисценции%20из%20стихотворений%20Пушкина%20и%20Ходасевича%20в%20поэзии%20Бродского.pdf (дата обращения: 08.11.2025).

Федорова Л.Г. Реминисценция // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ИНИОН РАН; гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стлб. 870.

Ulyana Savitskaya, Raisiya Kudryavtseva

REMINISCENCES IN S. NIKOLAEV'S POEM "AISTA-AISTA!" ("LET'S!")

Introduction. The poem "Aista-Aista!" ("Let's!") written by the Mari poet Semyon Nikolaev is the object of our research. The poem was published in his collection called "Tűnyan Tazalykshe" ("The Health of the World") in 1990. **The purpose** of the article is to analyse the poem within the framework of contextual poetics, to determine the place of reminiscences from Bulat Okudzhava's works, which form an inter-text in the poem and a relevant literary context to the Mari poet. **Materials and methods.** The research materials are poems by Semyon Nikolaev and Bulat Okudzhava. The research methods include historical and genetic, comparative and typological, structural and semantic methods. We used textual, inter-textual, and contextual analysis of literary works. **Research results, discussion.** The specific sources of the inter-text of Semyon Nikolaev's poem "Aista-aista!" ("Let's!") have been identified and described. A consistent analysis of the author's concept, poem's

composition and motive structure has been carried out. We took into consideration the author's reminiscences from Bulat Okudzhava's poems "Let's exclaim!" and "The old students' song". **Conclusion.** The use of reminiscences is semantically and compositionally justified, and it is related to the author's specific artistic goals.

Keywords: Mari poetry; Semyon Nikolaev; contextual poetics; reminiscence; Bulat Okudzhava; motive; author's concept.

REFERENCES

Ajvarova N.G. Ehtnopsihologicheskie osobennosti samootnoshenija podrostkov v uslovijah semejnogo vospitanija (na primere marijskogo ehtnosa) [Ethno-psychological features of adolescents' self-attitude in conditions of family upbringing (on the example of the Mari ethnic group)]. Kazan', 2001, 22 p. (In Russian).

Bagdasarova I.R. Termin «reminiscencija» v iskusstvoznanii (teorija voprosa) [The term «reminiscence» in the art history (theoretical aspect)]. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen,* 2011, iss. 130, pp. 205-213. (In Russian).

Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. [An Encyclopedic Dictionary]. Slovari i enciklopedii na Akademike, available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/254062 (accessed 1 November 2025). (In Russian).

Literatura i jazyk [Literature and Language]. Ed. A.P. Gorkin. Moscow, Rosmen, 2006, available at: https://niv.ru/doc/dictionary/literature-and-language/fc/slovar-208-2.htm#zag-978 (accessed 10 October 2025). (In Russian).

Literaturnaja enciklopedija [Literary encyclopedia], available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3964/Реминисценция (accessed 11 January 2025). (In Russian).

Nikitina E.V. Etnomentalitet marijcev [Ethnic mentality of the Mari people]. *National mentalities: their study in the context of globalization and cultural interaction.* Eds. A.V. Pavlovskaja, G.Ju. Kanarsh, available at: https://web.archive.org/web/20170830235655/http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalno-psihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_marijcev_e_v_nikitina (accessed 20 October 2025). (In Russian).

Nikolaev S.V. Tunjan tazalykshe [The Health of the World]. Yoshkar-Ola, 1990, 192 p. (In Mari).

Okudzhava Bulat. Poeticheskij sbornik [Poetry collection], available at: https://lib.ru/KSP/okudzhava.txt (accessed 1 September 2025). (In Russian).

Pirogov German, available at: https://vk.com/wall181310130_593 (accessed 9 January 2025). (In Russian).

Ranchin A.M. «Skripi, moe pero…»: reminiscencii iz stihotvorenij Pushkina i Hodasevicha v poezii Brodskogo ["Squeak, my pen...": reminiscences from the poems of Pushkin and Khodasevich in the poetry of Brodsky]. *Joseph Brodsky and world culture*, available at: https://brodsky.rhga.ru/upload/iblock/fb5/»Скрипи,%20мое%20перо...»%20реминисценции%20из%20стихотворений%20Пушкина%20и%20Ходасевича%20в%20поэзии%20Бродского.pdf (accessed 8 November 2025). (In Russian).

Fedorova L.G. Reminiscencija [Reminiscence]. *Literary encyclopedia of terms and concepts.* Moscow, 2001, 870 p. (In Russian).

Савицкая Ульяна Николаевна
магистрант ФГБОУ ВО
«Марийский государственный
университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: Ulyana2407@mail.ru

Ulyana Savitskaya
Student of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: Ulyana2407@mail.ru

Кудрявцева Раисия Алексеевна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры финно-угорской
и сравнительной филологии
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: kudsebs@rambler.ru

Raisiya Kudryavtseva
Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Finno-Ugric
and Comparative Philology
of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: kudsebs@rambler.ru

ИСТОРИЯ

УДК 94(47)(=511.151)
DOI 10.51254/2312-0312-2025-4-72-92-118

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ МАРИЙСКОГО КРАЯ В ОСВОБОЖДЕНИИ СТРАНЫ ОТ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ В ПЕРИОД СМУТЫ НАЧАЛА XVII ВЕКА

© 2025 г. А.Г. Бахтин

Введение. В статье рассматриваются сложные и противоречивые события Смуты в начале XVII века. **Цель статьи** – показать, какой вклад внесли жители Марийского края в освобождение страны от польско-литовских интервентов, и устранить имеющийся пробел в истории края и марийского народа. **Материалы и методы.** Летописи мало сообщают о периоде Смуты, однако сохранилось много разных делопроизводственных документов. Привлекались также сочинения иностранцев. Для анализ имеющейся информации применялись конкретно-исторический и сравнительно-исторический методы. **Результаты исследования, обсуждение.** Сложные события начала XVII века втянули в водоворот политических страстей и жителей Марийского края. Пресечение царствующей династии привело к расцвету самозванчества. Население поддерживало претендентов и не знало, который из них «настоящий», парадокс состоял в том, что все были за царя. Этим воспользовались интервенты, попытавшись захватить и ограбить Россию с помощью силы и обмана. Необходимость противодействия иностранным захватчикам способствовала внутриполитической стабилизации и консолидации. Народы России объединились для освобождения страны, марийцы внесли свой вклад в общее дело. **Заключение.** Участие марийского народа в деле освобождения страны от интервентов ускорило победу и прекращение смуты.

Ключевые слова: черемисы; Смута; Первое и Второе ополчение; К. Минин; Д. Пожарский; П. Ляпунов; Д. Трубецкой; И. Заруцкий; И.Ф. Шереметев; самозванцы; Казань; Нижний Новгород; Москва; воинская повинность.

Введение

Сложным, трагичным и переломным в истории России стал период конца XVI – начала XVII века, известный как Смутное время. Обозначения лучше

не придумаешь. Это было время, когда все смешалось и было непонятно, где правда, а где ложь, в каком направлении нужно искать тот единственно верный выход из создавшейся драматической ситуации. Страна вступила в очередную (не первую и не последнюю) гражданскую войну. В истории Смутного времени выделяются две взаимосвязанные темы – это внутренние противоречия между жителями страны и вовлечённость иностранных государств, в первую очередь Речи Посполитой и Швеции, в меньшей степени Крымского ханства и Ногайской орды. Воспользовавшись ослаблением России, они пытались реализовать свои интересы. Особенно усердствовало Польско-Литовское государство, которое активно вмешивалось во внутренние дела России, поддерживало деструктивные элементы, в конце концов встало на путь открытой интервенции. Вторжение завоевателей отрезвляюще подействовало на одурманенное смутой население, стало стабилизирующим и объединяющим фактором. Осознав угрозу существованию самому государству, народ объединился, собрал силы, изгнал захватчиков с родной земли, восстановил государственность и приступил к залечиванию ран. Смута завершилась, государство начало укрепляться.

Цель статьи

История Смуты давно привлекает исследователей. Написаны многочисленные статьи и монографии. Есть работы по отдельным регионам, в том числе по Среднему Поволжью. Марийский край также оказался вовлечен в водоворот событий, и историки обращались к этой теме. В советское время больше внимания уделялось антифеодальной борьбе «против усиления крепостничества и произвола местной администрации». Замечательными историками Г.Н. Айплатовым [1964, с. 137–172] и Л.А. Дубровиной [1980, с. 3–65] были написаны содержательные работы о восстаниях в Марийском крае в этот период. Интерес к выступлениям народных масс во многом объяснялся существовавшей тогда политической парадигмой. Находящееся у власти руководство было заинтересовано в показе выступлений угнетённого народа против эксплуататорского феодального государства, социального угнетения. Куда меньше уделялось внимания участию населения края и всего региона в борьбе с иноземными завоевателями, что, впрочем, объясняется и состоянием источников. К очередному празднованию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в газете «Марийская правда» появился очерк Г.Н. Айплатова «Народные ополченцы» [1962, с. 4]. Он приводит примеры участия марийцев в борьбе с интервентами как в составе Первого ополчения, так и Второго. Две страницы посвящены участию марийцев в освобождении страны в книге С.А. Коробова «Прошлое марийского народа» [1957, с. 23–24]. Подробнее об этом написано в учебном пособии Д.М. Макарова [1959, с. 88–92]. В 1965 году вышли «Очерки истории Марийской АССР», где казанский историк

Е.И. Чернышев под отдельным пунктом написал о борьбе марийского народа с иностранной интервенцией [Очерки…, 1965, с. 113–114]. Практически то же самое, в несколько сокращенном виде, содержится в «Истории Марийской АССР», в главе написанной Г.Н. Айплатовым, А.Г. Ивановым и К.Н. Сануковым [История Марийской АССР, 1986, т. 1, с. 75]. Наиболее полную и содержательную статью «Участие населения Чувашии в борьбе против польской и шведской интервенции в начале XVII века», с опорой на комплекс источников, написал В.Д. Димитриев [1986, с. 180–218]. Историк основное внимание уделил роли чуваш и только попутно писал о марийцах, так как они жили рядом и разделить горных людей по этническому признаку часто не представляется возможным. Казанский историк И.Л. Измайлов в многотомной «Истории татар» посвятил целый параграф татарам и Казанскому краю в Смутное время. При этом наряду с другими народами упоминаются и черемисы [История татар…, 2014, т. V, с. 267–280]. В 2015 году А.Г. Иванов в «Истории Марий Эл» одним абзацем отметил заметное участие марийских ратников в борьбе с польско-литовскими интервентами [Иванов, 2015, с. 40–41]. Тот же текст содержится и в двухтомной «Истории Марий Эл», вышедшей в 2020 году [История Марий Эл…, 2020, т. 1, с. 98]. Современный историк Б.А. Илюшин пишет, что об участии в освобождавших Москву ополчениях мордвы, марийцев и чувашей у него «сведений нет» [Илюшин, 2021, с. 153].

Целью статьи является выяснение степени и формы участия марийцев в борьбе с польско-литовскими интервентами начала XVII века.

Материалы и методы

Источниковая база разнообразна. Летописание находилось в это время на стадии трансформации – исчезало погодное изложение событий и появлялись новые формы в виде тематических сочинений. Наибольший интерес представляет «Новый летописец». Он написан около 1630 года, и его сведения имеют расхождения с современными событиями документами. Есть материал по теме в хронографах – летописях, содержащих известия по всемирной (преимущественно греческой и болгарской) истории. Интересные сообщения есть в сочинениях иностранцев, у француза Жака Маржерета [2007] и англичанина Джерома Горсея [1990]. На первое место выходят актовые и делопроизводственные документы. Это современные событиям грамоты, запросы, указы, отписки. Они сохранились в немалом количестве, исходят от разных действующих лиц, а это дает возможность их проверки. Разрядные книги дают сведения о составе войск.

В работе применены конкретно-исторический и сравнительно-исторический методы исследования. Сопоставлены разнообразные аутентичные, нарративные и делопроизводственные документы.

Результаты исследования, обсуждение

Смута была вызвана целым комплексом причин. Пресеклась династия Рюриковичей. После смерти в январе 1598 года царя Фёдора Ивановича не осталось наследника. На престол взошел выдвинувшийся в годы опричнины Борис Годунов, не принадлежащий ни к Рюриковичам, ни к Гедиминовичам. Многие бояре считали себя более достойными для занятия царского места. Кроме того, в народном сознании, пусть и выбранный Земским собором, Борис Годунов не был вполне легитимным, это был царь от людей, а не от Бога. Все усугублялось широко распространённым среди населения слухом о причастности его к смерти царевича Дмитрия.

Страна еще не вышла из экономического кризиса, порождённого опричным террором и Ливонской войной. В 1601–1603 годах разразился голод, вызванный неурожаями. Цены на зерно выросли в десятки раз. Желая сохранить доходы в прежних размерах, феодалы усиливали эксплуатацию, расцветал произвол администрации и служилых людей на местах. Попытки Годунова решить проблему лишь усугубили ситуацию, стекающиеся в Москву люди умирали тысячами. Недовольное посадское и сельское население бежало на юг, объединялись в казачьи и разбойничьи ватаги, которые грабили по дорогам, нападали на купцов, дворянские и боярские имения и монастыри. Разбойники начали собираться в угрожающие по размеру отряды, начались восстания. Под Москвой был разбит большой отряд Хлопка Косолапа. Недовольной оставалась и дворянская масса, составлявшая самую боеспособную часть русского войска. Политическое значение дворян и детей боярских в годы опричнины существенно возросло, но материальное обеспечение не только не улучшилось, но и имело тенденцию к ухудшению на фоне общей неблагоприятной ситуации в стране. Служилые люди готовы были выступить за свои права и интересы. За всем происходящим в России внимательно наблюдали за границей. Беспокоили русские границы традиционные противники: крымские татары и ногайцы. Однако в целом активность кочевников в этот период не была большой из-за собственных внутренних проблем. Интерес к русскому Северу проявляли англичане. Куда большую опасность представляли Речь Посполитая и Шведское королевство. Одержав победу в Ливонской войне, они считали свои успехи недостаточными и готовы были использовать складывающуюся в России ситуацию в свою пользу. Они хотели получить русские земли, богатства и распространить католичество. На пользу России играло то, что эти страны находились во враждебных отношениях и не могли выступить союзниками, но цели у них были сходными. До поры иностранные государства не обозначали открыто своего вмешательства в российские дела, но соблазн воспользоваться ситуацией был велик.

В 1604 году в Польше появился человек, предположительно беглый монах Григорий Отрепьев, выдававший себя за будто бы спасшегося в 1591 году в Угличе царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного. В истории он

получил имя Лжедмитрия I. Не сразу, но он получил поддержку польской шляхты и короля. Ему дали деньги и разрешили набирать добровольцев. В октябре войско численностью около 6 тыс. чел. перешло русскую границу. Изначально по составу войско было иностранным. Русских эмигрантов в нем было мало, половину составляли украинские казаки, большая часть прочих представлена польско-литовской шляхтой. Однако после появления на русской территории к нему стали присоединяться в значительном количестве русские крестьяне, казаки, служилые люди и посадские. Войско самозванца приближалось к Москве. Борис Годунов скоропостижно скончался, занявший его место сын Фёдор II не пользовался поддержкой, вскоре был свергнут и убит. 20 июня 1605 года Лжедмитрий въехал в Кремль. Через 11 месяцев 15 мая 1606 года в результате заговора боярина Василия Шуйского его убили; погибло много пришедших в Москву поляков и литовцев [История России, 2024, т. 5, кн. 1, с. 87–116].

Первая попытка польской стороны добиться реализации своих планов успехом не увенчалась. Вскоре в Польше появился якобы чудесно спасшийся Лжедмитрий II, которого в некоторых источниках называют принявшим православие «жидовином Богдашкой». Собираясь с силами и опасаясь разоблачения, он в России не появлялся, однако туда явился его воевода из казаков Иван Болотников. Это движение известно как Первая крестьянская война в России. Она охватила не только западные и юго-западные территории, но и значительные области восточнее, в том числе и Марийский край. После первоначальных успехов Болотников был разбит и 10 октября 1607 года капитулировал в Туле [История России, 2024, т. 5, кн. 1, с. 121–137].

Однако это не прекратило смуту, западную границу осенью перешёл Лжедмитрий II, к которому присоединились многие сподвижники Болотникова. В июне 1608 году ему удалось подойти к Москве и занять село Тушино. Самозванца стали именовать «тушинским вором». Оттуда он начал рассылать указы и грамоты. В стране образовалось двоевластие. Существовало одновременно два царя, две Боярские думы, два патриарха и две администрации, даже своя монета чеканилась тушинцами. Значительная часть страны признала власть Лжедмитрия II. За Шуйским оставались Новгород Великий, Смоленск, Нижний Новгород, Рязань, Коломна, Казань, Урал и Сибирь.

В Среднем Поволжье с осени восстание набирало силу. Недовольное ростом ясачных платежей, повинностей и произволом воеводской администрации население оказалось вовлечено в борьбу на стороне «избранных» и самозванных царей. В регионе появились тушинцы в сопровождении польско-литовских отрядов. Многие татары, чуваши, черемисы, мордва присоединялись к ним. Казанский и Уржумский уезды продолжали сохранять верность Шуйскому, а Козьмодемьянский, Царевококшайский, Яранский и Царевосанчурский оказались на стороне Лжедмитрия. Крестьяне и посадские люди верили в «доброго царя», связывали с ним изменение своего положения.

Изначально в войске Лжедмитрия II польско-литовских наёмников было мало, чуть больше тысячи, но их численность неуклонно и быстро возрастала, уже в декабре набралось около 10 тыс. из 27 тысяч человек. Кроме того, к войску примкнул отряд в три тысячи запорожских казаков, соединившихся с донскими казаками под командой атамана Ивана Заруцкого. В составе войска Лжедмитрия II находились польско-литовские шляхтичи Адам Вишневецкий, Александр Лисовский, Роман Рожинский со своими отрядами. Войско возглавлял польский шляхтич гетман Николай Меховецкий, потом его сменил Роман Рожинский. Осенью 1608 года пришёл со своими людьми литовский шляхтич Ян-Пётр Павлович Сапега, ставший вторым гетманом у самозванца. К декабрю реальная власть в тушинском лагере оказалась в руках польских шляхтичей. На подконтрольных тушинцам территориях под предлогом реквизиций для войска началось ограбление населения, земли раздавались новым помещикам, крестьяне отдавались в крепостные. Всё это подрывало доверие к «царевичу Дмитрию» [История России, 2024, т. 5, кн. 1, с. 139–156].

Хотя поляки, литовцы, запорожцы и выступали первоначально в роли наёмников, но составляли до трети тушинского войска, политически доминировали, были активны, проявляли инициативу. С учётом последующего усиления иностранного вмешательства, можно говорить о начале иностранной интервенции со вторжения Лжедмитрия II.

Фёдор Фёдорович Нестеров в историко-публицистическом очерке «Связь времён» пишет: «Почти хрестоматийным считается утверждение, что угнетенная нация стремится сбросить с себя зависимость при первом удобном случае». При этом смотрят на любого противника своего угнетателя как на союзника, «следуя правилу: “Враг моего врага – мой друг”. Исходя из этой общепризнанной истины» можно «априорно заключить, что Казань, ещё хорошо помнившая свою самостоятельность и вековую вражду с Москвой, постаралась воспользоваться тем обстоятельством, что Московское государство переживало глубочайший кризис» [Нестеров, 1987, с. 110]. Действительно, окончание черемисских войн в 1592 году и начало иностранной интервенции отделяет каких-то 16 лет, ещё было живо поколение марийцев, хорошо помнившее трагические десятилетия падения ханства и последующих народных восстаний. Тогда руководители марийских повстанцев активно добивались помощи у Ногайской орды и Крымского ханства, приглашали их войска в Среднее Поволжье [Бахтин, 2025, с. 331–584]. Восстания прекратились. Проходит полтора десятилетия, появляется как бы естественный союзник в лице Польско-Литовского государства. Российское войско разгромлено, царя нет, столица захвачена, правительство не функционирует. Представился удобный случай для попытки восстановления независимости. Однако проявления сепаратизма со стороны нерусского населения бывшего Казанского ханства отсутствуют. Напротив, тысячи татар, марийцев, чуваш, удмуртов и мордовцев соединяются в рати и ополчения, громят иностранных

захватчиков и освобождают Москву и Россию. Сепаратизм проявляется только в странных и противоречивых действиях казанского дьяка Никанора Шульгина, не получившего поддержки ни среди русского населения Казани, ни у коренных жителей Поволжья [Корецкий, 1989, с. 240–267].

Мобилизационные возможности марийского народа были сильно подорваны потерями в ходе черемисских войн 1552–1592 годов и участия в Ливонской войне 1558–1583 годов. Однако к началу XVII века, видимо, за счет высокой рождаемости и стабилизации политической обстановки в регионе, в значительной степени восстановились. Служивший в начале XVII века русским царям француз капитан Жак Маржерет писал, что «есть войска Казани, которые, как считают, составляют вместе с черемисами почти двадцать тысяч коней…» [Маржерет, 2007, с. 149]. Побывавший в России тогда же шведский дипломат Петр Петрей де Ерлезунда писал, что черемисы могли «выставить в поле 20 тысяч войска» [Петрей, 1865, с. 29]. Исаак Масса преувеличенно пишет даже о 50 тыс. воинов из народов Поволжья в русских войсках [Масса, 1937, с. 35]. В действительности же в походах Ливонской войны участвовало одновременно около 3 тыс. воинов из бывшего Казанского ханства и марийцев среди них вряд ли было больше 800–900 человек [Бахтин, Соколов, 2021, с. 72].

Еще в составе Казанского ханства нетатарское население являлось полуслужилым и в случае войны обязано было собираться в ополчения и выступать на помощь ханским войскам. Ратная повинность была привычной для поволжского населения и сохранялась после присоединения региона к Российскому государству. Марийцы вместе с татарами, чувашами и мордвой участвовали в Ливонской войне, охраняли засечные черты и отражали нападения крымских татар и ногайцев. Царская уставная грамота от 1574 года Верхней Сюндырской и Ишлейской волостям Чебоксарского уезда предписывала «лутчим их людем с тое волости летом на далную службу с трёх дворов по человеку, а зимою з дву дворов по человеку, а на тамошнюю на ближнюю службу против нагай и против... з двора по человеку [Димитриев, 1986, с. 73]. Аналогично призыв происходил и в XVII веке. В разрядной книге по этому поводу записано: «а бывает им служба в те поры, как посылают всех понизовых городов служилых людей в болшую повалную службу, а с тех ясашных людей емлют в ту пору на службу с 3-х дворов по человеку» [Книга разрядная, 1855, т. 2, с. 189]. Разряды показывают, что в XVII веке марийцы могли выставить на службу от 5 тыс. до 6 тыс. воинов [Бахтин, Соколов, 2021, с. 75–78]. Полуслужилое положение ясачного марийского населения обуславливало их массовое участие в борьбе с интервентами.

23 сентября 1608 года литовский гетман Ян Сапега начал осаду Троице-Сергиева монастыря, который был не только богатым, но и важным центром Русской православной церкви. Захват монастыря также обеспечивал перехват ярославской дороги и блокаду Москвы с северо-востока. Осознавая угрозу,

Василий Шуйский послал на выручку большое войско во главе с боярином И.И. Шуйским, окольничим Г.П. Ромодановским и Ф.В. Головиным. В составе войска находились татары, чуваши и марийцы. В бою под Рахманцовым литовцы одержали победу и преследовали бегущих 15 вёрст. Поражение произвело гнетущее впечатление на уцелевших. Несмотря на уговоры царя, дворяне и дети боярские стали разъезжаться по домам. «Казанские и мещерские татаровя и чюваща и черемиса поехали по домам же» [Изборник…, 1869, с. 341].

Следующее свидетельство участия марийцев в борьбе с литовцами, «воровскими казаками» и тушинцами относится к осени 1608 года. К этому времени целый ряд городов вышел из подчинения самозванца. В декабре касимовский хан Ураз-Мухаммед писал, что «царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии изменили Болохна, да Павлов, да Галичь, да Кострома, да Ерославль…» [АИ, 1841, т. 2, с. 143]. В Галиче начали собирать ополчение «с сохи по сту человек» и добровольцев, «которые сами охотно идут головами». Они посылали «для ратных людей, на Устюг, и к Соле Вычегоцкой, и на Вятку, и во всё Подвинье, и в Пермь Великую». При этом галичане сообщали: «а черемисы у нас луговыя пришло в Галичь пять тысячь, а горняя сбирается головами» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 185]. На этот факт некритично ссылаются многие историки, обычно относя его к началу 1609 года [Костомаров, 1904, с. 357; Козаченко, 1939, с. 74; Коробов, 1957, с. 23; Макаров, 1959, с. 89; Айплатов, 1962, с. 4; Очерки…, 1965, с. 113; История Марийской АССР, 1986, т. 1, с. 75]. Прибытие в Галич ратников из луговых марийцев не исключается. На Луговой стороне в это время было ещё спокойно, восстанием она оказалась охвачена только в январе 1609 года. Ожидать же прихода горных людей вряд ли стоило, там поддерживали Лжедмитрия и ожесточённо сражались с царскими войсками. Однако отряд луговых марийцев не мог быть многочисленным. Вероятно, галичане в послании существенно завысили его численность, чтобы побудить соседей быстрее присоединиться к их ополчению. На это указывают последующие события. 23 ноября ополчение выдвинулось сначала к Костроме, затем к Ярославлю. Однако, как сообщали участвующие в походе ополченцы из Соли Галича, «под Ярославлем дети боярские, галичаня и костромичи, изменили». Верными Шуйскому остались только ратники из крестьян и посадских, которых объединившиеся с литовцами и казаками мятежники преследовали и окончательно разгромили у Костромы. Потом пан А. Лисовский занял Галич и, разграбив окрестности и истребовав с Соли Галича 250 рублей откупа, отступил. Грабежи литовцев, казаков и тушинцев сильно озлобили галичан. Несмотря на то, что их принудительно привели к присяге «царю Дмитрию», уже в феврале-марте 1609 года они собирали новое ополчение против грабивших страну иностранцев и «русских воров» [АИ, 1841, т. 2, с. 204–207]. При этом нигде о черемисах больше не упоминается, даже при перечислении сос-

тава ополчения, вряд ли их в галичской рати осенью 1608 года было больше нескольких сотен, если ещё не меньше. Значительный отряд не мог ускользнуть от внимания как галичан, так и их противников из противоположного лагеря.

В ноябре 1608 года в Казань пришёл из-под Астрахани остающийся верным В. Шуйскому воевода Ф.И. Шереметев, он двигался на помощь осажденной Лжедмитрием II Москве. Однако сил у него было для этого недостаточно. Поэтому воевода начал мобилизацию среди местного, в том числе нерусского, населения. Владимирский воевода, сторонник Лжедмитрия II, Михаил Вельяминов писал в декабре Яну Сапеге, «что де подымаютца Фёдор Шереметев сам из Казани со многими казанскими людми…» [Сборник…, 1879, с. 36].

Вскоре выступить к Москве воеводе мешало и то, что Горная сторона признавала Лжедмитрия. 22 декабря 1608 года под Чебоксарами и 1 января 1609 года под Свияжском он одержал убедительные победы над повстанцами. Сообщалось, что «воевода Фёдор Иванович Шереметев с товарыщи под Чебоксары воров побили на голову и многих живых поимали, а мордву де и черемису и татар Фёдор к шерти приводит, а приведчи идёт к Кузмодемьянскому со всеми людми и с нарядом…» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 197]. Из Казани писали, «что генваря в 1 день, Божьею милостию и Пречистыя Богородицы и всех святых молитвами, и государевым счастьем, казанские и свияжские служилые люди татар, черемису, свияжских и чебоксарских и цывилских и кокшайских и алатарских и арзамаских воров, под Свияжским многих людей безчислено побили на голову и трупу их легло побитых на семи верстах, а кололи их что свиней, и многих живых поимали и в Казань привели; а которые воришка утекли, и за ними послали легких людей…» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 198]. В тот же день Ф.И. Шереметев приказал письменного голове Мисюре Ивановичу Соловцову и стрелецкому голове Девятову Фёдоровичу Змееву «с сотнями и с приказы итти в Чебоксарской уезд в Кувшинскую и в Чемуршинскую и в Шарданскую и в Сугутцкую волость войною. А пришед им в те волости, приводити во всех деревнях к шерти татар и черемису, что им быти под государевою царёвою и великого князя Василья Ивановича всеа Русии высокою рукою навеки неотступным». Судя по наказной воеводской памяти, черемисы уже служили в его войске. Головам предписывалось «идучи в войну, посылати перед собою во все волости с грамоты татар и черемису и приказывати с ними, чтоб татарове и черемиса от воров отстали и вины свои ко государю принесли, а государь их пожалует, покроет вины их своею царьскою милостью; и которые волости обратятца и вины свои ко государю принесут, и им в те волости давать татаром и черемисе от войны опасные грамоты…» [АЮ, 1864, т. II, с. 672–673].

Тем временем польско-литовский король Сигизмунд III перешёл к открытой агрессии. Его не устраивало то, что Лжедмитрий II не смог добиться решительной победы над Василием Шуйским. Поводом для объявления войны

России стал договор от 28 февраля 1609 года Москвы со шведским королём. Уступая шведам Карелию, русский царь получал взамен 15-тысячный корпус Якоба Делагарди. Польша в это время воевала со Швецией и сговор Москвы со Стокгольмом был воспринят в Варшаве как направленный против Польши. Хотя король прежде заверял царя в том, что Лжедмитрий к нему отношения не имеет. Летом польские войска перешли границу и в сентябре осадили Смоленск. Сигизмунд начал призывать тушинцев переходить к нему на службу. Значительная часть поляков, литовцев и отчасти русских покинула Лжедмитрия, тушинский лагерь в декабре распался, сам он бежал в Калугу [История России, 2024, т. 5, кн. 1, с. 172–193].

Прекращению восстаний в Поволжье и мобилизации в войско Ф.И. Шереметева, очевидно, способствовали и направленные нерусскому населению Поволжья 12 апреля 1609 года грамоты В. Шуйского, в которых он писал «что воры руские люди, забыв Бога и православную крестьянскую веру и свои души, содиначась с такими ж воры с литовскими людми, душами своими погибают, приводя к воровскому крестному целованью руских людей, а иноверцов к шерти, Московское государство разоряют, пустошат и грабят, и многую напрасную кровь проливают, и жон и детей руских и ваших иноверцов поругают и в полон в Литву отсылают. И как к вам ся наша грамота придёт, и вы б князи и мурзы и татарове служилые, и ясачные чюваша и черемиса и вперёд потому ж, памятуя Бога и свою правду, на чом нам шертовали, нам служили и прямили, и по воровской смуте разорять себя не давали, и наше к себе жалованье и свою к нам прошлую службу памятовали, как нам служили». Царь прощал самовольный уход татар, чуваш и марийцев из-под Москвы в сентябре 1608 года и обещал пожаловать «великим своим жалованьем свыше прежнего, и любити вас за вашу правду, а в доходех своих велим вам полготить на многие годы…» [Сборник…, 1879, с. 96–97].

Шереметеву удалось добавить в своё войско достаточно представителей поволжского населения, чтобы выдвинуться к Москве. В июне под Костромой и Кинешмой он разгромил польского полковника А. Лисовского и тушинца И.Ф. Наумова, одержал ещё ряд побед [ПСРЛ, 1910, т. XIV, с. 89].

7 сентября Ф.И. Шереметев предпринял попытку освободить Суздаль, но потерпел поражение от А. Лисовского и с потерями отступил во Владимир. В середине ноября рать Ф.И. Шереметева соединилась с войсками М.В. Скопина-Шуйского в Александровой слободе [Пудалов, 2011, с. 22]. 30 ноября 1609 года устюжане писали соликамцам о Ф.И. Шереметеве, что «идут с ним воинские люди казанские татарове, и черемиса, и чуваша, и мордва вся головами и все понизовые городы к Москве. Уж де прошол Нижней Новгород, а чаять де пришёл уж к Москве…» [Действия…, 1912, т. XI, с. 42].

Русское войско достигло 20 тыс. чел. К нему присоединилось шведское 15-тысячное войско Я. Делагарди. Им удалось нанести тушинцам и польским,

литовским, немецким наёмникам и запорожцам целый ряд поражений. Под Торопцом разгромили польского ротмистра Яна Кернозицкого, под Торжком и Тверью польского полковника Александра Зборовского. 19 августа под Калязином Скопин-Шуйский разбил Я. Сапегу и ещё раз его же 28 октября под Александровой слободой. 12 января 1610 года поляки отступили от Троице-Сергиева монастыря, а 27 февраля оставили Дмитров. 12 марта Скопин-Шуйский вступил в столицу. Казалось, освобождение страны близко, однако при загадочных обстоятельствах талантливый 23-летний полководец скоропостижно скончался 23 апреля 1610 года. Уже современники говорили, что он мог быть отравлен братом царя Дмитрием Шуйским, опасавшимся, что популярный полководец со временем сможет занять место бездетного Василия Шуйского, которому он приходился дальним родственником. Возможная причастность Василия Шуйского к смерти полководца привела к резкому падению авторитета царя. 24 июня его бездарный брат Дмитрий и предполагаемый убийца проиграл битву под Клушино гетману Станиславу Жолкевскому. Дорога на Москву оказалась открытой, царя и столицу защищать стало некому. 17 июля Василий Шуйский был смещён и насильно пострижен в монахи, власть перешла к правительству из семи бояр, известному как Семибоярщина во главе с Ф.И. Мстиславским. В состав правительства входили И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой, А.В. Голицын, Б.М. Лыков-Оболенский, И.Н. Романов и Ф.И. Шереметев.

Желая прекратить войну и найти компромисс, они пригласили на русский престол сына польского короля Владислава. В августе состоялся ограниченный по составу участников Земский собор, заключивший соглашение с гетманом Жолкевским о приглашении на русский престол наследника польского престола королевича Владислава на условиях личной унии; от Владислава требовалось принятие православия и недопущение в Россию польских войск. Патриарх Гермоген первоначально поддержал это соглашение [История России, 2024, т. 5, кн. 1, с. 197–213].

Опасаясь захвата города Лжедмитрием, в ночь с 20 на 21 сентября бояре впустили в столицу польско-литовские войска. Сначала гарнизон возглавлял Станислав Жолкевский, затем его сменил Александр Гонсевский. Договор о призвании Владислава на трон был заключен не кучкой «изменников-бояр», а всеми чинами русского общества, бывшими на тот момент в Москве, они ожидали от этого акта прекращения Смуты и сохранения территориальной целостности Русского государства [Пудалов, 2011, с. 26]. Как только было достигнуто соглашение с поляками, правительство Семибоярщины начало рассылать во все концы страны грамоты с призывом целовать крест королевичу Владиславу. 30 августа такую грамоту послали в Казань. Боярин Ф. И. Мстиславский писал, что и «к татаром и к чуваши и к черемисе Казаньского уезда и во все городы казаньские посланы от нас грамоты, татарским писмом…» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 282]. О письмах черемисам сообщалось и ранее в XVI веке,

но только из этого известия становится понятно, что они писались на татарском языке и арабской графикой.

Однако ожидания российского общества не оправдались, по факту произошёл акт национального предательства, русских в очередной раз обманули, т.к. польская сторона условия не соблюдала. Королевич Владислав принимать православие отказывался и вообще в Москву не явился, король Сигизмунд в нарушение условий мира сам хотел занять российский трон, польско-литовские войска продолжали оккупировать русские земли и осуществляли массовые грабежи. Английский дипломат Джером Горсей, живший в России с 1573 по 1591 год и продолжавший интересоваться российскими делами, писал о польско-литовских интервентах: «Они стали оскорблять и притеснять русских повсюду ещё сильнее, чем раньше; захватили их имущество, деньги, сокровища и богатства; многие переправляли товары и казну в Польшу и Литву… русские покорились и стали вассалами, признав короля Польши своим царём и правителем, и просили его официальной грамотой, сохраненной в записи их царствий, чтобы его сын стал их царём, был коронован и жил бы среди них в Москве. Но король не согласился на это и не доверил им особу своего сына, паны польские также не хотели этого, так как были властными вельможами и считали, что этим лишат корону польскую удачного преемника, подающего большие надежды, а кроме того, они не хотели оказать русским такую честь; они лишь вводили, подобно своим, то одни, то другие законы, чтобы подчинить страну и управлять ею по своей воле, пока её судьба не определится окончательно» [Горсей, 1990, с. 137–138]. Бояре после занятия Кремля поляками превратились в заложников, посланная к королю делегация арестована. В январе 1611 года из Казани на Вятку об этом писали: «...бояре князь Ондрей Васильевич Голицын да князь Иван Михайлович Воротынской за приставы; а живут на своих дворех, а приставлены у них литовские люди» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 291]. Страной от имени отстранённой от власти Боярской думы управлял А. Гонсевский.

В этих условиях возросли шансы на победу у Лжедмитрия. После того как поляки, литовцы и запорожцы ушли к Сигизмунду, его войско стало преимущественно русским, а после поражения Д. Шуйского под Клушино и свержения В. Шуйского оно оказалось единственной организованной русской силой, способной противостоять интервентам, а Лжедмитрий единственным «русским» претендентом на трон.

Грабежи и насилия, совершаемые польско-литовскими отрядами в русских городах, селениях и деревнях, а также межрелигиозные противоречия между православными и католиками вызвали неприятие польского господства – многие города отказывались признавать Владислава русским царём, оказывали сопротивление и присягали на верность Лжедмитрию II. Целовали крест «тушинскому вору» даже те города, которые ранее этого не делали. В Казани присягнули

9 января 1611 года через месяц после гибели самозванца, ещё не обладая такой информацией [ААЭ, 1836, т. 2, с. 291]. В условиях иностранной оккупации Лжедмитрий и его войско превращались в естественный центр притяжения патриотических сил. К этому времени прекратились восстания в Среднем Поволжье, затухшие сами собой. После возвышения роли Лжедмитрия, выступавшие за него повстанцы стали консолидироваться с местной администрацией в борьбе против общего врага – польско-литовских интервентов.

В сентябре 1610 года отряды самозванца освободили от польского владычества Козельск, Мещовск, Почеп и Стародуб. В начале декабря Лжедмитрий II разбил войска гетмана Сапеги. Однако отношение к самозванцу оставалось неоднозначным даже среди его окружения. Он к тому времени уже сильно себя скомпрометировал. Заподозрив в измене, Лжедмитрий II казнил своего сторонника касимовского хана Ураз-Мухаммеда. В отместку крещёный татарин Пётр Урусов 11 декабря убил претендента на московский престол во время охоты [История России, 2024, т. 5, кн. 1, с. 213–220].

В Рязани начало собираться Первое ополчение во главе с Прокопием Ляпуновым, к которому перешли многие сторонники погибшего самозванца – князь Дмитрий Трубецкой, казачий атаман Иван Заруцкий и многие другие. Шли на соединение и отряды из Среднего Поволжья. 31 января в грамоте в Нижний Новгород П. Ляпунов писал, что «понизовая сила» стоит под Шацком и готова идти к нему на соединение [СГГД, 1819, ч. 2, с. 498]. В феврале из Ярославля писали в Вологду, что «из Нижняго писали к нам в Ярославль, что рязанские и северские городы в собраньи многие люди, и из понизовых городов, и из Казани, и из Нижняго ратные многие люди идут в сход к ним же на польских и на литовских людей, к Москве… А из Нижняго в Володимер ратные люди пришли, а из Казани идут же» [СГГД, 1819, ч. 2, с. 512]. Ярославцы писали, что на соединение с П. Ляпуновым подходят «из Нижнево с воеводою со князем Александром Ондреевичем Репниным понизовные люди и казанцы» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 313].

В Москве встревожились. Гонсевский стягивал польско-литовские силы из близлежащих мест. Формально существующее правительство Семибоярщины просило у польского короля срочной помощи и, главное, прислать наконец-то королевича Владислава на пустующий московский престол. Сведения об этих просьбах содержатся в письме Сигизмунда III в Москву, в котором он, по традиции того времени, пересказывает содержание присланной к нему русскими боярами грамоты. Они писали королю, что «учала быти во многих городех смута» и причиной этому являются слухи о том, что король не хочет дать сына, желает присоединить Россию к Польско-Литовскому государству «и веру христьянскую превратити в латинскую и в ыные веры…». Целовавшие крест польскому королевичу города отказываются подчиняться, «денежных доходов к Москве не везут и впредь давати не хотят». Города сговариваются

«против нас стоять, и полских и литовских людей из Московского государства высылати и с ними битца». На окраинах не только вышли из подчинения, но и стали проявлять сепаратизм: «А про Астрохань у вас слух есть, что изсослався с Казанью и с ыными городы, которые подошли к татарской стороне, хотят отложитца к перситцкому шаху; и ныне Казань, и Астрохань, и черемиса и полевые городы, и подбелские и сибирские городы, и Пермь и Вятка наших грамот ни в чём не слушают и доходов никаких к Москве не везут…» [Действия…, 1912, т. XI, с. 86].

17 марта 1611 года в Москве произошли столкновения горожан с оккупантами, началось восстание, которое, однако, было жестоко подавлено, погибло семь тысяч москвичей, князь Д. М. Пожарский ранен. Выступление оказалось преждевременным. Основные силы Первого ополчения подошли к городу только 24 марта. Начались бои с польско-литовским гарнизоном. В мае ополченцы контролировали Земляной и Белый город, за интервентами оставался Китай-город и Кремль. Тем не менее сил для победы оказалось недостаточно. Руководители ополчения создали временное правительство с приказами. Средним Поволжьем управлял приказ Казанского и Мещерского дворца [Димитриев, 1986, с. 189]. В разные концы страны направлялись призывы присоединиться к ополчению и «Московскому государству помочь учинить». Такое послание прислали и в Казань с князем Иваном Семёновичем Путятиным [СГГД, 1819, ч. 2, с. 523]. Интересна отписка Прокопия Ляпунова в Суздаль от 23 марта. Определяя места сбора идущих на соединение с ополчением отрядов (в том числе казанским людям в Коломне), он писал о себе: «А я, господа, не иду на Коломну за тем, дожидаюсь из под Шацкого Ивана Карназицкого; а с Иваном, господа, мордва, и черемиса луговая и нагорная, и чуваша, и темниковцы, и алатарцы, и иных многих городов людей тысячь с сорок и болши; а в кой, господа, час Иван Карназицкой со всею ратью ко мне придёт и я, господа, в тот час пойду на Коломну со всеми людми…» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 312]. Видимо, руководитель ополчения существенно завысил численность отряда И. Карназицкого, чтобы сподвигнуть адресатов скорее присоединиться к столь значительным силам. Однако послание Ляпунова не оставляет сомнения в том, что в составе войск находился большой марийский отряд.

В том же месяце новгородцы писали, что на соединение с ополчением идут «из Нижнево с воеводою со князем Александром Ондреевичем Репниным понизовные люди и казанцы…» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 313]. Есть большая вероятность, что среди них находились и марийские воины. В апреле руководители ополчения писали в Казань и просили идти на соединение: «А вы б, господа, бояре и дворяне, и дети боярские и всякие служивые люди, и князи, и мурзы, и татаровя, и новокрещены, и чюваша и черемиса всее Луговой стороны, и изо всех городов Казанскова государства всякие ратные люди, собрався, шли, не замешкав на земскую службу к Москве, наспех…». Тре-

бовались и деньги на содержание войска: «...и что есть в зборе в Казани денежных всяких доходов прежних годов и нынешняго 119 году, и вам бы, господа, для избавления крестьянские веры и всего Московского государства, прислати вскоре ратным людем для скудости, чтоб от Москвы ратные люди не розбрелися» [СГГД, 1819, ч. 2. с. 536]. В Казани отреагировали и 12 июня писали пермичам, «что нам быти со всею землею в любви и в совете, и в соединенье, и против врагов, разорителей крестьянския веры, полских и литовских людей, со всею землею стояти заодин и итти под Москву, в сход к бояром и ко всей земле, очищати Московское государьство от полских и от литовских людей». Казанцы сообщали, что «вся земля Казанского государьства, и в Свияжском, и в Чебоксарех, и во всех понизовых городех, крест целовали». Это означает, что и в городах Марийского края аналогично принесли присягу. При этом они писали, что «в Казани денег в сборе нет, потому: всяких доходов с чуваши и с черемисы, с дворов ясачных и с вотчин оброчных денег, не имано, для смутного времени по три годы, ни одной денги; и кабаки заперты были по многое время, и таможенных пошлин взяти было не с чего, сверху и снизу ни из которых городов болших соляных и никаких судов не было». Казанцы собирали войско и просили не мешкая прислать к ним «ратных бы пермских людей с лучным и вогненным боем, … чтоб им казанскую рать в Казани застати и итти в сход под Москву с ними вместе» и прислать денег, «чтоб за тем казанским и чебоксарским ратным людем в службе мешкоты не было» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 319]. В июле с просьбой поспешить к казанскому руководству обратился архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий и келарь Авраамий Палицын [ААЭ, 1836, т. 2, с. 328–240].

Казанская рать во главе с боярином Василием Петровичем Морозовым прибыла в Москву в июле, «а с ним пришли казанцы и свияженя и казанских пригородов дворяне и дети боярские и головы стрелецкие с приказами с стрельцами и служилые князи и мурзы и татаровя». Марийцы и чуваши будто бы не упоминаются, но обязанные выставлять на службу определенное число воинов, они могли быть среди казанцев, свияжцев и татар. Согласовав свои действия с казаками, В.П. Морозов атаковал Новодевичий монастырь, занятый литовцами и гайдуками. Монастырь взяли. Как сообщает хронограф, многих литовцев и гайдуков побили, прочих взяли в плен. Среди штурмующих погибло немного, но раненых оказалось куда больше [Изборник…, 1869, с. 352]. Авраамий Палицын также пишет об участии казанской рати в занятии Новодевичьего монастыря и Белого города [Сказание…, 1955, с. 216–217].

В августе из Казани в Пермь сообщали, что «всякие люди Казанского государьства, и князи, и мурзы, и татаровя, и чюваша, и черемиса, и вотяки, сослалися с Нижним Новым городом и со всеми городы поволскими, и горными, и луговыми, и с горными и с луговыми тотары, и с луговою черемисою, на

том, что нам быти всем в совете и в соединенье и за Московское и за Казанское государьство стояти» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 246].

Тем временем успешно начатое дело по освобождению страны застопорилось. Начались проблемы с обеспечением, упала дисциплина, боевые действия практически не велись, ополченцы разбредались, занимались грабежами. Усиливались противоречия между дворянами и казаками. Казаки предпочитали все вопросы решать на «казачьем кругу» без учёта интересов всего ополчения. Этим воспользовался командующий польским гарнизоном в Кремле А. Гонсевский. Изготовленной подложной грамоты, где указывалось от имени Ляпунова расправляться с казаками, оказалось достаточно для того, чтобы 22 июля казаки его убили. Лишившись деятельного руководителя, Первое ополчение распалось, одни отряды продолжали осаду, другие отстранились от боевых действий, третьи ушли от Москвы. Используя ситуацию, поляки перешли в наступление и даже смогли в августе отбить Новодевичий монастырь и Никитские ворота. На большее сил не хватило [История России, 2024, т. 5, кн. 1, с. 263–285].

Пытаясь исправить положение с призывами твёрдо стоять за православную веру, восставать против интервентов и не признавать «Маринкина сына», рассылал грамоты из Москвы патриарх Гермоген. Он в это время уже находился в заточении в Чудовом монастыре, но через своих сподвижников находил способы передавать воззвания. Патриарх настоятельно рекомендовал церковным иерархам инициировать письменное обращение к боярам, в котором содержались бы наставления по предотвращению грабежей, пьянства и иных форм аморального поведения, а также подчеркивалась важность поддержания духовной чистоты и братских отношений; в своем обращении он акцентировал внимание на необходимости следования клятве верности и готовности пожертвовать собственной жизнью ради защиты православной веры, с последующим исполнением этой клятвы на практике [ААЭ, 1836, т. 2, с. 243–244].

Стала очевидной опасность окончательного опустошения страны польско-литовскими отрядами и «воровскими казаками». Новым центром освободительной борьбы стал Нижний Новгород. Купец и земский староста Кузьма Минин в сентябре выступил со страстным призывом созвать новое ополчение. Его инициатива получила поддержку, народ стал жертвовать своим имуществом, способные держать оружие становились в ряды нового Второго ополчения. Для найма служилых людей нижегородцы уполномочили Кузьму Минина сбирать «третью деньгу» (то есть треть состояния), при этом в сборе денег сочеталась добровольность и принудительность [Пудалов, 2011, с. 36]. По просьбе нижегородцев в октябре возглавил Второе ополчение излечившийся от ран Д.М. Пожарский [ПСРЛ, 1978, т. XXXIV, с. 217]. Зачисленным в ополчение ратникам определялось достойное жалованье смотря по службе, по «первой статье давали по 50 рублёв, а другой по 45 рублёв, третьей по 40 рублёв, а меньши 30 рублёв не было» [Изборник…, 1869, с. 353].

Руководители обращались в разные города с призывом присоединиться, и помощь шла со всех сторон, в том числе и из Казани. В декабре Д.М. Пожарский и его сподвижники писали в Вологду: «Ныне мы, Нижнего Новагорода всякие люди, сослався с Казанью и со всеми понизовными городы и с поволскими, собрався со многими ратными людми, видя Московскому государьству и верховым городам от полских и литовских людей конечное разоренье, прося у Бога милости, идём все головами своими в помочь к Московскому государьству… А мы, свестяся с Казанью и с понизовыми городы, собрався со многими ратными людми, прося у Бога милости, идём на полских и литовских людей, которые ныне стоят под Суздалем. А из Казани, и из Свиязского, и из Чебоксара и изо всех понизовских городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими; а передовых людей, из Казани, и голов с стрелцами к нам послали и идут к нам вскоре» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 249–250].

Сохранилась переписка с курмышским воеводой Смирным Васильевичем Елагиным. Он был назначенцем Трубецкого и Заруцкого и не спешил выполнять распоряжения из Нижнего Новгорода. Один из руководителей ополчения Иван Биркин требует присылать денежные сборы в Нижний Новгород «ратным людям на жалованье». Далее Биркин пишет Елагину: «Да и ратных бы тебе людей в Нижней, высылати не мешкая, для того, что казанским и всех понизовых городов всяким ратным людем сходитца в Нижней и итти всем с столником и воеводою с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским да со мною, с Иваном, в помощь Московскому государству под польских и литовских людей» [Летопись занятий…, 1862, вып. 1, с. 9–10].

Между ополчениями шла конкуренция за ресурсы. В феврале 1612 года арзамасский воевода Иван Путятин писал С.В. Елагину: «И тебе бы, господине, по боярскому уговору по совету всей земли, курмышен дворян и детей боярских и татар курмышских новокрещенов и черемису и всяких служилых людей выслати на земскую службу с головами» не в Нижний Новгород, а во Владимир, подчиняющийся Первому ополчению. И просил «отписати и в Казань и Свияжской и в Чебоксар и во все понизовые городы, для ратных людей поспешенья» [Летопись занятий…, 1862, вып. 1, с. 18].

9 февраля уже из Казани писали С.В. Елагину, чтобы он «Курмышскаго города ратным людям и татарам и чуваше и черемисе» не препятствовал идти «на земскую службу» в Нижний Новгород. «Головы стрелецкие с приказы и князи и мурзы и новокрещены и служилые татаровя и чуваши и черемиса и вотяки идут в Нижней на земскую службу тот час, и вам бы, господа, курмышских ратных людей в Володимер не посылати, а послати их в Нижней на въсход к ратным людям верховых и низовых городов». Казанские руководители Никанор Шульгин и Степан Дичков грозили воеводе прийти на него ратью, если он не присоединится к нижегородцам [Летопись занятий…, 1862, вып. 1, с. 21–23].

Заподозрив С.В. Елагина в саботаже, 13 февраля Дмитрий Пожарский и Василий Юдин обратились к жителям Курмыша и уезда напрямую: «А ратных бы людей курмышан: дворян, и детей боярских, и сотников стрелецких с стрельцы, и тарханов, в чувашу, и черемису выслали на земскую службу в Нижней Новгород, со всею службою тотчас» [Летопись занятий…, 1862, вып. 1, с. 24].

Изначально сбор нового ополчения объявлялся в помощь Первому, однако служилых людей и средств под Москву не посылали, концентрируя их в Нижнем Новгороде. К февралю 1612 года, после того как подмосковные «таборы» целовали крест «псковскому вору» Лжедмитрию III (некоему Сидорке) и разложение войск Д.Т. Трубецкого стало очевидным, руководители Второго ополчения открыто заявили о самостоятельности своих действий [Пудалов, 2011, с. 38].

Нижегородский историк Б.М. Пудалов обращает внимание на то, «что, судя по тексту сохранившихся грамот, инициаторы созыва ополчения избегали националистических лозунгов: преобладало понятие «вся земля», а русское православное население не противопоставлялось другим подданным Русского государства. В конечном счете это обстоятельство обеспечило поддержку К. Минину и Д.М. Пожарскому мусульман и служилых иноземцев («немцев и литвы» – протестантов и католиков), воевавших в составе ополчения» [Пудалов, 2011, с. 40]. Добавлю, что это же самое можно сказать и в отношении нерусских народов Поволжья.

В феврале 1612 года Второе ополчение выступило в направлении Ярославля. В середине марта заняли Кострому и в начале апреля вошли в Ярославль, где и базировались до июля. Нахождение в это время в составе войска отрядов из Среднего Поволжья, доказывает рассылка грамот, в том числе и от «Казанского государьства князи и мурзы и татаровя» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 253]. В мае Д.М. Пожарский писал в Новгород и указывал, что он «с казанскими и всех понизовых городов князи и мурзы и с тотары» стоит «под Москвою и в Ярославли». Об этом же свидетельствует и отписка новгородского митрополита Исидора в июне во Второе ополчение. В начале послания тот перечисляет кому оно адресовано и среди многих называет «и понизовых городов царьства Казанского и иных всех городов князем и мурзам и татаром и литве и немцом, которые служат в Московском государьстве, всех чинов всяким людем всех городов Московского и Казанского государства» [ААЭ, 1836, т. 2, с. 263–264].

О нахождении значительного казанского отряда в составе ополчения свидетельствует и введение воеводами В.А. Звенигородским и А.С. Алябьевым в Нижегородском уезде специального сбора для его обеспечения. В апреле с этой целью собрано 559 четвертей без полуосмины овса, на сено 180 рублей 32 алтына и 3,5 деньги [Действия…, 1912, т. XI, с. 172].

Рассуждая об активном участии поволжского населения в борьбе с интервентами, известный чувашский историк В.Д. Димитриев писал: «В уездах Чувашии, как и в других поволжских национальных районах, ополченцев из

ясачных людей призывали, вероятно, по традиционному принципу – с трех ясаков одного воина. Участие ясачных чувашей, как и других социальных групп, в Нижегородском ополчении в основном связано было с выполнением ими воинской повинности, которая, однако, в данном случае неслась не по повелению царского правительства, а по просьбе и требованию руководства ополчения и местных воевод. Было бы преувеличением сказать, что чувашские и другие нерусские крестьяне руководствовались в те времена высоким чувством патриотического долга. Однако они осознавали угрозу, нависшую над страной, опасность дальнейшего усиления гнёта и произвола в случае порабощения России иноземцами» [Димитриев, 1986, с. 194].

Из Казани в Ярославль прибыл большой отряд во главе со стряпчим И.И. Биркиным. Однако он не поладил с руководством ополчения, претендуя на большую власть. По распоряжению дьяка Н. Шульгина, он увёл большую часть отряда обратно в Казань. В Ярославле из казанского отряда осталось 152 человека: татарский голова Лукьян Мясной, стрелецкий голова Постник Неелов, 20 татарских князей и мурз, 30 дворян и 100 стрельцов [ПСРЛ, 1978, т. XXXIV, с. 119–120].

Находясь в Ярославле, Пожарскому приходилось выстраивать отношения с оккупировавшими Новгород шведами, хотевшими посадить на русский престол своего королевича Карла-Филиппа и договариваться с остатками Первого ополчения во главе с Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким. Требовалось нейтрализовать шведов и установить союз с Первым ополчением.

Тем временем Первое ополчение, в составе которого находились и ратники из Поволжья, сражались в Москве. В конце мая они отразили попытку прорыва к Кремлю гетмана Яна Кароля Ходкевича, 27 июня безуспешно штурмовали Китай-город. Хотели захватить Москву до подхода рати Д.М. Пожарского, но ничего не получалось.

24 июля передовой отряд Второго ополчения М.С. Дмитриева и Ф. Левашова из 400 всадников прибыл в Москву. 2 августа к ним присоединилось 700 всадников во главе с князем Д.П. Лопатой-Пожарским. Основные силы числом около 10 тыс. подтянулись 20 августа. Отношения между Вторым и Первым ополчениями оставались напряжёнными, полного доверия не было, но они делали общее дело. Второе ополчение состояло преимущественно из дворян и детей боярских и было хорошо снаряжено, в то время как в Первом ополчении преобладали казаки и тушинцы, обеспечены они были куда хуже и их постоянно обвиняли в разбоях и грабежах. К этому времени большая часть дворян во главе с В.П. Морозовым покинула Первое ополчение и соединилась со Вторым. Как раз в его отряде служили татарские, чувашские и марийские воины.

То, что во Втором ополчении находились черемисы, однозначно свидетельствует грамота Д. Пожарского, написанная в самый разгар боёв за Москву

в августе иностранным офицерам об отказе им в найме. Воевода писал: «Мы бояре, и воеводы, и чашники, и столники, и дворяне болшие, и стряпчие, и дворяне из городов, и приказные люди, и дети боярские, и стрелцы, и казаки и всяких чинов служилые люди, и гости и торговые и всякие посадцкие жилетцкие люди, также розных государств цари и царевичи, которые служили прежним государем в Росийском государстве, и царства Казанского и Астараханского и иных понизовных городов князи и мурзы, и татарове, и черемиса, и чуваша, и литва и немцы, которые служат в Московском государстве… да и те люди, которые были в воровстве с полскими и с литовскими людми и стояли на Московское государство, видя полских и литовских людей неправду, от полских и литовских людей отстали, и стали с нами единомышленно против полских и литовских людей, и бои нам с полскими и с литовскими людми были многие, и многих полских и литовских людей побиваем, и городы, которые были за полскими и литовскими людми, очищаем к Московскому государству, и что где зберётца з земли каких доходов, и мы то даем нашим ратным людем, стрелцом и казаком» [СГГД, 1819, ч. 2, с. 606].

Казанцы упоминаются как участники боёв за Москву в грамоте Д. Пожарского и Д. Трубецкого от 15 ноября новгородскому митрополиту Исидору [ДАИ, 1846, т. 1, с. 292].

С 22 по 24 августа происходили ожесточённые сражения с пытавшимся прорваться к Кремлю гетманом Ходкевичем. У него было 5 тыс. чел. хорошо обученных воинов. Около 4 тыс. чел. составлял польско-литовский гарнизон Кремля. С гетманом пришло ещё 8 тыс. запорожских казаков, но они заняли выжидательную позицию и в сражении не участвовали. Первое ополчение численностью в 5–6 тыс. чел. тоже не спешило ввязаться в сражение, однако в решительный момент 500 казаков нанесли результативный удар и спасли положение. Были и другие успешные действия. Так, казаками был перехвачен направлявшийся к осаждённым обоз. Понеся значительные потери, Ходкевич 28 августа отступил.

22 октября пал Китай-город, 26–27 октября капитулировал и польский гарнизон, находившийся в Кремле. Тогда же была отражена запоздалая попытка Сигизмунда III пробиться к Москве. В феврале 1613 года Земским собором из многих кандидатов на русский престол был избран 16-летний Михаил Фёдорович Романов. И хотя он стал царём «не от Бога», а выбран «всей землёй», натерпевшийся бед от многочисленных самозванцев российский народ начал консолидироваться вокруг молодого царя, связывая с ним надежду на политическую стабилизацию. Однако Смута на этом не закончилась [История России, 2024, т. 5, кн. 1, с. 315–319].

Джером Горсей несколько преувеличенно писал о ключевой роли нерусских народов в освобождении страны: «Бунты и недовольство черемисы луговой, ногайцев, мордвы, татар, черкесов с их князьями и правителями, которые

были хорошими воинами и наездниками, были вызваны тем, что при русском царе они привыкли к лучшему обращению, а теперь терпели стеснения в своих привилегиях от поляков; они оказали и себе и русским большую услугу. Собравшись в большое войско, они напали на поляков и поставили их в опасное положение: грабили, убивали и истребляли их, заставив поспешно бежать с тем, что они успели награбить и захватить. Так они очистили всю страну» [Горсей, 1990, с. 138].

Поляки и литовцы не оставляли попыток вернуть утраченные позиции, Новгородскую землю оккупировали шведы, в Нижнем Поволжье орудовал атаман И. Заруцкий, грезивший о захвате власти в Москве с помощью Маринкина сына Ивана. Ногайцы совершали набеги на окраины государства. Перед новым правительством встала задача завершения освобождения страны и наведения порядка.

Весной 1613 года в Тихвине вспыхнуло восстание против шведов. Шведы прислали войска для возвращения города под свою власть. Однако из Москвы на помощь восставшим выступил полк Ф.С. Плещеева, в котором были разных городов «дворяне и дети боярские, и татаровя». 15 сентября шведы отступили к Новгороду.

В начале 1614 года русское 12-тысячное войско осадило Смоленск. В его составе было полторы тысячи алатырцев, курмышан, новокрещенов и татар.

Летом 1615 года шведы попытались захватить Псков. Три месяца продолжалась героическая оборона города. Снять осаду помогли направленные на помощь отряды И.Д. Плещеева, Ф.И. Шереметева, В.П. Черкассого, в составе которых упоминаются сотни татар [Димитриев, 1986, с. 205–206].

6 феврале 1614 года было дано распоряжение о походе к Брянску и на Кричевские места под руководством князя Алексея Михайловича Львова против польско-литовских захватчиков. Определили войско в 7206 человек. Подавляющую массу – 6611 человек составляли чуваши, марийцы, в меньшей степени татары [РК 1598–1638 гг., 1974, с. 263–266]. Поход был успешен. Примечательно, что если в других источниках обычно только констатируется участие черемис в ратных походах, то в хронографе дана оценка их действиям: «... татаровя и черемиса воевали и многой полон поимали и воевав здорово пришли во Брянеск» [Изборник…, 1869, с. 360].

В начале июня польский полковник А. Лисовский осадил Брянск и захватил Карачев. Против него 14 июня направили Д.М. Пожарского и С.И. Исленёва с войском в 6953 человека. К нему на соединение послали рать из Казани во главе с Иваном Норматским числом 7950 человек. Разрядная книга позволяет определить сколько из них из Марийского края. Из Казани – чуваши и черемисы 1730 (ч); из Уржума – чуваши и черемисы 439 (ч); из Свияжска – чуваши и черемисы 693 (ч); из Чебоксар – чуваши и черемисы 850 (ч) и ещё отдельно отряд черемис 477 (ч); из Ядрина – черемисы 291 (ч); из Яранска – черемисы 313 (ч);

из Санчурска – черемисы 260 (ч); из Цивильска – чуваши и черемисы 660 (ч); из Царевококшайска – чуваши и черемисы 256 (ч); из Кокшайска – чуваши и черемиса 107 (ч). Всего 6076 человек, среди которых марийцы могли составлять больше половины. Кроме того, в войске находилось 250 новокрещенов, сотников, тарханов и «бусурманов» [РК 7123 г., 1849, кн. 1, с. 33–34], служивших «своими головами», среди которых марийцев тоже могло быть немало.

Казанское войско соединилось в Лихвине и преследовало поляков, но успеха не добилось. Д.М. Пожарский серьёзно заболел и не мог командовать, а до войска дошло известие о том, что в Поволжье развернулось мощное восстание против резкого увеличения налоговых сборов и «все казанские люди побегоша в Казань» [ПСРЛ, 1910, т. XIV, с. 137]. После этого известий о призыве нерусского населения для войны с интервентами больше нет. Однако дворяне, новокрещены, стрельцы и служилые татары из Среднего Поволжья в боях участвовать продолжали. Так, зимой 1617 и весной 1618 года рати Б.М. Лыкова и Д.М. Черкасского отражали наступление королевича Владислава. В их войсках упоминаются воины с территории Марийского края. Только одних новокрещенов и тарханов (это определённо были марийцы) из Санчурска, Яранска, Уржума, Царевококшайска, Кокшайска и Козьмодемьянска 82 человека [Книга разрядная, 1853, т. 1, с. 450].

В июне 1618 года Владислав начал новое наступление и в Москве спешно собирали силы для защиты столицы. 17 сентября царь Михаил Фёдорович приказал воеводе Б.М. Лыкову собирать воинских людей, где только возможно «и понизовых городов татар, и мордву, и черемису собрать к себе в Нижней Новгород тотчас» и направлять всех на защиту Москвы [Книга разрядная, 1853, т. 1, с. 585–587]. 20 сентября поляки заняли Тушино и начались бои за город, продолжавшиеся до 27 октября. Успели ли прибыть поволжские отряды, не известно, но интервенты захватить столицу России вновь не смогли и отступили. 1 декабря было заключено Деулинское перемирие, на этом Смутное время в России закончилось.

Заключение

В начале XVII века Россия переживала сложный период своей истории, известный как Смута. Тяжёлое экономическое и политическое положение обострило противоречия между социальными группами. Появились самозванцы, выдававшие себя за наследников престола. Разные группы населения связывали надежды на стабилизацию то с одним, то с другим авантюристом. Не стал исключением и Марийский край. Ослаблением страны воспользовались иностранные захватчики, в первую очередь Речь Посполитая. Желая заполучить русские богатства и земли, а также забрать душу россиян через обращение в католичество, польско-литовская шляхта дестабилизировала внутриполитическую ситуацию в России, а затем перешла к прямому вторжению и оккупации. Марийский народ к тому времени уже интегрировался в систему Россий-

ского государства и вместе с иными народами поднялся на борьбу с общим врагом и освободил страну.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Айплатов Г.Н. К вопросу об участии трудовых масс Марийского края в Крестьянской войне в России начала XVII в. // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1964. Вып. 19. С. 137–172.

ААЭ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. II. 872 стб.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. СПб., 1841. Т. 2. 1598-1613. 476 с.

АЮ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 2. 392 с.

Бахтин А.Г. Марийский край в истории России XIII–XVI веков: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2025. 663 с.

Бахтин А.Г., Соколов А.В. Военная история марийского народа. Йошкар-Ола, 2021. 309 с.

Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII вв. / пер. А.А. Севастьяновой. М.: МГУ, 1990. 288 с.

Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары, 1986. 456 с.

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою коммиссиею. СПб., 1846. Т. 1. 400 с.

Дубровина Л.А. Первая крестьянская война в Марийском крае // Труды МарНИИ. Вып. 44: Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980. С. 3–65.

Иванов А.Г., Сануков К.Н. История Марий Эл: учебное пособие. Йошкар-Ола, 2015, 300 с.

Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал А. Попов. М., 1869. 541 с.

Илюшин Б.А. Очерк военного дела и военной истории мордвы, марийцев и чувашей в составе Российского государства XVI–XVII веков. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2021. 240 с.

История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1986. Т. 1. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. 301 с.

История Марий Эл с древнейших времён до наших дней. Йошкар-Ола, 2020. Т. 1. История Марий Эл с древнейших времён до начала XX в. 543 с.

История России: в 20 т. / Ин-т российской истории РАН. М.: Наука, 2024. Т. 5. Россия в XVII веке. Кн. 1. Российское государство в первой половине XVII века 1598–1645 годы. 770 с.

История татар с древнейших времён в семи томах. Казань, 2014. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). 1031 с.

Книги разрядныя, по оффициальным оных спискам изданныя. СПб., 1853. Т. 1. 1380 с.

Книги разрядныя, по оффициальным спискам изданныя. СПб., 1855. Т. 2. 1398 с.

Козаченко А. И. Разгром польской интервенции в начале XVII века. М., 1939. 176 с.

Корецкий В.И., Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612–1613 гг. // Источниковедение отечественной истории, 1989 г. М.: Наука, 1989. С. 240–267.

Коробов С.А. Прошлое марийского народа. Йошкар-Ола, 1957. 159 с.

Костомаров Н. И. Собрание сочинений Н. И. Костомарова. Кн. 2. Т. 5: Смутное время Московскаго государства в начале XVII столетия. СПб., 1904. VII, 672 с.

Летопись занятий Археографической коммиссии. 1861 год. СПб., 1862. Вып. 1. 288 с.

Макаров Д.М. Из истории мари. Первобытный строй – период феодализма (конец XVII века). Пособие для учителей. Йошкар-Ола, 1959. 136 с.

Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М.: Языки славянских культур, 2007. 552 с.

Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. 208 с.

Нестеров Ф.Ф. Связь времён: Опыт исторической публицистики. М.: Молодая гвардия, 1987. 239 с.

Действия Нижегородской губернской учёной архивной коммиссии. Сб. Т. XI. Памятники истории нижегородскаго движения в эпоху смуты и земскаго ополчения 1611–1612 гг. Н. Новгород, 1912. 662 с.

Очерки истории Марийской АССР. (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. 363 с.

Петрей П. История о Великом княжестве Московском // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1865. Кн. 4. С. 1–88.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. XIV. Первая половина. СПб., 1910. 154 с.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. Л., 1978. 304 с.

Пудалов Б.М. «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608–1612 гг. Историографический очерк. Н. Новгород, 2011. 80 с.

РК – Разрядные книги 1598–1638 гг. М.: Ин-т истории СССР, 1974. 398 с.

РК – Разрядная книга 7123 года // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849. Кн. 1. С. 1–60.

Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. 628 с.

Сказание Авраамия Палицына / подгот. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой. М.; Л., 1955. 346 с.

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. СПб., 1819. Ч. 2. 610 с.

Alexander Bakhtin

PARTICIPATION OF THE POPULATION OF THE MARI REGION IN THE LIBERATION OF THE COUNTRY FROM POLISH-LITHUANIAN INVADORS DURING THE TIME OF TROUBLES IN THE EARLY 17TH CENTURY

Introduction. The article examines the complex and controversial events of the Time of Troubles which happened in the early 17th century. **The purpose** of the article is to demonstrate the contribution made by the residents of the Mari region to the country's liberation from the Polish-Lithuanian invaders and to throw light on the past events related with the history of the Mari region and the Mari people. **Materials and methods.** Chronicles provide little information about the Time of Troubles, but

many diverse records have remained. We also used foreign authors' works. Specific historical, comparative and historical methods were used to analyze the available information. **Research results, discussion.** Because of the complex events of the early 17th century the inhabitants of the Mari region were also involved in a political maelstrom. The end of the reigning dynasty led to a flourishing of impostors. People supported pretenders and they were unsure who the «true» pretender was. It was the paradox that everyone supported the tsar. Invaders took advantage of that, and they attempted to take over and plunder Russia through force and deceit. The need to resist foreign invaders contributed to domestic political stabilization and consolidation. The peoples of Russia, including the Mari, united to liberate the country. **Conclusion.** The participation of the Mari people in the liberation of the country from the invaders hastened victory and the end of the Time of Troubles.

Keywords: Cheremis; the Time of Troubles; First and Second People's Militia; K. Minin; D. Pozharsky; P. Lyapunov; D. Trubetskoy; I. Zarutsky; I.F. Sheremetev; impostors; Kazan; Nizhny Novgorod; Moscow; military service.

REFERENCES

Aiplatov G. N. K voprosu ob uchastii trudovikh mass Marijskogo kraja v Krest'janskoj vojne v Rossii nachala XVII v. [On the issue of participation of the working masses of the Mari region in the Peasant War in Russia at the beginning of the 17th century]. *Trudy Mariyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*, Yoshkar-Ola, 1964, iss. 19, pp. 137-172. (In Russian).

Akty, otnosjashchiesja do juridicheskogo byta drevnej Rossii. Tom II. [Acts Relating to the Legal Life of Ancient Russia, Vol. 2]. Saint Petersburg, 1864, 872 col. (In Russian).

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoju kommissieju [Acts of history, collected and published by the Archaeographic Commission]. Saint Petersburg, 1841, vol. 2, 476 p. (In Russian).

Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossijskoy imperii Arkheograficheskoju exspeditsieju imperatorskoj akademii nauk. Tom II. [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire Archaeographic expedition of the Imperial Academy of Sciences, Vol. 2]. Saint Petersburg, 1836, 392 p. (In Russian).

Bakhtin A. G. Mariyskij kraj v istorii Rossii XIII-XVI vekov: ocherki po istorii [Mari Region in the History of Russia of the 13th-16th Centuries: Essays on History]. Yoshkar-Ola, 2025, 663 p. (In Russian).

Bakhtin A. G., Sokolov A. V. Voennaja istoriyj marijskogo naroda [Military History of the Mari]. Yoshkar-Ola, 2021, 309 p. (In Russian).

Gorsej D. Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII vv. [Notes on Russia. 16th – early 17th centuries]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1990, 288 p. (In Russian).

Dimitriev V. D. Chuvashija v epokhu feodalizma (XVI-nachalo XIX v.). [Chuvashia in the Era of Feudalism (XVI-early XX century)]. Cheboksary, 1986, 456 p. (In Russian).

Dopolnenija k aktam istoricheskim, sobrannyja i izdannyja Arkheograficheskoju komissieju. Tom I. [Supplements to the Historical Documents Collected and Published by the Archaeographic Commission, Vol. 1]. Saint Petersburg, 1846, 400 p. (In Russian).

Dubrovina L. A. Pervaja krest'janskaja vojna v Marijskom krae [The First peasant war in the Mari region]. *Trudy Mariyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*, Yoshkar-Ola, 1980, iss. 44, pp. 3-65. (In Russian).

Ivanov A.G., Sanukov K.N. Istorija Marij El: uchebnoe posobie [History of Mari El]. Yoshkar-Ola, 2015, 300 p. (In Russian).

Izbornik slavjanskikh i russkikh sochinenij i statej, vnesennykh v khronografy russkoj redaktsii [Collection of Slavic and Russian Works and Articles Included in the Chronographs of the Russian Edition]. Moscow, 1869, 541 p. (In Russian).

Iljushin B. A. Ocherk voennogo dela i voennoj istorii mordvy, marijtsev i chuvashej v sostave Rossijskogo gosudarstva XVI-XVII vekov [An essay on military affairs and military history of the Mordvins, Mari and Chuvash as part of the Russian state of the 16th-17th centuries]. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet, 2021, 240 p. (In Russian).

Istorija Marijskoj ASSR. Tom 1. S drevnejshih vremjon do Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii [History of the Mari ASSR. Vol. 1. From ancient times to the Great October socialist revolution]. Yoshkar-Ola, 1986, 301 p. (In Russian).

Istorija Marij El s drevnejshih vremen do nashih dnej. Tom 1. Istorija Marij El s drevnejshih vremjon do nachala XX v. [History of Mari El from ancient times to the present day. Vol. 1. History of Mari El from ancient times to the beginning of the 20th century]. Yoshkar-Ola, 2020, 543 p. (In Russian).

Istoriya Rossii: v 20 tomah. Tom 5. Rossija v XVII veke. Kniga 1. Rossijskoe gosudarstvo v pervoj polovine XVII veka 1598-1645 gody [History of Russia in 20 volumes. Vol. 5. Russia in the 17th Century. Book 1. The Russian State in the First Half of the 17th Century (1598–1645)]. Moscow, Nauka, 2024, 770 p. (In Russian).

Istorija tatar s drevnejshih vremjon v semi tomah. Tom V. Tatarskij narod v sostave Rossijskogo gosudarstva (vtoraja polovina XVI–XVIII vv.) [History of the Tatars from ancient times in seven volumes. Vol. 5. The Tatar People as part of the Russian State (second half of the 16th–18th centuries)]. Kazan', 2014, 1031 p. (In Russian).

Knigi razrjadnyja, po offitsial'nym onykh spiskam izdannyja. Tom 1 [Classification books, according to the official publication lists, Vol. 1]. Saint Petersburg, 1853, 1380 p. (In Russian).

Knigi razrjadnyja, po offitsial'nym spiskam izdannyja. Tom 2 [Classification books, according to the official publication lists, Vol. 2]. Saint Petersburg, 1855, 1398 p. (In Russian).

Kozachenko A.I. Razgrom pol'skoj intervencii v nachale XVII veka [The Defeat of the Polish Intervention in the early 17th century]. Moscow, 1939, 176 p. (In Russian).

Koretskij V. I., Lukichev M. P., Stanislavskij A. L. Dokumenty o natsional'no-osvoboditel'noj bor'be v Rossii v 1612-1613 gg. [Documents on the national liberation struggle in Russia in 1612-1613]. *Istochnikovedenie otechestvennoj istorii 1989 god*, Moscow, Nauka, 1989, pp. 240-267. (In Russian).

Korobov S. A. Proshloe marijskogo Naroda [The past of the Mari]. Yoshkar-Ola, 1957, 159 p. (In Russian).

Kostomarov N.I. Sobranie sochinenij N.I. Kostomarova. Kniga 2. Tom 5. Smutnoe vremja Moskovskago gosudarstva v nachale XVII stoletija [Collected works of N. I. Kostomarov. Book 2. Vol. 5. The Time of Troubles of the Muscovite state in the early 17th century]. Saint Petersburg, 1904, 672 p. (In Russian).

Letopis' zanjatij Arkheograficheskoj kommissii 1861 god. Vypusk 1 [Chronicle of the Activities of the Archaeographic Commission, 1861, Issue 1]. Saint Petersburg, 1862, 288 p. (In Russian).

Makarov D. M. Iz istorii mari. Pervobitnyj stroj – period feodalizma konets XVII veka. Posobie dlja uchitelej [From the history of the Mari. Primitive system – the feudal period, late 17th century. A manual for teachers]. Yoshkar-Ola, 1959, 136 p. (In Russian).

Marzheret J. Sostojanie Rossijskoj imperii [The State of the Russian Empire]. Moscow, Yazyki slavjanskikh kul'tur, 2007, 552 p. (In Russian).

Massa I. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. [Brief information about Muscovy at the beginning of the 17th century]. Moscow, 1937. 208 p. (In Russian).

Nesterov F.F. Svjaz' vremjon: Opyt istoricheskoj publitsistiki [The Link of Times: An Experience in Historical Journalism]. Moscow, Molodaja gvardija, 1987, 239 p. (In Russian).

Deistvija Nizhegorodskoj gubernskoj uchjonoj arkhivnoj kommissii. Tom XI. Pamjatniki istorii nizhegorodskago dvizhenija v epokhu smuty i zemskago opolchenija 1611-1612 gg. [Actions of the Nizhny Novgorod Provincial Scientific Archival Commission. Vol. 11. Historical Monuments of the Nizhny Novgorod Movement during the Time of Troubles and the Zemstvo Militia of 1611-1612]. Nizhny Novgorod, 1912, 662 p. (In Russian).

Ocherki istorii Marijskoj ASSR (s drevnejshih vremjon do Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii) [Essays on the history of the Mari ASSR (from ancient times to the Great October socialist revolution)]. Yoshkar-Ola, 1965, 363 p. (In Russian).

Petrei P. Istorija o Velikom knjazhestve Moskovskom [History of the Grand Duchy of Moscow]. *Chtenija v imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh*, Moscow, 1865, book 4, pp. 1-88. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisej. Tom XIV. Pervaja polovina [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 14, The first half]. Saint Petersburg, 1910, 154 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom XXXIV [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34]. Leningrad, 1978, 304 p. (In Russian).

Pudalov B. M. «Smutnoe vremja» i Nizhegorodskoe Povolzh'je v 1608-1612 gg. Istoriograficheskij ocherk [The Time of Troubles and the Nizhny Novgorod Volga Region in 1608–1612: A Historiographical Essay]. Nizhny Novgorod, 2011, 80 p. (In Russian).

Razrjadnyje knigi 1598-1638 gg. [Discharge Books of 1598-1638]. Moscow, Institut istorii SSSR, 1974, 398 p. (In Russian).

Razrjadnaja kniga 7123 goda [Discharge Book of 7123]. *Vremennik Obshchestva istorii i drevnostej rossijskikh*, Moscow, 1849, book 1, pp. 1-60. (In Russian).

Sbornik knjazja Khilkova [Collection of Prince Hilkov]. Saint Petersburg, 1879, 628 p. (In Russian).

Skazanie Avraamija Palitsyna [The Legend of Abraham Palitsin]. Moscow, Leningrad, 1955, 346 p. (In Russian).

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranjashchikhsja v gosudarstvennoj kollegii inostrannykh del. Chast' 2 [Collection of State Certificates and Treaties, Stored in the State Collegium of Foreign Affairs, part 2]. Saint Petersburg, 1819, 610 p. (In Russian).

Бахтин Александр Геннадьевич
доктор исторических наук,
профессор кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: abachtin@mail.ru

Alexander Bakhtin
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the General Education Disciplines and Methods of Teaching Department, Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: abachtin@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.511.131(038)

Рец.: Орфографический словарь удмуртского языка с правилами орфографии и пунктуации: около 55 000 слов и словосочетаний / С.А. Максимов, Л.М. Ившин и др.; отв. ред. С.А. Максимов, Л.М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2025. 876 с.

© 2025 г. Л.В. Бусыгина

В год празднования 105-летия государственности Удмуртии из печати вышло издание «Орфографический словарь удмуртского языка с правилами орфографии и пунктуации», подготовленное в рамках региональной госпрограммы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Удмуртской Республики и иных языков народов республики».

Правила орфографии и пунктуации удмуртского языка, опубликованные в данном издании, переработаны научными сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук совместно с преподавателями Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета. Они неоднократно обсуждались на заседаниях Республиканской термино-орфографической комиссии по удмуртскому языку. Эти правила представляют собой уточнение и систематизацию ранее установленных норм, принятых в 2002 году.

Академический словарь традиционно характеризуется научно обоснованным содержанием, различными вариантами написания слов, подробными комментариями и другим справочным аппаратом. Рецензируемый орфографический словарь удмуртского языка является академическим нормативным справочником, реализующим представление о современной орфографической нормативности применительно к многообразной по своему функциональному и стилевому назначению лексике удмуртского языка. Помимо активно употребляемой общеязыковой лексики, словарь значительно расширен за счет включения большого количества диалектных единиц, неологизмов и заимствованной лексики. Особое внимание уделено специальной терминологии различных отраслей науки и сферы профессиональной деятельности. Значительно

увеличилось число производных словоформ. Благодаря указанным нововведениям словник существенно превышает объемы предыдущих изданий орфографических словарей (55 000 слов и словоформ).

Данный словарь призван удовлетворять разные интересы и потребности пользователей: проверить наличие слова в языке, выяснить особенности его функционирования, уточнить правильность написания, выявить ограничения на употребление слов, уточнить правила правописания на удмуртском языке и многое другое. Такая информационная насыщенность определяет значимость словаря.

Основополагающим разделом словаря являются правила орфографии. Решения большинства орфографических вопросов основаны на ныне действующих правилах письма в удмуртском языке. Вместе с тем авторами скорректированы отдельные положения с учетом современных тенденций развития языка. Так, например, разработан раздел «Ышылйсь аслангаос» («Исчезающие гласные», § 9), в котором подробно описаны случаи выпадения гласных звуков *э, ы, о* в основе слова. Детально расписаны случаи возникновения согласных *к, м, т* на стыке основы слова и аффикса (§ 14). Определены правила написания буквы *й (точкаен и)* в сложных словах после согласных *д, з, л, н, с, т* (§ 7): *висйтэт* ‘интерфикс’, *езйвор* ‘телеграмма’, *зылйнты* ‘плёс’, *кылйтэт* ‘суффикс’ и др. В разделе, посвященном орфоэпическим нормам, утверждены правила написания буквосочетаний *дс, тс* (§ 19), а также согласной буквы *щ*.

В новом издании обоснованы нормы написания сложных слов с послеложными компонентами, а также случаев, когда значение сложного слова отличается от значений составляющих его компонентов (§ 22). Дополнены правила орфографии для каждой части речи. Установлены особые принципы употребления прописных букв в современном стихосложении (§ 98, пункт 2) и т.д.

Небольшие дополнения внесены и в правила пунктуации. Например, уточнены правила расстановки знаков препинания в сложноподчиненных предложениях. Теперь четко регламентирована постановка знаков препинания в стихотворениях, в прозе, в цитатах. Основное обновление заключается в том, что включены все необходимые нормы, отсутствовавшие в предыдущих изданиях.

Такая тщательная проработка сделала орфографический словарь удмуртского языка новаторским изданием в удмуртской лексикографии. Он станет полезным пособием для преподавателей, журналистов, писателей, студентов гуманитарных направлений и всех, кто желает повысить уровень владения удмуртским языком. Словарь призван сыграть определенную роль в формировании образовательных стандартов. Ведь именно на основе этого труда должны разрабатываться учебные пособия и школьные орфографические словари, обеспечивая преемственность и последовательность в изучении удмуртского языка.

Таким образом, орфографический словарь удмуртского языка не только укрепляет статус языка, но и закладывает основу для дальнейших исследований и разработки эффективных методик обучения, способствуя сохранению и развитию удмуртской культуры и традиций.

Бусыгина Людмила Васильевна
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
национального образования,
г. Ижевск
e-mail: buslw@mail.ru

Lyudmila Busygina
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher
of Scientific Research Institute
of National Education,
Izhevsk
e-mail: buslw@mail.ru

УДК 811.511.151

Рец.: Михайлов В.Т. Марийская книга: к 250-летию первой марийской грамматики и 100-летию Марийского книжного издательства / В.Т. Михайлов. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2025. 274 с.

© 2025 г. Е.Г. Ласточкина

В 2025 году общественность Республики Марий Эл отметила важные события, ставшие вехой в социокультурном развитии марийского народа – 250-летие создания первой марийской грамматики «Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка» и 100-летие Марийского книжного издательства. В этой связи была издана рецензируемая книга В.Т. Михайлова «Марийская книга: к 250-летию первой марийской грамматики и 100-летию Марийского книжного издательства» тиражом в 500 экземпляров.

Исследование имеет исключительную актуальность, а также научную и практическую значимость. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления роли национальной книги в сохранении и трансляции культурного наследия, ее значением для формирования этнической идентичности. В теоретическом плане работа вносит вклад в изучение феномена книжной культуры, расширяя существующие научные представления о типологии и функциональности национальных изданий. В практическом аспекте результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегий поддержки и развития национальной книжной традиции, а также для совершенствования издательской практики в области этнической литературы.

Хронологические рамки исследования охватывают большой исторический период становления и развития марийской национальной книги начиная со второй половины XVIII века до современного периода развития книгоиздательского дела в Республике Марий Эл. В книге рассматривается историческая роль российского государства в формировании национальной политики, проведен сравнительный анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации и Республики Марий Эл по книгоиздательскому делу и современного его состояния.

Автором осуществлен скрупулезный сравнительно-исторический, историко-культурный, ретроспективный анализ архивных, нормативных, госу-

дарственных документов о печатном деле, материалов государственной и ведомственной статистики, документации и отчетности издательств по выпуску книг, о состоянии печати и книгоиздательского дела в Марийском крае в годы советской власти и в настоящее время. В книге использованы материалы из фондов Национальной библиотеки им. С.Г. Чавайна, библиотеки МарНИИЯЛИ, Российской национальной библиотеки, библиотеки Издательского дома «Марийское книжное издательство», Государственного архива Республики Марий Эл.

Книга объемом в 274 страницы состоит из предисловия, четырех глав, заключения и библиографического списка. Книга относится к жанру научно-популярного издания. Книга весомая и благородная. Материал изложен легким и доступным языком. Надо отдать должное верстке и дизайну обложки, а также фотографиям, которыми любезно поделились фотографы Д.И. Речкин и М.И. Скобелев, а также архив Издательского дома «Марийское книжное издательство».

В предисловии автор изложил проблему, цели, задачи и методы исследования. Он указывает на то, что в современном книговедении национальная книга рассматривается как социокультурный феномен, определивший, с одной стороны, современное цивилизованное развитие нерусских народов России и пути их приобщения к достижениям российских и общечеловеческих культурных ценностей и отразивший в себе образовательно-просветительскую составляющую этнической культуры; с другой – представивший науку о книге и принципах ее составления.

В первой главе «Зарождение марийской книги: вторая половина XVIII – первая половина XIX веков» выявлены социально-исторические предпосылки зарождения и становления книги на марийском языке. Освещена образовательная политика царского самодержавия по просвещению инородческого населения Казанской губернии во второй половине XVIII – начале XIX века. В этот период, как указывает автор, активизировалась переводческая деятельность, что способствовало появлению книг на языках народов Урало-Поволжского региона, в том числе и на марийском языке.

Осознание царским правительством и миссионерами во второй половине XVIII века того, что путь к христианскому просвещению инородцев прокладывается через родное слово, натолкнуло на мысль о необходимости обучения на родном языке. Это выдвинуло перед ними задачу составления учебных пособий, грамматик и словарей на языках народов Урало-Поволжского региона. В этой связи произошло важное событие в истории изучения и развития языков коренных народов Российской империи: создание первых грамматических трудов по чувашскому, марийскому и удмуртскому языкам – «Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ чувашскаго языка» (1769), «Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка» (1775) и «Сочиненія, принадлежа-

щія къ грамматикѣ вотскаго языка» (1775). Ключевую роль в этом процессе сыграл архиепископ Вениамин Пуцек-Григорович. Являясь ректором Казанской духовной семинарии, он активно занимался изучением языков местных народностей с целью их успешной христианизации.

Первая грамматика марийского языка для своего времени демонстрирует солидную научную работу. В ней содержится довольно обширное описание грамматического (морфологического) строя марийского языка и значительный лексический материал: словарь объемом более одной тысячи слов, ставший, по существу, первым опытом по марийской лексикографии.

Грамматическая часть «Сочинений...» представляет собой элементарный курс морфологии, где исследуются такие части речи, как имена существительное, прилагательное и числительное, а также глагол, наречие, местоимение, междометие и предлог. Более детально анализируются имя существительное и глагол.

В основном оформилась графическая основа марийской письменности – алфавит на основе кириллицы, который в дальнейшем успешно стал обслуживать марийский язык в просветительской и образовательной деятельности. Все это в той или иной мере находило отражение на страницах первых грамматик, учебных пособий и религиозно-миссионерских книг.

Во второй главе «Становление и развитие марийской национальной книги и печати во второй половине XIX – начале XX веков» исследуется дальнейшее распространение религиозно-миссионерской литературы на марийском языке. По свидетельству В.Т. Михайлова, в этот период просвещение марийского народа связано в основном с деятельностью Православного миссионерского общества, при котором была создана специальная Переводческая комиссия. Автор особое внимание уделяет на деятельность миссионера, педагога и общественного деятеля Николая Ивановича Ильминского, оказавшего существенное влияние на форму и содержание просвещения нерусских народов России. Разработанная им педагогическая система по просвещению инородческого населения повлияла на формирование национальной интеллигенции, оказывала позитивное влияние на развитие народов Урало-Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Н.И. Ильминскому удалось создать научно-методическую базу для переводов православных богослужебных книг на основе следования законам народной речи. Тем самым он повлиял на дальнейшее развитие письменности и активизации книгоиздательского дела на языках нерусских народов России.

Данный период характеризуется интенсивным процессом перевода церковных текстов на марийский язык, а также созданием первоначальных книг для обучения марийских детей на родном языке. В этот процесс активно включилась марийская национальная интеллигенция, формирование которой стало возможным благодаря благоприятным политическим, социально-экономиче-

ским и социокультурным условиям, сложившимся в России во второй половине XIX века. Эти условия были обусловлены как объективными потребностями исторического развития, так и необходимостью модернизации и интеграции различных этнических групп в общероссийское культурное пространство.

В своем исследовании В.Т. Михайлов осуществил детальный анализ переводных православных богослужебных книг и учебных пособий, приведя конкретные примеры: текстовые фрагменты и иллюстративный материал. Автор отмечает, что существенное место в марийской учебной литературе отводилось народной педагогике, выраженной в фольклорном материале. В ней также наиболее ярко отразились процессы формирования марийского литературного языка и детской художественной литературы. Составители призывали к объединению наречий и говоров с целью создания единого литературного языка. В предисловиях к книгам содержались методические рекомендации и советы. Разнообразные иллюстрации способствовали овладению процессом чтения, развивали детское образное мышление и память. Своеобразная структура, интересное содержание, доступное изложение – все это способствовало развитию техники чтения, формированию системы научно-прикладных знаний, интереса к языку и литературе у учащихся мари.

В третьей главе «Советский период эволюции марийской национальной книги» прослеживается поступательное развитие марийской национальной книги, становление и развитие печатного дела в годы советской власти (1917 – конец 1980-х годов). В исследовании отмечается, что марийская книга этого периода представляет интерес как историческое и культурное наследие и в то же время как ценнейший опыт создания и издания книг на родном языке. Анализируя политику Советского государства в первые десятилетия его существования, автор приходит к выводу, что этот этап характеризовался активным строительством нового общества и формированием новой культурной политики, что нашло свое отражение в развитии издательской деятельности и печатной продукции. Управление печатью рассматривалось как одна из ключевых сфер деятельности правительства, поскольку через нее можно было эффективно воздействовать на широкие массы населения, что делало печатную продукцию мощным инструментом идеологического воздействия. В национальных регионах были достигнуты значительные успехи в развитии книгоиздательского дела и периодической печати. Марийское книжное издательство стало одним из ярких примеров успешного культурного строительства в данной сфере. В эти годы были заложены фундаментальные принципы, которые определили дальнейшее развитие издательской деятельности и печати в Советском Союзе.

Кроме того, делается акцент на том, что книгоиздательское дело в республике за рассматриваемый период в годы советской власти, особенно на рубе-

же 1960–1980-х годов, сделало огромный скачок. За это время возрос тираж издаваемой литературы, улучшилось ее художественное и полиграфическое оформление. Развитие полиграфической техники сделало возможным издание книг в многокрасочном оформлении офсетным способом. Быстрые темпы роста спроса населения на книжную продукцию были связаны с повышением народного благосостояния, ростом образовательного и культурного уровня населения республики.

В четвертой главе «Современное развитие марийской национальной книги» всесторонне рассматриваются тенденции развития книгоиздательского дела в национальных регионах Российской Федерации и в Республике Марий Эл. В соответствии с современными требованиями к республиканскому книгоиздательскому делу, определяемыми Уставом государственного автономного учреждения Республики Марий Эл «Издательский дом «Марийское книжное издательство» и социальным заказом общества, дается авторская оценка национальной литературе. По мнению В.Т. Михайлова, содержание современных национальных книг должно реализовать двоякую цель:

1) способствовать сохранению и развитию родного языка и культуры, формированию этнического самосознания;

2) содействовать воспитанию общероссийского сознания, толерантной личности, патриота своей страны.

Таким образом, в своем исследовании автор раскрыл универсальность марийской книги, отражавшей достижения национальной культуры, исторической и общественной мысли и внесшей огромный вклад в дело просвещения марийского народа. Исследователь провел историко-сравнительный анализ эволюции марийской книги и на этой основе пришел к выводу, что основные составляющие книги (форма и содержание) должны рассматриваться в связи с ее функциональным назначением и ролью в социокультурной жизни и просвещении народа. Материалы изыскания могут стать составной частью в комплексном исследовании эволюции национальной книги нерусских народов России.

Ласточкина Елена Григорьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка
и литературы ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: antrolea@mail.ru

Elena Lastochkina
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of the Mari language and literature
of the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: antrolea@mail.ru

УДК 821.0 (470.4/5)

Рец.: Литературы народов Урало-Поволжья: конвергенции и дивергенции (коллективная монография под ред. М.И. Ибрагимова). Казань: ИЯЛИ, 2025. 336 с.

© 2025 г. У.Н. Текенова

Рецензируемая монография «Литературы народов Урало-Поволжья: конвергенции и дивергенции» (под редакцией М.И. Ибрагимова) является вторым коллективным трудом ученых, занимающихся исследованием особенностей развития национальных литератур Урало-Поволжья, в котором затрагиваются факторы формирования урало-поволжской межлитературной общности. В частности, в монографии представлены труды современных исследователей из Москвы, Чувашии, Марий Эл, Удмуртии, Мордовии, Татарстана и Екатеринбурга.

Монография состоит из предисловия, трех разделов, списка использованной литературы и сведений об авторах. В предисловии М.И. Ибрагимов справедливо отмечает тематическую эклектичность монографии, так как статьи различаются по содержанию, о чем свидетельствуют и названия статей. Помимо работ, выполненных в русле компаративной методологии, в сборнике представлены анализы отдельных явлений в литературах народов Урало-Поволжья.

В первом разделе «Конвергенции и дивергенции как факторы урало-поволжской межлитературной общности: теоретические проекции» представлены статьи «Конвергенция и дивергенция как факторы современного межлитературного процесса» В.Р. Аминевой, «Этнофутуризм как опыт межкультурных конвергенций (дискуссии 1999–2009 годов)» Л.В. Шибанова, «Особенности формирования «локального текста» в цикле стихотворений Геннадия Ояра «Северные сполохи» Р.А. Кудрявцевой, «Понятие совести в национальных литературах в 1960–1970-е годы: опыт сопоставительного анализа» Д.Ф. Загидуллиной, и «Проблемы развития современной татарской литературы в контексте парадигмы «русская литература и литературы народов Российской Федерации» Г.Т. Гариповой и Э.Ф. Шафранской, в которых освещаются теоретические рефлексии о межлитературности и историко-литературные аспекты проблемы конвергенции и дивергенции как формирующие региональную межлитературную общность в произведениях писателей Урало-Поволжского региона.

Второй раздел монографии – «Эпическое сознание народов Урало-Поволжья: история и современность» включает статьи «Лиро-эпические традиции чувашского фольклора в контексте межжанровых и исторических межэтнических связей» В.Г. Родионова, «Авторский эпос в литературе нового времени» Е.К. Созиной и «Марийский героический эпос «Югорно. Песнь о вещем пути» как этнический способ освоения мира» Г.Е. Шкалиной, которые посвящены исследованию особенностей эпического сознания в словесности народов своего региона в историко-культурном аспекте.

Третий раздел «Жанровые процессы в литературах народов Урало-Поволжья: национальные традиции и типологические параллели» представлен четырьмя статьями, объединенными общностью проблематики – исследование произведений, написанных в различных жанрах, в теоретическом и историко-литературном ракурсе. Это исследование ученых, представленное работами: «Жанры лирического посвящения и багышлау в русской и татарской поэзии: аспекты дивергенции» А.З. Хабибуллиной, «Шпрух, жанровые формы «vierzeiler» и «achtzeiler» и шванк в поэзии поволжских немцев» Е.И. Зейферт, «Книга стихов в поэзии А.М. Шаронова (на материале книг «На земле Инешкипаза» и «Монологи») Е.А. Шароновой, «Великая Отечественная война в удмуртской очеркистике второй половины 1940–1960-х гг. (на примере творчества писателя-фронтовика М. Лямина)» Т.И. Зайцевой и О.М. Максимовой.

Исследования ученых, основанные на сочетании различных современных литературоведческих методов и подходов, позволяют проанализировать произведения различных жанров с точки зрения их художественных и языковых особенностей, в контексте национальной художественной системы (чувашской, мордовской, татарской, марийской, немецкой).

Рецензируемая коллективная монография позволяет ученым-литературоведам и читателям прикоснуться к процессу развития многонациональной отечественной литературы и становлению самосознания народов России, к проблемам национального литературоведения и фольклористики Урало-Поволжского региона.

Несомненно, коллективная монография «Литературы народов Урало-Поволжья: конвергенции и дивергенции» получит широкий отклик и применение среди филологов, учителей словесности, аспирантов и магистрантов, студентов вузов и читателей, интересующихся проблемами национальных литератур народов Российской Федерации.

Текенова Ульяна Николаевна
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
БНУ РА НИИ алтаистики
имени С.С. Суразакова,
г. Горно-Алтайск
e-mail: tekenovau@mail.ru

Ulyana Tekenova
Doctor of Philology,
Senior Researcher
of S.S. Surazakov Research Institute
of Altaic Studies,
Gorno-Altaysk
e-mail: tekenovau@mail.ru

ХРОНИКА

УДК 81`28

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫКИ РОССИИ В КОНТАКТЕ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ»

© 2025 г. Е.В. Кашкин

19–20 сентября 2025 года в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН в смешанном формате состоялась очередная конференция «Языки России в контакте с русским языком». Предыдущие конференции этой серии проводились в 2018, 2021 и 2023 годах. Материалы разных лет доступны на сайте https://ruslangcontact.tilda.ws/.

Тематика конференции включала несколько направлений. Во-первых, рассматривались явления в грамматике и лексике языков России или других территорий, обусловленные контактом с русским языком. Во-вторых, обсуждались результаты контактного взаимодействия автохтонных языков России не только с русским языком, но и друг с другом. В-третьих, для конференции были релевантны особенности русской речи носителей языков России или языков других территорий, которые есть основания объяснять влиянием русского языка. В-четвертых, затрагивалась проблематика переключения кодов.

Значительная часть из сделанных на конференции докладов была сконцентрирована на материале уральских языков (вепсского, горномарийского, карельского, коми, удмуртского). Учитывая направленность журнала, мы уделим особое внимание этим выступлениям. Помимо этого, обсуждались данные алтайских (азербайджанского, башкирского, казахского, татарского, узбекского, хакасского), иранских (митаги-джалганского), романских (испанского, португальского), славянских (украинского), тунгусо-манчжурских (ульчского, эвенкийского), чукотско-камчатских (ительменского), эскимосско-алеутских (эскимосского) языков, смешанного медновского алеутского языка. Некоторые доклады опирались на широкие типологические выборки, включавшие в том числе уральские языки.

Разнообразные проблемы были затронуты в докладах, связанных с грамматическими и лексическими изменениями в контактных языках под русским влиянием.

В докладе Н. Левкович (Университет Бремена) на выборке из 142 языков бывшего СССР обобщены сведения об употреблении заимствованных союзов (в первую очередь из русского языка). Приведены статистические данные о том, какие союзы (в частности, *и*, *а*, *но*, *или*) заимствуются наиболее часто, а также о морфосинтаксических и семантических типах соответствующих клауз. Выводы сопоставлены с ранее предложенными типологическими иерархиями. Избранная автором проблематика крайне актуальна для современных уральских языков, в которых активно используются заимствованные из русского языка союзы, и доклад представляет возможный типологический фон для их исследований.

Непосредственно на уральском материале тематика заимствования союзов была продолжена в докладе А.Д. Подгорной (ИЯз РАН / МГУ, Москва), проанализировавшей корпусными методами употребление сложных предложений с русским союзом *если* в удмуртской речи – в сопоставлении с данными о дистрибуции исконного условного союза *ке*. Рассмотрены и сочетания русского и исконного союзов. Показано, что выбор между одиночным союзом *если* и сочетанием союзов *если* и *ке* зависит от используемой в конструкции глагольной формы: при ее отличии от соответствующей русской конструкции исконный союз имеет тенденцию сохраняться в паре с русским союзом, а не вытесняться полностью.

Роли языковых контактов в развитии систем служебных слов коснулись и другие авторы. В докладе Д.Д. Мордашовой (ИЯз РАН / МГУ, Москва) были представлены полевые данные об употреблении горномарийской частицы *säj* ‘наверное’ в клаузах различных типов и о семантических особенностях этой частицы. Предложена гипотеза о ее заимствовании, возможным источником которого названа русская частица *чай*. Эта гипотеза обоснована историческими и ареальными данными, а также сопоставительным анализом употребления частицы *чай* в территориально близких русских говорах.

Вардиц В. (Кёльнский университет) сопоставила процессы заимствования дискурсивных маркеров в трех ситуациях языкового контакта: между латышским и русским языками в Латвии, между русским/польским и немецким языками в Германии, между украинским (информанты также владеют русским языком) и немецким языками в Германии. Выявлены коммуникативные функции заимствованных маркеров, зависимость их частотности от социолингвистического профиля носителей, ряд других закономерностей.

О заимствовании слов определенного грамматического класса шла речь и в докладе Д.Д. Беловой (НИУ ВШЭ / ИЯз РАН, Москва), сосредоточившейся на закономерностях выбора между коми и русскими числительными в речи коми-ижемцев. Вхождения числительных в использованном корпусе были размечены по типу сущности, подсчет которой производится (возраст, время,

деньги и др.), арифметической величине и классу числительного (в частности, количественные, порядковые, собирательные). Представлена статистическая модель, предсказывающая вероятность выбора формы на коми или на русском языке, в зависимости от значений и сочетаний указанных признаков.

В пленарном докладе Н.Б. Вахтина (Европейский университет в Санкт-Петербурге / ИЛИ РАН) в более широком теоретическом контексте эволюции младописьменных языков было рассмотрено возможное влияние русского языка на ряд конструкций в эскимосских архивных текстах.

Стойнова Н.М. (Гамбургский университет) исследовала свойства показателя отчуждаемой принадлежности *-ŋgu* в ульчском языке. Было продемонстрировано, что сфера его употребления размывается, с возможным влиянием ситуаций языкового контакта и языкового сдвига. Выявлены и некоторые особенности оформления данным показателем лексем, заимствованных из русского языка.

В докладе В.Ю. Гусева (ИЯз РАН, Москва) затронута проблема освоения новых реалий языками России. С учетом ареальных и исторических факторов систематизированы модели наименования русского царя в языках Сибири (в том числе в относящихся к уральской семье тундровом и лесном ненецком, тундровом и лесном энецком, нганасанском, селькупском, хантыйском, мансийском языках). Эти модели включают прямые русские заимствования, ряд лексем с неустановленной этимологией, а также использование различных семантических аналогий (‘белый хан’, ‘бог’, ‘небесный’, ‘солнце’, ‘далекий’ и др.).

В двух докладах были проанализированы контакты автохтонных языков России между собой.

Кашкин Е.В. (ИРЯ РАН / МГУ, Москва) рассмотрел развитие сложных глагольных комплексов в татышлинском говоре удмуртского языка (например, *veras’kə̂sa bas’ti* ‘немного поговорил, букв.: поговорив взял’) под влиянием соседнего тюркского говора (относимого, по разным трактовкам, к татарскому или башкирскому языку). Показано, что между удмуртскими и тюркскими конструкциями имеются многочисленные сходства, включая тонкие параллели в семантике конструкций с конкретными грамматикализованными предикатами. Наряду с этим выявлены отличия, касающиеся отсутствия взаимно однозначного соответствия в исходной семантике некоторых предикатов, асимметрии в моделях грамматикализации позиционных предикатов, развития отдельных конструкций на удмуртской почве вслед общей модели.

Винклер М.-Э.А. (ИЯз РАН / МГУ, Москва) рассказала об исследовании контактов митаги-джалганского (часто обозначаемого более общим наименованием «татский») и азербайджанского языков в Дербентском районе Республики Дагестан. Рассмотрены заимствования из азербайджанского языка

в различных лексических группах, в системах числительных, в ряде грамматических конструкций.

В нескольких докладах обсуждались особенности различных вариантов русского языка, развитие которых в той или иной степени связано с влиянием контактных языков. Одновременно в таких исследованиях ставятся вопросы (зачастую довольно нетривиальные) о том, имеет ли то или иное явление контактную природу или может быть обоснованно рассмотрено как пример независимого развития модели.

Мороз Г.А. и Наккарато К. (НИУ ВШЭ, Москва) проанализировали свойства некоторых конструкций в нестандартной русской речи жителей Дагестана в сопоставлении с данными по другим территориальным вариантам русского языка (Республики Башкортостан, Карелия, Марий Эл, Чувашия и др.). Обсуждалось, во-первых, нестандартное маркирование существительного в количественных конструкциях (*два дом* при литературном *два дома*), во-вторых, оформление субъекта при отрицательном предикате (*газ не было* при литературном *газа не было*). Оценены степень влияния контактных языков на развитие таких конструкций и распространенность отклонений от стандарта в различных вариантах русского языка.

В работе А.В. Тер-Аванесовой (ИРЯ РАН, Москва) были раскрыты особенности русской речи носительницы вепсского языка в записи, сделанной в 1986 году в деревне Педасельга Прионежского района Карелии. В фокусе доклада были фонетические (оканье и ёканье, реализация перехода **ĕ > i*, отличительные черты словесной просодии, в т.ч. наличие второстепенного ударения, устройство ряда акцентных парадигм) и морфосинтаксические особенности (флексии различных частей речи, результативные конструкции, кодирование прямого дополнения), оцененные автором на фоне как других говоров Русского Севера, так и вепсского языка.

В двух докладах были освещены просодические особенности русской речи в различных контактных ситуациях. С.В. Князев и С.В. Дьяченко (ИРЯ РАН, Москва) изучили характеристики фразовой просодии в ситуации длительного русско-украинского контакта в Воронежской области. Доклад С.В. Князева и Т.Н. Коребейниковой (ИРЯ РАН, Москва) касался просодических особенностей речи русско-удмуртских билингвов из деревни Большой Гозек и села Рябово Кировской области. Авторы сосредоточились на интонационных контурах утверждений и общих вопросов, сопоставили материал с данными по архангельским говорам и с доступной информацией о просодии удмуртского языка и наметили сюжеты для анализа материала в более широкой ареальной перспективе.

В докладе В.Е. Владимировой (Томский государственный университет) были представлены результаты психолингвистического эксперимента, при-

званного сопоставить восприятие лексем русского языка с точки зрения пяти модальностей восприятия (зрение, слух, осязание, вкус, запах) носителями русского языка как родного, а также хакасско-русскими и узбекско-русскими билингвами. Выявлены некоторые расхождения, требующие дальнейшего анализа.

В значительном числе докладов было затронуто явление переключения кодов. Многие авторы обсуждали на своем материале и проблему границы между переключением кодов и заимствованием, часто не имеющую простого решения. Теоретические обсуждения такого рода важны и для уралистики, поскольку исследователи часто сталкиваются с русскими вкраплениями в речи носителей уральских языков и с неоднозначностью в трактовке их статуса и в их систематизации.

В пленарном докладе Г.П. Пилипенко (ИнСлав РАН, Москва) освещены особенности русской речи потомков переселенцев, проживающих на ряде территорий Уругвая и Бразилии. Доминантными языками в этих случаях выступают испанский и португальский. Анализу подвергнуты примеры переключения кодов и стратегии адаптации заимствований

Тучак Ф.А. (НИУ ВШЭ / РГГУ, Москва) рассмотрел особенности переключения кодов и близких к нему конструкций на карельском материале с опорой на материалы михайловского людиковского. Для этого идиома характерна, с одной стороны, интерференция с ливвиковским карельским на уровне отдельных морфем или лексем, с другой стороны, интерференция с русским языком вплоть до целых клауз; выявлены и контексты двойного маркирования средствами людиковского карельского и русского языков.

Казакевич О.А. (ИЯз РАН, Москва) рассказала о русских вставках в ительменских текстах различных периодов. Обобщены сведения о лексических заимствованиях в текстах начала XX века и 1960–1970-х годов. На этом фоне рассмотрен материал современных текстов с более распространенными кодовыми переключениями (автор, однако, не исключает, что русские фрагменты могли подвергаться редактированию при подготовке к публикации более ранних ительменских текстов).

В соавторском докладе Ю.Г. Бадрызловой и А. Серикхан (НИУ ВШЭ, Москва) была представлена предварительная классификация контекстов русско-казахского переключения кодов на материале корпуса постов в мессенджере «Телеграм».

Егорова М.А. (РГГУ, Москва) изучила употребление заимствованного из русского языка плейсхолдера (заполнителя паузы хезитации) *это* в эвенкийских текстах. Обсуждались возможные аргументы в пользу анализа примеров с этой единицей как случаев переключения кодов или лексического заимствования.

Наконец, Е.В. Головко (ИЛИ РАН / Европейский университет в Санкт-Петербурге) затронул проблематику смешанных языков, рассказав о ряде точек грамматической вариативности в медновском алеутском языке и о восприятии этой вариативности носителями.

Сделанные на конференции доклады вызывали оживленные дискуссии, в том числе по теоретическим и эмпирическим вопросам, которые необходимо учитывать при работе с материалом уральских языков. По итогам мероприятия планируется подготовить тематический выпуск журнала «Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова». Проведение очередной конференции предварительно намечено на 2027 год.

Кашкин Егор Владимирович
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
г. Москва
e-mail: egorka1988@gmail.com

Egor Kashkin
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher of
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow
e-mail: egorka1988@gmail.com

УДК 78

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНДРЕЯ ЭШПАЯ: ПО ИТОГАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФРЕНЦИИ «А.Я. ЭШПАЙ И МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА XX–XXI ВЕКОВ»

© 2025 г. Е.Г. Соколова

15 мая текущего года исполнилось 100 лет со дня рождения талантливого и самобытного композитора Андрея Яковлевича Эшпая (1925–2015). Мариец по национальности, сын одного из основоположников марийской профессиональной музыки Якова Эшпая, Андрей Яковлевич всю свою долгую творческую жизнь был незримо связан с Марийским краем, с городами Козьмодемьянск – своей малой Родиной, и Йошкар-Олой, где всегда звучала его музыка, где состоялись премьеры многих его сочинений.

С 2013 года в Йошкар-Оле, на базе Марийского республиканского колледжа культуры и искусств имени И.С. Палантая (далее – МРККиИ), при всемерной поддержке Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл проводится Всероссийский конкурс-фестиваль молодых музыкантов имени А.Я. Эшпая. Сам Андрей Яковлевич принимал участие в разработке Положения о конкурсной части мероприятия, был председателем жюри в 2013 и 2015 годах.

В 2025 году состоялся пятый по счету конкурс-фестиваль молодых музыкантов имени А.Я. Эшпая, посвященный 100-летию со дня его рождения. Крупномасштабный проект, включавший в себя, помимо конкурсной части, целую серию концертов, творческих встреч, мастер-классов, длился несколько месяцев – с марта по ноябрь 2025 года. В фестивальной программе приняли участие солисты и исполнительские коллективы из Москвы, Казани, а также все оркестры и академический хор МРККиИ. Каждый концерт фестиваля – незабываемый момент культурной жизни Йошкар-Олы и Марийского края. Примечательно, что два концерта – выступление театра фортепианной импровизации «Импровиз-рояль» и исполнение Образцового духового оркестра МРККиИ состоялись на родине А.Я. Эшпая – в Козьмодемьянске.

Яркой страницей конкурса-фестиваля стала состоявшаяся 25–26 апреля Всероссийская научно-практическая конференция «А.Я. Эшпай и музыкаль-

ная культура XX–XXI веков». Она объединила маститых и молодых ученых из четырех регионов и шести городов России – Москвы, Казани, Уфы, Нижнекамска, Йошкар-Олы и Козьмодемьянска. На протяжении двух дней выступили более 30 музыковедов, культурологов, краеведов.

Конференция проводилась на двух площадках – МРККиИ и Казанской государственной консерватории имени Н.Г. Жиганова (далее – КГК). Участие на паритетных началах Казанской консерватории, одного из авторитетных вузов России, придало конференции значимый научный вес и позволило привлечь большее количество докладчиков и слушателей.

Значительная часть докладов была непосредственно связана с разными аспектами творчества А.Я. Эшпая. В частности, доктором искусствоведения, профессором Московской государственной консерватории А.Л. Маклыгиным был представлен развернутый, полный глубоких, в ряде случаев парадоксальных наблюдений, доклад на тему «Андрей Эшпай и его время». Актуальные вопросы развития национальных музыкальных культур, композиторских школ и профессионального образования регионов Поволжья были рассмотрены в докладах доктора искусствоведения, профессора Московской государственной консерватории К.В. Зенкина; доктора культурологии, профессора Марийского государственного университета Г.В. Шкалиной; кандидата искусствоведения, доцента кафедры эстрадно-джазового исполнительства Уфимского государственного института искусств имени З. Исмагилова А.Д. Хасаншина; доктора искусствоведения, профессора КГК, В.В. Протасовой; преподавателя МРККиИ З.Н. Сайдашевой.

Вопросы изучения и практического освоения национальных традиций многонационального Поволжья нашли претворение в докладах кандидата искусствоведения, заведующей кафедрой этномузыкологии, профессора КГК Л.И. Сарваровой; доктора искусствоведения, профессора кафедры этномузыкологии КГК Е.М. Смирновой и преподавателя МРККиИ Н.Н. Лукияновой; преподавателя МРККиИ Г.В. Шолоховой; вкупе с коллегами результаты своих научных изысканий представили сотрудники Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева – кандидат искусствоведения М.А. Ключева и Н.В. Мушкина; также выступила студентка КГК Л.В. Федорова. Н.В. Мушкина также сделала презентацию составленного ею к 135-летию со дня рождения Якова Эшпая нотного сборника «Марийские народные песни: собрания Якова Эшпая» (МарНИИЯЛИ, 2025).

В том числе были заслушаны научные выступления кандидата искусствоведения, доцента кафедры композиции КГК Е.В. Анисимовой; кандидата искусствоведения, заместителя директора Нижнекамского музыкального колледжа имени С. Сайдашева И.Ф. Талиповой; аспирантки Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского А.М. Кусеновой; главного

архивиста отдела использования документов Государственного архива Республики Марий Эл А.М. Кленова; ответственного секретаря Регионального отделения «Союза композиторов России в Республике Марий Эл» В.Г. Кузнецовой; преподавателей МРККиИ С.А. Шапкиной и О.Н. Волковой; студентов МРККиИ К.М. Секретовой, В.Н. Соколовой, З.Д. Ятмановой и т.д.

Студенты МРККиИ, только начинающие свой путь в научно-исследовательской работе, порадовали непосредственностью и разнообразием избираемой тематики – были представлены сообщения касательно творчества основоположника марийской симфонии Кузьмы Смирнова (докладчик В. Михайлова), современного композитора Григория Архипова (докладчик В. Соколова) и другие.

По материалам конференции планируется издание сборника статей.

Соколова Елена Геннадьевна
преподаватель ГБПОУ РМЭ
«Колледж культуры и искусств
имени И.С. Палантая»,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sokol-27@yandex.ru

Elena Sokolova
Lecturer at the Mari Republican College
of the Culture and Arts named
after I.S. Palantai
Yoshkar-Ola
e-mail: sokol-27@yandex.ru

УДК 39 (470.343)

ПАМЯТИ ТАМАРЫ ЛАВРЕНТЬЕВНЫ МОЛОТОВОЙ (1956–2025)

1 декабря 2025 года ушла из жизни Тамара Лаврентьевна Молотова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ, видный ученый-этнолог, исследователь этнографии марийского народа и других этносов Волго-Камья.

Тамара Лаврентьевна родилась 16 мая 1956 года в городе Йошкар-Оле в рабочей семье. Ее родители происходят из марийских деревень Кугенер и Поланур Сернурского района. В 1978 году она окончила историко-филологический факультет Марийского государственного университета, в этом же году была принята на работу в МарНИИ на должность младшего научного сотрудника сектора археологии и этнографии. В 1981–1984 годах прошла научную стажировку и обучение в аспирантуре Института этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В 1986 году первая марийская соискательница-этнограф Т.Л. Молотова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Основные тенденции развития марийского народного костюма (вторая половина XIX – 80-е годы XX века)». Практически вся её трудовая биография связана с МарНИИЯЛИ, где она проработала более 45 лет. В 2014–2020 годах Т.Л. Молотова возглавляла отдел этнологии.

Основные направления научных исследований Тамары Лаврентьевны Молотовой – материальная культура марийского народа, история народного костюма, традиционное марийское ткачество, традиционная религия, этнография детства, марийская традиционная кухня. Она является автором более

250 научных работ, в том числе монографий «Марийский народный костюм» (1992), «Марийский детский сценический костюм» (2002, соавтор – Л.Н. Солдаткина), «Традиционное марийское ткачество» (2004), книги-альбома «Марийский костюм» (2020), составителем книги-воспоминания «Александр Сергеевич Казимов: Научная биография. Воспоминания» (2020). Она известна как член авторского коллектива ряда коллективных изданий: историко-этнографического очерка «Марийцы» (2005, 2013, 2018), монографий «Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты» (2000) и «Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья» (2010), учебного пособия «Этнография марийского народа» (на мар. и рус. языках, 2000–2001), межрегиональной монографии «Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья» (2002).

Большую роль Т.Л. Молотова сыграла в становлении и развитии журнала «Финно-угроведение». С момента его основания она активно участвовала в подготовке номеров, будучи членом редколлегии, обеспечивая высокий уровень научного содержания публикаций. С 2002 по 2017 год она выполняла весьма важную и хлопотную работу ответственного секретаря журнала. Её деятельность способствовала формированию журнала как авторитетного источника информации и научного ресурса, оказывающего значительное влияние на развитие финно-угроведения.

Тамара Лаврентьевна достойно представляла марийскую этнографическую науку на многих научных конгрессах и конференциях. Она принимала активное участие в популяризации и пропаганде научных знаний через средства массовой информации, в мероприятиях (фестивалях, конкурсах), проводимых учреждениями Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. Ее научно-исследовательская и общественная деятельность получила заслуженную оценку. Она награждена Почетной грамотой Республики Марий Эл (1995), ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл» (2000), присуждена Государственная премия Республики Марий Эл имени И.С. Палантая (2003), вручен медаль ордена «За заслуги перед Марий Эл» (2015). Является зарубежным членом Финно-угорского общества и членом общества М.А. Кастрена.

Коллектив Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева выражает искренние соболезнования родным и близким Тамары Лаврентьевны Молотовой. Коллеги и ученики запомнят ее как выдающегося ученого и мудрого наставника. Светлая память!

Коллектив Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

ХРОНИКА НАУЧНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА ЗА 2025 ГОД

7 января, г. Йошкар-Ола	Календарно-обрядовый праздник «Шорыкйол» отметили в Республике Марий Эл. Он проходил в общественном пространстве «Марий парк» г. Йошкар-Олы. Его программа включала костюмированный парад коллективов, выступления фольклорных коллективов, обрядовые действия, площадки для игр.
7 февраля, г. Йошкар-Ола	Научная сессия «Современное состояние и перспективы развития гуманитарных наук», посвященная Дню российской науки. Проведена в рамках Фестиваля науки в Республике Марий Эл в 2025 году и Десятилетия науки и технологий в России.
27 февраля, г. Йошкар-Ола	XXXI Межрегиональная научно-практическая конференция «Марийское краеведение: опыт и перспективы развития», посвящённая 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Организована Марийским институтом образования» совместно с Ассоциацией учителей родных языков Республики Марий Эл.
20–21 марта, г. Йошкар-Ола	VI Международная научно-практическая конференция «Цифровизация языков народов России: масштабирование опыта и перспективы». В работе форума рассматривались вопросы функционирования языков в цифровом пространстве, вклада цифровых технологий в развитие языка и культуры, развития корпусной лингвистики и прикладных языковых исследований.
1 апреля, с. Троицкий Посад, Республика Марий Эл	Региональная научно-практическая конференция «XXV Игнатьевские чтения: Горные марийцы в историко-культурном пространстве России», приуроченная к Году защитника Отечества и 130-летию со дня рождения Никона Игнатьева – выдающегося классика горномарийской литературы.
10 апреля, г. Ижевск	Международная научно-практическая конференция «Великая Отечественная война 1941–1945 годов: взгляд из XXI века». На ней прозвучали выступления более 100 человек, среди которых представители 15 регионов Российской Федерации, а также Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана. В докладах были рассмотрены опыт сохранения исторической памяти о подвиге наших народов и современные подходы в работе с молодежью по формированию знаний о войне и Победе.

25 апреля, г. Йошкар-Ола	Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «III Ӱпымарий лудмаш (III Васильевские чтения): актуальные проблемы современной компаративистики», приуроченная ко Дню национального героя.
25–26 апреля, г. Глазов	III Всероссийская научная конференция «Язык, история, культура бесермян: современные социокультурные практики», посвященная 105-летию государственности Удмуртии и 35-летию Общества бесермянского народа в Удмуртской Республике. Был рассмотрен широкий спектр актуальных вопросов по языку, истории, литературе, материальной, духовной и музыкальной культуре бесермян. Организована выставка «Культура бесермян: от истоков до современности», участники познакомились с новыми изданиями по истории и культуре бесермян.
14 мая, г. Москва	II Стратегическая сессия «Информационные технологии и языки народов России». На панельной сессии «Цифровые решения поддержки языков народов России» эксперты, ученые поделились своим опытом, проблемами, с которыми сталкиваются при реализации проектов в сфере цифровизации языков.
15–16 мая, г. Йошкар-Ола	XII Международный финно-угорский студенческий форум «Богатство финно-угорских народов». Собрал студентов и молодых специалистов со всего финно-угорского мира. Члены молодежного совета представили свои проекты и достижения широкой аудитории.
19–23 мая, г. Ханты-Мансийск	III Конференция финно-угорских писателей. Города Ханты-Мансийск, Урай и п. Междуреченский стали площадками для диалога литераторов, ученых и культурных деятелей о развитии финно-угорской литературы, сохранении языкового наследия и укреплении культурных связей между народами.
23 мая, г. Ханты-Мансийск	Всероссийская научно-практическая конференция «Защита прав и интересов коренных малочисленных народов Севера». Организаторы – Высшая школа права и Высшая школа гуманитарных наук Югорского государственного университета.
28–29 мая, г. Ханты-Мансийск	I Всероссийская научная конференция с международным участием «Язык. Культура. Коммуникация». Участники представили результаты исследований в разных сферах гуманитарных наук – от лингвистики и филологии до журналистики и истории.

27–28 июня, г. Йошкар-Ола	Межрегиональный праздник «Пеледыш пайрем» («Праздник цветов»). Прошел в честь Года защитника Отечества в России и 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. В рамках праздника проведен фестиваль «Кудо – еш аралтыш» («Подворье – семейный оберег»), который включал разнообразные номинации.
29 июня, дер. Алешкино, Республика Марий Эл	XVII Межрегиональный фольклорно-этнографический праздник «Земля предков». В нем приняли участие свыше 5 тысяч человек из районов Марий Эл и регионов Приволжского федерального округа. В программу вошли выступления народных коллективов в рамках концертной программы «Сила поколений».
2–6 июля, г. Пермь	XVI Конгресс антропологов и этнологов России. Объединил на одной площадке более 1200 ведущих экспертов и исследователей из 73 регионов России и 23 стран мира. В рамках Конгресса было проведено 62 секции и 7 круглых столов, которые охватили широкий спектр тем – от традиционных этнографических исследований до новейших междисциплинарных направлений. В рамках форума состоялся круглый стол «Великая Победа в исторической памяти народов России», приуроченный к 80-летию Победы, ставший важной площадкой для обсуждения вопросов исторической правды и патриотического воспитания.
7–13 июля, с. Микряково, Республика Марий Эл	XVII Всероссийский слёт марийской молодежи, посвященный Году защитника Отечества и 80-летию Великой Победы. Мероприятие реализовано в рамках Всероссийского конкурса программ комплексного развития молодежной политики «Регион для молодых», проводимого Федеральным агентством по делам национальностей. В 2025 году Марий Эл стала победителем данного конкурса.
18–23 августа, г. Тарту, Эстония	XIV Международный конгресс финно-угроведов (CIFU XIV). Организован институтом эстонского и общего языкознания Тартуского университета. Доклады были посвящены финно-угорским языкам и их проблемам, возрождению малых языков, культуре и традициям финно-угорских народов, а также истории стран, где проживают финно-угры.
23 августа, г. Саранск	III Всероссийский молодежный фестиваль национальных культур и креативных индустрий «Мы вместе!». Проходил на шести площадках Саранска у Ледового дворца, стадиона «Старт», площади Дружбы народов.

9–12 сентября, г. Йошкар-Ола	III Всероссийский форум финно-угорских народов «Финно-угорская молодежь в меняющемся мире: реалии и вызовы». Собрал более 250 делегатов из 32 регионов России, включая представителей федеральных и региональных органов власти, научного сообщества, общественных организаций, СМИ и активной молодежи.
12 сентября, г. Йошкар-Ола	VIII съезд Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации». Его тема – «Традиционные духовно-нравственные ценности финно-угорских народов в укреплении единства российской нации». Приняли участие делегаты и гости из 41 субъекта Российской Федерации, более 350 народных представителей: учёные, эксперты, представители власти и общественных организаций.
19–21 сентября, г. Сыктывкар	IX Кинофестиваль финно-угорских народов «Туйвеж» («Перекресток»). С момента своего основания в 2009 году стал уникальной площадкой для демонстрации и обсуждения фильмов, отражающих культуру, традиции и современность финно-угорских народов, стал важным событием в культурной жизни региона, способствующим сохранению и развитию самобытного визуального творчества.
23–24 сентября, г. Ижевск	Международная научная конференция «Перевод Библии как фактор развития национальных языков, взаимодействия культур и традиций народов России», посвященная 80-летию доктора филологических наук иеродиакона Михаила Атаманова.
2 октября, г. Саранск	II Международная научно-практическая конференция «Родной язык и культура в цифровой вселенной». Собрала около 500 участников из разных стран. Проходила в Мордовском государственном педагогическом университете им. М.Е. Евсевьева, на 11 площадках молодые ученые представили результаты своих исследований. Обсуждены вопросы традиций и инноваций в русском языке, сохранение культуры в цифре, онлайн-ресурсы для изучения родного языка.
2–3 октября, г. Йошкар-Ола	Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманитарные науки в России: достижения и перспективы», посвященная 105-летию Республики Марий Эл и 95-летию Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ). Ее работа была организована в трех секциях: «Исторические науки: современный взгляд», «Филологические науки: теория и практика» и «Социология: актуальные вопросы общественного развития в полиэтнических регионах Российской Федерации».

9–10 октября, г. Ижевск – Глазов	Международная научная конференция «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия» (к 105-летию государственности Удмуртии). Организатором выступил Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН при поддержке партнёров. Конференция собрала ученых из различных регионов и городов Российской Федерации, а также из Венгрии, Эстонии, Узбекистана и Азербайджана.
13–19 октября, финно-угорские регионы	Дни родственных финно-угорских народов – это серия мероприятий, знакомящих с финно-угорскими народами и способствующих их сотрудничеству. В последние годы День родственных финно-угорских народов стал символом единства, культурного обмена и уважения к национальным традициям людей разных национальностей.
15–18 октября, г. Кудымкар	Международный фестиваль «Финно-угорский транзит». Посвящен теме «Новые ритмы традиций», собрал музыкантов, артистов, творческих деятелей из разных регионов России и Республики Беларусь. В Культурно-деловом центре Кудымкара состоялся гала-концерт, выступили представители Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, Таймыра, Беларуси, Донецкой Народной Республики.
20–22 октября, г. Казань	Международный научный симпозиум «Современные тенденции развития лингвистической науки: проблематика и методология исследований». Организатор – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. В рамках симпозиума прошли три научных мероприятия: международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы языкознания в свете современных научных исследований», международный семинар «Современные методы исследования звукового строя идиомов» и ежегодная международная молодежная научная школа «Татар гыйлеме» – «Татарская наука», а также состоялся круглый стол «Традиционная культура народов Поволжья и Приуралья: современные стратегии исследования».
21–23 октября, г. Саранск	Всероссийская научно-практическая конференция «Финно-угорские языки в современном мире: функционирование и перспективы развития», посвященная 100-летию заслуженного деятеля науки РФ доктора филологических наук, профессора Д.В. Цыганкина. Проходила в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева.

27–31 октября, г. Йошкар-Ола	III Международный форум «Языки. Культуры. Этносы». Посвящен Году культуры России и Китая, призван стать мостом для укрепления дружеских связей и межнационального диалога. В рамках форума проведена XVII Международная научно-практическая конференция «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты», объединившая исследователей проблем перевода, языковой картины мира, художественных текстов, образовательных технологий.
1–8 ноября, регионы Российской Федерации	X Всероссийская просветительская акция «Большой этнографический диктант». Юбилейная акция направлена на укрепление общероссийской гражданской идентичности, популяризацию традиционных российских духовно-нравственных ценностей и борьбу с фальсификацией истории. Диктант проводится в канун Дня народного единства под девизом «Народов много – страна одна!» по инициативе Федерального агентства по делам национальностей при поддержке партнёров.
4 ноября, г. Москва	Указы Президента Российской Федерации об установлении Дня коренных малочисленных народов Российской Федерации и Дня языков народов Российской Федерации. Согласно им, День языков народов Российской Федерации будет отмечаться 8 сентября, День языков коренных малочисленных народов Российской Федерации – 30 апреля.
5 ноября, Калтасинский район, Республика Башкортостан	X Межрегиональный фестиваль танца восточных мари «Ший кандыра – 2025» – «Серебряная верёвочка – 2025». Его цель – объединение людей, любящих и ценящих марийскую культуру, демонстрация красоты и многообразия марийского танца. Яркое культурное событие собрало более 3500 гостей. Участниками стали более 30 коллективов из республик Башкортостан, Марий Эл, Татарстан и Свердловской области.
7 ноября, г. Саранск	Итоговые мероприятия в рамках проекта «Герои финно-угорских народов Российской Федерации. Связь поколений, преемственность традиций». Прошли на площадке Мордовского государственного педагогического университета им. М.Е. Евсевьева. Организованы Общероссийским общественным движением «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» при поддержке Федерального агентства по делам национальностей. Состоялась торжественная церемония награждения участников и призеров конкурса, а также проведено заседание Молодежного Совета Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации».

9–24 ноября, г. Москва, города Российской Федерации	XXIII Международный театральный форум «Золотой Витязь». В конкурсной программе представили свои спектакли театры из Москвы, Белгорода, Белграда (Сербия), Вологды, Йошкар-Олы, Липецка, Магнитогорска, Минска (Беларусь), Нижнего Новгорода, Норильска, Саранска, Тбилиси (Грузия), Твери, Тулы, Челябинска, Ярославля, США.
11–16 ноября, г. Йошкар-Ола	II Международный фестиваль театров кукол «Яндар». На нем выступили 11 театральных коллективов из разных городов России и Китая. Представлены спектакли разных форматов, жанров и для разных возрастных категорий. Победителем в номинации «Лучший спектакль для детей» стал «Снег» Театра кукол Марий Эл.
12–13 ноября, г. Йошкар-Ола	VII Всероссийская научно-практическая конференция «Регионы России в военной истории страны», посвященная 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Программа включала пленарные и секционные заседания, круглый стол «Без срока давности. Марий Эл», работу выставок на военно-патриотическую тематику.
13–14 ноября, г. Петрозаводск	II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Отражения: язык и культура в синхронии и диахронии». Конференция стала ключевым событием среди мероприятий, посвященных 60-летию основания системы иноязычного образования в Республике Карелия, которые проходили на базе Института иностранных языков.
21–23 ноября, пгт. Советский, г. Йошкар-Ола	IX открытый Межрегиональный фестиваль-конкурс исполнителей национальной эстрадной песни финно-угорских народов «Ший памаш» («Серебряный родник»). Цель – популяризация национального эстрадного песенного творчества финно-угорских народов, выявление и поддержка талантливых вокалистов-любителей и самодеятельных авторов, укрепление творческих связей с финно-угорскими регионами Российской Федерации.
24–26 ноября, г. Сыктывкар	II съезд историков Республики Коми «Межпоколенческая ретрансляция исторической памяти и сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей народов России», включивший ряд научных форумов: международные симпозиумы «Исследователи народов и культур Евразии» и «Гуманитарная наука в регионах России и странах ближнего зарубежья», региональная научно-образовательная конференция молодых исследователей «Актуальные проблемы исторической науки глазами молодых учёных», круглые столы «Научное наследие В.И. Лыткина и современная коми филология», «Актуальные

	проблемы археологии Северо-Востока Европы» и «Новые учебники по истории и историко-патриотическое воспитание и практики краеведческой работы в образовательных учреждениях».
27–28 ноября, г. Ижевск	III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России». В рамках конференции организованы круглый стол «Идеи просветительства в современных реалиях», посвященный 100-летию «Научного общества по изучению Вотского края», и научный симпозиум «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» в культурно-исторической динамике», посвященный 250-летию первой грамматики удмуртского языка.
9 декабря, г. Йошкар-Ола	Научный форум «От первой черемисской грамматики до цифровых технологий», посвященный Дню марийской письменности (Марий тиште кече).
10–11 декабря, г. Москва	IX форум «Языковая политика в Российской Федерации». В его рамках состоялось обсуждение актуальных вопросов сохранения языкового многообразия Российской Федерации, особенностей формирования языкового пространства, создания и наполнения информационных ресурсов, популяризации языков народов России. Новшеством форума стало проведение специальной сессии «День региона. Лучшие региональные практики в сфере цифровизации языков», которая в этом году будет посвящена Республике Марий Эл.
12 декабря, г. Москва	Ежегодная научная сессия в Институте этнологии и антропологии Российской академии наук: Новые горизонты в изучении народов Урала и Поволжья. Она собрала ведущих исследователей для обсуждения актуальных вопросов этнографической и антропологической науки в регионах.
январь – декабрь, г. Йошкар-Ола	Вышли четыре номера научного журнала «Финно-угроведение» (№ 1 (69), 2 (70), 3 (71), 4 (72).

Пекшеева Эльвира Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Elvira Peksheeva
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of Vasilyev
Mari Research Institute of Language,
Literature and History
Yoshkar-Ola
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

«Финно-угроведение», № 4 (72) 2025

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

16+

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 24.12.2025. Вышел в свет 29.12.2025. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,03. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 2091.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
помещение 12-12А, корпус 101А